

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ АН СССР
ПО РАЗРАБОТКЕ НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

*Л. Я. Бляхер, А. Т. Григорьян, Б. М. Кедров,
Б. Г. Кузнецов, В. И. Кузнецов, А. И. Купцов,
Б. В. Левшин, С. Р. Микулинский, Д. В. Ознобишин,
З. К. Соколовская (ученый секретарь), В. Н. Сокольский,
Ю. И. Соловьев, А. С. Федоров (зам. председателя),
И. А. Федосеев (зам. председателя),
Н. А. Фигуровский (зам. председателя),
А. А. Чеканов, С. В. Шухардин, А. П. Юшкевич,
А. Л. Янин (председатель), М. Г. Ярошевский*

А. А. Формозов

**Александр Николаевич
ФОРМОЗОВ**

(1899—1973)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1980

Ф79

Формозов А. А. Александр Николаевич Формозов (1899—1973).— М.: Наука, 1980 (Научные биографии), 152 с.

Книга посвящена жизни и деятельности профессора биологического факультета Московского университета, заведующего отделом биогеографии Института географии АН СССР Александра Николаевича Формозова — одного из основоположников экологии и зоогеографии в СССР. Его книги «Колебания численности промысловых животных», «Снежный покров, его значение в жизни млекопитающих и птиц» получили широкую известность. А. Н. Формозов был также художником-анималистом, автором книг о природе для юношества «Шесть дней в лесах», «Спутник следопыта».

Научная биография ученого, подготовленная на основе его дневников и переписки, рассчитана на широкий круг читателей.

160100000

Ответственный редактор
доктор географических наук
А. А. НАСИМОВИЧ

От автора

После смерти отца я принимал участие в подготовке к изданию его неопубликованных работ, читал очерки о нем, написанные коллегами и учениками. Там не все было точно, многие даты и рассказы о тех или иных событиях приходилось проверять и исправлять. Тогда мне стали внушать, что мой долг составить подробную биографию Александра Николаевича Формозова. Сперва это меня удивило. Ведь он был биологом, смысл его жизни заключался в общении с природой, в попытках разгадать ее тайны, защитить ее от грубого вмешательства человека, привить людям любовь к ней. Я, гуманитарий, от всего этого далек и, следовательно, не смогу раскрыть главное в деятельности своего отца. Тут придется лишь цитировать оценки, данные его начинаниям в специальной литературе.

Потом я решил, что будет бесполезным и иной подход к теме. Характеристики Формозова-натуралиста уже есть¹. Остались и его собственные книги и статьи, научные и популярные. Значит, эта сторона дела более или менее освещена. Я же вправе взглянуть на отца глазами историка.

---

¹ В посвященном памяти А. Н. Формозова номере Бюллетеня Московского общества испытателей природы (Бюл. МОИП. Отдел биол., 1975, т. LXXX, вып. 1) помещены список литературы о нем (с. 40) и статьи А. А. Насимовича, И. А. Шилова, В. М. Смиринина о разных сторонах его деятельности. После этого появился еще ряд публикаций: *Давровский А. А., Варшавский С. Н. и др.* Памяти Александра Николаевича Формозова.— Проблемы особоопасных инфекций. Саратов, 1974, вып. 3 (37), с. 126, 127; *Насимович А. А.* Пионер отечественной экологии.— Природа, 1976, № 3; с. 117—121; *Он же.* Предисловие.— В кн.: *Формозов А. Н.* Звери, птицы и их взаимосвязи со средой обитания. М., Наука, 1976, с. 3—10; *Смирнов Ник.* Александр Формозов — писатель и художник.— Охота и охотничье хозяйство, 1976 № 1, с. 32—36; *Формозов Александр Николаевич.*— В кн.: БСЭ. 3-е изд., 1977, т. 27, с. 549; *Klett M.* Professor Dr. A. N. Formosow (1899—1973).— Z. Angew. Zool., 1975, 62 Jahrg., H. 1, S. 5—8.

Помимо публикаций, отмеченных в примечаниях, основными источниками для меня были архив отца, в частности дневники 1911—1972 гг., его письма к моей матери, хранящиеся у меня, и письма к другим адресатам, заботливо собранные В. И. Осмоловской. (Все это цитируется без указаний на место хранения.)

Для истории рода Формозовых много дали мне рассказы дяди отца — врача Ивана Елпидифоровича Формозова (1879—1977) — и его рукописные мемуары, поступившие в Музей истории здравоохранения Тверской губернии — Калининской области в г. Калинин.

Студентка Горьковского университета Е. М. Абрашневa, готовя дипломную работу «Нижегородский период жизни и деятельности А. Н. Формозова», разыскала в областном архиве ряд интересных документов. С ее разрешения они мной использованы.

С моей рукописью знакомились друзья и ученики Александра Николаевича — А. Г. Воронов, Т. Н. Дунаева, С. В. Кириков, А. А. Насимович. Благодарю их за советы и замечания.

Все штриховые рисунки в книге принадлежат А. Н. Формозову.

Предки. Юность в Нижнем Новгороде (1899—1917)

Отца и меня нередко спрашивали о происхождении нашей фамилии. Предлагали переменить ее на Тайванов. К китайскому острову отношения она не имеет. Formosus значит по-латыни стройный, изящный, красивый, прекрасный. Видимо, какой-то наш предок отличался привлекательной наружностью и кончал духовное училище, где при выпуске его и наградили такой фамилией.

Когда она возникла? Скорее всего, в первой половине XIX в. В № 9 «Нижегородских епархиальных ведомостей» за 1873 г. (с. 212) сообщается о выдаче в 1872 г. диакону Николаю Формозову пособия за службу свыше 25 лет. Следовательно, начал ее он не позже 1847 г. Должно быть, это прадед Александра Николаевича. Со слов Ивана Елпидифоровича Формозова — внука этого диакона и дяди моего отца — я знаю отчество Николая — Епифанович. Носил ли Епифан фамилию Формозов, не известно. У духовенства могло быть и иначе.

Думаю, что наша фамилия появилась в 1820-х годах, когда после указов Александра I 1808 и 1814 гг. об обязательном образовании духовенства кто-то из сыновей сельского причетника должен был пройти курс наук, вероятно, в Нижнем Новгороде. К концу столетия семья уже разрослась: в 1890 г. в нижегородских духовных училищах числились сразу три Николая Формозовых, очевидно родственники, но не более близкие, чем двоюродные братья.

Из этой-то среды мелкого сельского духовенства и происходили предки Александра Николаевича. Первые Формозовы по культурному уровню вряд ли возвышались над своей пастовой, деревенской или городской. Из истории приходского духовенства в России известно, что пополнилось оно в основном крестьянскими детьми, стремившимися таким путем избавиться от податей. Длительное время должности были наследственными: сыновья священников становились священниками, сыновья при-

четников — причетниками. Требования в духовных училищах были низкими. В 1724 г. при Питириме Нижегородском из присланных на учение 427 юношей 132, едва освоив букварь, были отправлены на места священниками и диаконами¹. На фотографии 1879 г., запечатлевшей диакона Николая с женой, Ольгу Ивановну вполне можно принять и за крестьянку и за купчиху.

Старшее поколение Формозовых оканчивало, видимо, лишь низшие духовные училища, не поднимаясь до семинарии. Но дед моего отца, Елпидифор Николаевич, туда все-таки попал, проучившись в Нижнем Новгороде четыре года. На дальнейшее образование средств не хватило: надо было справлять приданое сестре Анфисе. Елпидифор поступил диаконом в Николаевский женский монастырь в Арзамасе, а потом был священником в селах Ризадееве и Круглые Паны. Дьякон Николай обладал мощным басом и за это столь ценился, что даже получил приглашение переехать в Нижний Новгород. У его сына Елпидифора был жиденький тенор, и прихожане обычно оставались им недовольны. В конце концов Елпидифор обосновался в городе Арзамасе в качестве священника Тихвинской кладбищенской церкви. Здесь он женился на дочери настоятеля Изосимовской церкви Иова Авситидийского Анастасии. У них родилось 10 детей, семеро умерли во младенчестве, а выжили Николай (родился 7 января 1871 г.), Софья и Иван.

Иван Елпидифорович вспоминал о своем отце как об убежденном борце с раскольниками (на них во времена Победоносцева вновь начались гонения), тяжелом, мрачном человеке. Он сильно пил, бил жену, не раз выгонял ее из дома, так что, повествуя о своей жизни, она говорила «до первой выгонки», «после третьей». Умер Елпидифор сорока лет, в ноябре 1886 г., от нарыва в горле.

Семейные раздоры мучили детей. Николай старался почаще уходить на охоту, целые дни бродил с ружьем в окрестностях Арзамаса. По счастью, братья матери были люди совсем другого рода. После смерти шурина они приняли на себя заботу о племянниках и много сделали для их воспитания.

В 1869 г. вышел указ об освобождении детей духовенства от обязанности продолжать службу родителей.

¹ Знаменский П. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873; *Он же*. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881, с. 97.

И раньше некоторые семинаристы стремились избежать посвящения в сан и выбирали другие пути. Теперь среда разночинцев разрасталась особенно быстро за счет священнических и дьячковских детей. Все сыновья Иова Авситидийского не пошли по стопам отца. Сергей стал доктором медицины и дивизионным врачом, Иван, тоже медик, был приват-доцентом Московского университета, Павел получил лесотехническое образование в Польше и возглавлял лесничество в Лыскове. В 1897 г. он основал двухгодичную школу «лесных кондукторов», т. е. объездчиков. Усть-Керженская школа — одна из тридцати в России — пользовалась хорошей репутацией.

К этим людям и тянулся молодой Николай Формозов. Он часто проводил каникулы на Керженце у дяди Павла, и труд лесничего или ученого казался ему неизмеримо более привлекательным, чем жизнь пьяницы попа в уездном городишке.

После пребывания в Арзамасском духовном училище (1881—1887) Николая послали в Нижегородскую семинарию, откуда в 1895 г. он был выпущен по первому разряду со званием студента семинарии².

Пройдя такую школу, Николай Елпидифорович был, разумеется, человеком вполне грамотным. В его письмах к сыну много латинских изречений, цитаты из Пушкина, Гоголя, Горького. Он владел и древнегреческим (Иван Елпидифорович до конца дней не забыл, как брат в 1890 г. в лесничестве хорошо подготовил его по этому языку для переэкзаменовки в семинарии), но знаний, необходимых в практической жизни, из семинарии вынесено было мало, естественные науки будущим батюшкам не преподавались. Отказавшись от духовной карьеры, Николай Елпидифорович вынужден был сразу же искать службу, чтобы прокормить себя, мать, брата, сестру и вскоре возникшую собственную семью. Сперва он работал по Всероссийской переписи 1897 г. и переписал родной Арзамас, потом устроился там в конторе винного завода, но через короткое время переехал в Нижний Новгород, где начал службу делопроизводителем врачебного отделения губернского правления в чине коллежского регистратора. В 1905 г. вынужден был уйти в отставку (о чем ниже). С 1909 г. он — столоначальник казенной палаты. Там к 1916 г. дослужился до чина надворного

---

² «Нижегородские епархиальные ведомости» за 1882—1895 гг.

советника, т. е. приобрел права потомственного почетного гражданина³.

Женился Николай Елпидифорович рано, на Елизавете Федоровне Федоровой, старше его на год, родившейся в селе Осташиха Нижегородского уезда. Была она портнихой; выйдя замуж, целиком посвятила себя семье. В 1897 г. родился Николай, в 1899 г.— Александр, в 1900 г.— Нина, в 1902 г.— Галина. Письма Елизаветы Федоровны к младшему сыну в Москву написаны очень неуверенным почерком, почти без знаков препинания, с немалым числом орфографических ошибок и полны беспокойства о здоровье, одежде, питании всех чад и домочадцев. Это была простая, добрая, отзывчивая женщина. Когда она умерла, Александр Николаевич вспоминал о ней так: «Всю жизнь она провела кухаркой, водоноской, поломойкой, прачкой. Ее бедные ноги опухли, а вены на них давно надулись и полопались от вечного стояния у печки и кухонного стола. ... А какие у нее были золотые руки! Наверное, мое умение пилить, рубить, строгать, рисовать, пришивать заплаты и стирать досталось от нее»⁴.

С появлением семьи Николай Елпидифорович с горечью отказался от смутных надежд на университетское образование (что удалось Ивану, уехавшему в 1901 г. после семинарии в Юрьев, где он окончил медицинский факультет), от поисков интересной работы. Надо было содержать семью, тянуть чиновничью ляжку. Служба тяготила, выматывала. Единственной отдушиной оставались охота, поездки в заволжские леса, встречи с простыми деревенскими людьми.

От отца я знал, что дед писал путевые очерки и печатал их в нижегородских газетах. Я пересмотрел в библиотеках губернские издания 1896—1917 гг. и нашел около 15 статей, подписанных Н. Ф., Н. Ф-ов, Н. Ф-в, Н.-ов и бесспорно принадлежащих Николаю Елпидифоровичу. Вероятно, таких публикаций было больше. Хотя материала для суждений об авторе не так уж много, все же мне кажется, что и выявленные мной статьи отражают известную эволюцию его взглядов.

³ Формулярный список о службе столоначальника казенной палаты надворного советника Николая Елпидифоровича Формозова 1917 г. Горьковский областной архив, ф. 2082, оп. 2, ед. хр. 1684, л. 6 об.

⁴ Письмо А. Н. Формозова Л. Н. Формозовой от 20 августа 1928 г.

Николай Елпидифорович
Формозов
(1871—1928)

Елизавета Федоровна
Формозова
(1870—1928)

Самые ранние очерки относятся к 1901—1903 гг. и содержат впечатления от поездок в лесничество Павла Авситидийского и окрестные места на Керженце. Первый подвал в газете «Волгарь» начинается словами: «Постоянный житель города, в большинстве случаев ведущий сидячий кабинетный образ жизни, временами чувствует непреодолимое желание уйти из пыльной городской атмосферы, вздохнуть чистым воздухом деревни, лесов и полей, а если этот городской обыватель в душе еще ружейный охотник или рыбак, то это влечение к природе становится в нем буквально неотразимым. И вот, бросив дела, он неудержимо стремится из города куда-нибудь в глушь, подальше от городской пыли, копоти, людского шума и грохота экипажей»⁵. Тот же мотив звучит и в ряде позднейших статей. Был он близок и Александру Николаевичу.

Вывравшись на волю, Николай Елпидифорович отнюдь не считал себя свободным от каких-либо обязательств перед обществом. Он брался за перо не для того,

⁵ Ф-в Н. Из поездки на Керженец.— Волгарь, 1901, 3 мая.

чтобы рассказать об охотничьих эпизодах, а для того, чтобы обратить внимание на условия жизни крестьян и убедить читателей в необходимости перемен. Автор с болью говорит о ничтожном числе врачей на огромный бездорожный район, о варварских способах лесосплава, об опустошительных пожарах, о том, что мужики, избегая ветеринаров, идут за помощью к знахарям и коновалам.

Вторая статья кончается так: «Эх, тьма народная! Скоро ли ты рассеешься пред светом книжного учения? А теперь она, подобно туману осеннему или дыму от бесконечных пожаров лесных, нависла над землей...»⁶. Сказано здесь и о задачах сельских интеллигентов, о том, как Николай Елпидифорович составлял всяческие прошения для крестьян и сталкивался с местным урядником⁷. Все это типично для народнической литературы. В традициях позднего народничества и был воспитан Н. Е. Формозов, ими он и вдохновлялся. Кумиром деда был Короленко. Владимир Галактионович жил в ссылке в Нижнем Новгороде в 1885—1896 гг. Вряд ли Николай Елпидифорович сумел с ним познакомиться, будучи семинаристом. Но память о мудром, гуманном человеке, о его самоотверженной работе в деревне во время голода 1891 г. долго хранилась в губернском городе. Внимательно читалось все, что он печатал в столичном «Русском богатстве». Влияние короленковского рассказа 1891 г. «Река играет» чувствуется в «наброске с натуры» Н. Е. Формозова «Перевозчик» 1911 г.⁸

Помимо путевых очерков, Николай Елпидифорович пробовал свои силы и в чистой беллетристике. Два его рассказа — «В деревне» (1907) и «Пасхальная ночь» (1911) — очень плохи. В первом идет речь о «члене уездной земской управы из крестьян» Михаиле Ивановиче. В голодный год он организует столовые для детей, находит заработки для их родителей⁹. Во втором отражен другой период — «аграрные беспорядки». Богатый помещик Николай Дмитриевич Игнатьев собирается продать часть земли «товарищескому обществу крестьян села Луговского... на подбор из мироедов», а обозленные

⁶ Ф-ов Н. На Керженце.— Волгарь, 1901, 26 авг.

⁷ Ф. Н. В деревне (летние очерки).— Волгарь, 1903, 11 июня.

⁸ Ф-ов Н. Перевозчик (набросок с натуры).— Нижегородская земская газета, 1911, № 29, с. 778, 779.

⁹ Ф-ов Н. В деревне.— Волгарь, 1907, 1 марта.

этим мужики ближайшего села Лукина хотят спалить его имение. В пасхальную ночь все кончается благополучно: Игнатьев решает отдать «по сходственной цене» землю лукинскому сельскому обществу, а услышавшие благовест поджигатели отказываются от своего преступного намерения¹⁰. Хотя было немало людей, бескорыстно спасавших голодающих, и встречались помещики, стремившиеся по-хорошему договориться с крестьянами, все же рассказы кажутся фальшивыми, сусальными. Это пример упадка народнической беллетристики.

Между двумя названными публикациями надо поместить заметку «По дороге (из поездки в Арзамас)» 1906 г.— прямой отклик на первую русскую революцию. Николай Еллидифорович едет из Нижнего на родину по недавно проложенной железной дороге. Зима, заносы, поезд стоит на станциях по часу и больше. Автор наблюдает за пассажирами и видит, как «отравляется деревня черносотенной литературой. Белознаменный „алатырь“ привез на станцию целые кипы черносотенных газет „Русское знамя“, „Вече“, „Минин“ и др. и вкуче с товарищами раздает бесплатно газетки крестьянам». С удовольствием пишет Николай Еллидифорович о том, как молодой крестьянин «демонстративно рвет на мелкие куски газету и обрывки бросает по ветру. „Людей морочат“,— замечает он и, насупившись, отходит в сторону»¹¹. Кому симпатизирует корреспондент газеты, совершенно ясно.

Но в «Пасхальной ночи» прорываются разочарование и усталость, охватившие определенные слои интеллигенции после поражения революции 1905 г.¹²

По-моему, перелом произошел тогда и в мировоззрении Николая Еллидифоровича. Его ранние статьи печатались в 1901—1907 гг. в самой большой нижегородской газете «Волгарь». Позднее ни одной строчки Формозова в этой газете мы не находим. Времена изменились. Рассказы о жизни деревни уже не так интересовали читателей. Тут публикуются теперь Н. Агнивцев, А. Грин. Серия статей Н. Ф-ова появилась в 1911 г. в «Нижегородской земской газете». Они, на мой взгляд, иные, чем

¹⁰ Ф-ов Н. Пасхальная ночь.— Нижегородская земская газета, 1911, № 14, с. 341—343.

¹¹ Ф-ов Н. По дороге (из поездки в Арзамас).— Волгарь, 1906, 26 дек.

¹² Ф-ов Н. Пасхальная ночь, с. 373.

прежние. Это две сказки — «Березка» и «В лесу» (характерно, что в те же годы сочиняли сказки М. Горький и известный в то время писатель Е. Чириков). Прекрасна природа, страшен вторгающийся в нее человек, губящий красоту и все живое, — таков смысл сказок¹³. Очерк «Фадя (из народных поверий и суеверий)» посвящен забитому, туповатому мужику. Заканчивается он словами: «... и много, много, целый непочатый угол таких „Фадей“ живет на родной Руси. И будут жить эти Фади — полуязычники, полудикари — до тех пор, пока свет образования широкой волной не вольтется в народную массу, не осветит темных мест нашей русской жизни, не озарит „Фадей“ знанием, истинной религией, осмысленным разумом»¹⁴. Это как будто почти то же, что писалось десять лет назад в статье «На Керженце», но тон стал другим, краски мрачнее, веры в мужика меньше. И наконец, большой и, пожалуй, лучший рассказ Николая Елпидифоровича «В лесной глуши». Автор отправляется на охоту и навещает давнего знакомого Михаила Ивановича Шохрова — старообрядца, укрывшегося от людской неправды на пасеке, спасающего душу на лоне природы¹⁵. Его настроение близко и понятно приезжему городскому человеку. Рассказ автобиографичен. В Шохрове легко узнать Чугрова — крестьянина села Красный Яр близ Лысковского лесничества, многолетнего спутника Николая Елпидифоровича в его охотничьих скитаниях.

После 1911 г. в нижегородских газетах статей Н. Ф-ова уже нет. Ему исполнилось всего сорок лет, но он стал все чаще болеть. На охоте, по словам Ивана Елпидифоровича, его брат «сорвал сердце». 28 марта 1913 г. Николай Елпидифорович оформил завещание. В нем, в частности, он просил детей «не отдаляться от природы, жить ближе к ней, так как в ней нет обычных в среде людей фальши и лжи и среди красот ее скорее всего можно найти отдых, успокоение и здоровье». В итоге мне представляется, что мой дед прошел путь от народничества к чему-то вроде толстовства, достаточно типичный для русской интеллигенции начала XX в.

¹³ Ф-ов Н. Березка (сказка). — Нижегородская земская газета, 1911, № 17, с. 478, 479; Ф-ов Н. В лесу (сказка). — Там же, № 50, с. 1378, 1379.

¹⁴ Ф-ов Н. Фадя (из народных поверий и суеверий). — Нижегородская земская газета, 1911, № 41, с. 1099–1102.

¹⁵ Ф-ов Н. В лесной глуши. — Нижегородская земская газета, 1911, № 13, с. 357–363.

Последний эпизод из его биографии, важный для понимания образа нашего главного героя, известен мне только по рассказам. В 1905 г., в период «аграрных беспорядков», было приказано выделить из чиновников людей в помощь полиции. Выбор пал на Формозова, служившего в губернском правлении: мужчина рослый, видный, охотник, значит, и в оружии понимает. Вызывают его и говорят: «Так, мол, и так. С завтрашнего дня направляетесь вы в распоряжение полиции». — «Нет, — отвечает дед, — я не пойду». — «Да вы что, Николай Елпидифорович? Это — приказ. Сам его высокопревосходительство вас назначил». — «Нет, не пойду». — «Да вы забываетесь, милостивый государь! — за неподчинение вас просто уволят». «Нет, не пойду». И уволили. Но то было время общественного подъема. О судьбе отца четырех детей, выброшенного на улицу, заговорили, писали в газетах. Уволенному помогли, устроили его на службу в частный банк. В формулярном списке Н. Е. Формозова это нашло такое отражение: 15 мая 1905 г. он «распоряжением губернского начальника определен на должность пристава 2 стана Горбатовского уезда. Не вступая в должность, согласно прошению, по болезни уволен в отставку» 20 июня 1905 г. Вновь приняли его на государственную службу только в 1909 г. Таков был человек, оказавший на Александра Николаевича едва ли не самое определяющее влияние.

Александр Николаевич Формозов родился 1 февраля 1899 г. (ст. ст.) в Нижнем Новгороде. 5 февраля он был крещен в Воскресенской церкви на улице Дальней¹⁶.

К началу XX в. Нижний Новгород уже крупный губернский город. В 1896 г. в нем жило 81 563 человека, а в 1917 г. — 148 000. Это был промышленный центр с 50 фабриками и заводами, с большим отрядом пролетариата, мощно заявившим о себе в 1905 г. Железнодорожный узел города был связан колеей с Москвой еще с 1862 г., а с 1906 г. — с Севером — Вологдой и Вяткой¹⁷. Нижний Новгород уже в то время являлся крупным речным портом на Волге. На стрелке, при впадении Оки в Волгу, проводилась Всероссийская ярмарка. В городе

¹⁶ Метрическое свидетельство А. Н. Формозова. Горьковский областной архив, ф. 2082, оп. 2, ед. хр. 1684, л. 5.

¹⁷ Нижний Новгород. — В кн.: Энцикл. словарь/Брокгауз и Ефрон. СПб., 1897, т. XXI, с. 51; БСЭ. 3-е изд., 1972, т. 7, с. 140—141.

было немало первоклассных памятников архитектуры: кремль, Архангельский собор, Рождественская церковь, здания в стиле классицизма и ампира. В нижегородском театре на тысячу мест работала сильная группа, гастролировали лучшие артисты России. Уже тогда существовали художественный, исторический и естественноисторический музеи. Как же отразилось все это на формировании характера мальчика из небогатой семьи? Что из окружающего оставило отпечаток на его личности, а что прошло мимо?

Я никогда не слышал от отца о нижегородском театре. Должно быть, если он там и бывал, то очень редко. Не помню я и рассказов о стачках сормовских рабочих, и это было от него далеко. Только в книжке 1926 г. «Наше рыболовство» приведен эпизод двадцатилетней давности. Автору врезалось в память, как на его глазах рыбаки не отдали становому свои незаконные снасти. «Долго, крепко били, по грязи его валяли у ручья, отобрали револьвер, мундир порвали. А потом притихло в ужасе село. И пришел на утро пароход быстроходный, с острым, как у щуки, носом, темно-серой жуткой краской. Вышли стражники с винтовками, потащили рыбаков на пароход, и заплакали, заголосили бабы на селе. Забурлили лопасти винта, побежала пена из-под носа, затрепался по ветру цветистый флаг — увезла полиция речная рыбаков в уездную тюрьму. За решетку посадили их над рекой рыбацкой в башне каменной Макарьевской, что глядится в волжские струи»¹⁸. (Любопытны два момента. Во-первых, после такой впечатляющей картины автор признает, что неправы были все-таки рыбаки, занимавшиеся браконьерством. Во-вторых, сам стиль с несколько навязчивой инверсией, напоминающий построение фраз в очерках Николая Елпидифоровича).

Жизнь губернского центра в целом мальчику была чужда. Недаром в первых изданиях «Шести дней в лесах» возвращение юных охотников в город обрисовано так мрачно: «Захлебываясь в дыму, горбатым чудищем растянулся он, оседлав волжские горы, больной и жадный, поджидал своих жертв, тускло мигал красными глазами фонарей и кашлял хриплыми осипшими гудками паровозов»¹⁹. Должна была пройти четверть века, преж-

¹⁸ *Формозов А. Н.* Наше рыболовство. М.; Л.: Госиздат, 1926, с. 9.

¹⁹ *Формозов А. Н.* Шесть дней в лесах. Л.: изд-во «Синяя птица», 1924, с. 115.

де чем в третьем издании повести тот же эпизод приобрел иную тональность: «Вот и отчий дом — старинный город, верный страж над широкими раздольями Волги... А за ним во все стороны в полумраке вешней ночи — русские бескрайние поля, поля и деревни с томным звоном гармоники, с песнями девушек у околицы и над десятками неисхоженных верст — свежий шелест — ропот вековых лесов, переполненных всяческой жизнью. Любимый край, милая природа, милее их нет во всем свете»²⁰. Тогда, в годы зрелости, стало ясно, что противопоставлять родной город окружавшим его лесным краям не совсем правильно, в чем-то они дополняли друг друга. Тогда, набрасывая в затемненной военной Москве черновики так и не доведенных до конца «Записок натуралиста», Александр Николаевич уделил в них место и нижегородскому кремлю, и Историческому музею, где в одной из башен были собраны памятники древности и старого русского быта (в его детских дневниках я увидел зарисовки кремневых орудий, выставленных в музее). Эти реликвии помогли мальчику прикоснуться к национальным историческим традициям, что оказалось отнюдь немаловажным для научного и художественного творчества А. Н. Формозова.

Но в детстве и юности все воспринималось иначе. Дóроги были не кремль, не гимназия, а Волга, рыбная ловля, первые охотничьи походы с отцом, магазин «Диана», где покупали порох и дробь²¹, собаки, жившие в семье. Уже пяти-, шестилетний Шура часами сидел с удочкой на волжском берегу, ловил плотвичек и ершей, налимов и сазанов, следил за полетом чаек, за поденками и цаплями, всматривался в жизнь рыбаков, перевозчиков. Затаив дыхание, слушал рассказы о Стеньке Разине, о тайственных кладках, о сегодняшних удивительных событиях на великой реке.

Летом семья Формозовых выбиралась за город, не на дачу, а куда-нибудь в обычную деревеньку, где можно было снять дом подешевле, но обязательно близко от Волги и с лодкой. Первое лето, запомнившееся мальчику, было проведено в селе Татинец на правом берегу реки, выше Макарьева. Но особенно яркие впечатления оста-

²⁰ Формозов А. Н. Шесть дней в лесах. М., МОИП, 1948, с. 110.

²¹ Нижегородский охотничий магазин «Диана. К. Г. Кениг и сын» описан в рассказе Н. Н. Зарудина «Древность» (Зарудин Н. Н. Закон яблока. М.: Советская Россия, 1966, с. 135, 136).

лись от более поздних выездов в Лысково: длинные летние дни на вольном воздухе, на лодке с удочками, у таинственных древних стен Макарьевского желтоводского монастыря.

Очень рано Николай Елпидифорович стал брать Шуру на охоту. Из дома на Большой Печерской улице (ныне улица Лядова) они выходили мимо Печерского монастыря, вниз по правому берегу Волги, на старый Казанский тракт, обсаженный березками еще при Аракчееве, и здесь уже можно было увидеть и следы зайцев, и их самих, забыть о городе и погрузиться в общение с природой. Перед отцом Александр благоговел, а тот радовался, что у него появился спутник, помощник, ученик, жадно внимающий его рассказам о зверях и птицах. 23 марта 1923 г., когда сын уже учился в Москве, отец писал ему: «... как хочешь, а ведь есть связь между твоим детским бродяжничеством с отцом по лесам и полям и излюбленным и избранным теперь тобою жизненным поприщем. Конечно, огромное значение имеет и природа: ты в детстве, едва умея бродить, всему предпочитал быть на воле, среди травы и кустов. Гулять, или, как ты тогда выражался, „галать“, было твоим любимым удовольствием».

Так еще в детстве наметилась область интересов Александра Николаевича. В этом как будто нет ничего загадочного: ребенок подражал отцу. Но ведь был и другой сын, старший, а его ни охота, ни природа нисколько не увлекали. Николай Николаевич, подобно младшему брату, переехал в 1920-х годах в Москву, тоже служил в университете, занимаясь психологией, но как-то не нашел себя, рано перевелся на инвалидность и, вечно больной, пережил всех своих родных. На вопрос, почему мы выбираем ту, а не другую дорогу, ответить сплошь и рядом немислимо.

В 1909 г., сдав экзамены по арифметике и русскому языку — устный и письменный, Александр поступил в гимназию. Родители постарались, чтобы все дети получили наилучшее из возможных в городе образование. Поскольку плата за учение составляла 70 рублей в год²², мелкому чиновнику это было нелегко. Мальчишки получали стипендию Нижегородского земства²³.

²² Весь Нижний Новгород и Нижегородская ярмарка. Путеводитель. СПб.: изд. П. Е. Навоева, 1914, с. 47.

²³ Горьковский областной архив, ф. 520, оп. 478, ед. хр. 1752, л. 4.

Н. Е. Формозов с сыном на охоте. Рисунок А. Н. Формозова к первому изданию книги «Шесть дней в лесах», 1923 г.

Нижегородская первая мужская гимназия, помещавшаяся на Благовещенской площади и основанная в 1809 г., была неплохим учебным заведением, с сильным составом преподавателей, с определенными литературными традициями (тут в 1839—1846 гг. преподавал П. И. Мельников-Печерский). Для учащихся устраивали экскурсии. Так, в июле 1914 г. отец побывал на Урале (в Екатеринбурге, Нижнем Тагиле, Кунгуре, Златоусте, Перми). Благодаря школе он овладел латинским, французским и немецким языками, полюбил классическую русскую литературу.

И все-таки гимназическая жизнь для мальчика значила куда меньше, чем охотничьи походы. Вне класса никакого общения с учителями не было. Как-то, разглядывая старую нижегородскую фотографию, где при выпуске были запечатлены все педагоги и ученики, я увидел среди первых портрет Сергея Ивановича Архангельского — известного специалиста по средневековой Англии, избранного в 1940-х годах членом-корреспондентом Академии наук СССР. Я спросил о нем отца, но он не смог

припомнить об историке ничего, кроме одной шалости, с ним связанной.

Того, к чему лежало сердце, гимназия давала мало. А мальчик, вступающий в юношество, чувствовал, что его знания о мире природы скудны, и жаждал их расширить. Сперва он кинулся искать книги. Попросил тетю подарить на очередной день рождения книгу о животных. Та купила альбом, где были нарисованы лягушки, поющие по нотам, и крот в очках с ножницами в лапах. Схватил тургеневские «Записки охотника», принесенные из библиотеки старшим братом,— опять не то, все про людей, а не про зверей. Наконец, удалось достать «Из жизни русской природы. Зоологические очерки и рассказы» профессора М. Н. Богданова. В 1914 г. вышло первое издание «Жизни леса» молодого С. И. Огнева. Оттуда взят эпиграф к самому раннему дневнику А. Н. Формозова 1913—1915 гг.: «Образ жизни наших мелких млекопитающих изучен еще очень мало, а между тем как много интересного можно сделать в этой почти нетронутой области... Собирайте поэтому мелких зверьков, записывайте наблюдения над их образом жизни, привычками, и вы несомненно внесете много нового в эту еще слабо изученную научную область»²⁴. Но ближе всего по духу и настроению оказались для юного натуралиста повести канадского писателя Эрнста Сетона-Томпсона. Их выпускало издательство толстовцев «Посредник», чтобы пробудить любовь к животным в народе, и эти брошюрки, стоившие копейки, были доступны школьнику из бедной семьи.

До конца дней хранил их Александр Николаевич, а тогда в подражание Сетону он принялся рисовать птиц и зверей. Копировал иллюстрации из книг самого Сетона, из охотничьих журналов, иногда попадавших к Николаю Елпидифоровичу, зарисовывал следы, встретившиеся во время походов за город, цветы и деревья, трофеи отца — убитых зверей и птиц и живых — по памяти. «Из года в год его неутомимые попытки изображать овсянок, дятлов и синиц оставляли бесчисленные следы на тетрадях для алгебры и французского, даже на обложках учебников» — говорится в «Шести днях»²⁵. «Опять Формозов синичек рисует», — ворчал учитель латинского язы-

²⁴ Огнев С. И. Жизнь леса. М.: изд. И. Д. Сытина, 1914, с. 28.

²⁵ Формозов А. Н. Шесть дней в лесах. М., 1948, с. 6.

ка. С тех пор он привык, сидя на скучных заседаниях, набрасывать что-нибудь на подвернувшемся клочке бумаги, и нередко соседи выпрашивали эти листки и берегли их годами. Занимался он с ранних лет акварелью, но здесь отсутствие какой-либо школы более сказывалось. Иное дело — рисунки пером, сперва чернилами, а потом тушью. Рука становилась все увереннее, фигуры зверей и птиц — все лаконичнее и одновременно живее.

Рядом с зарисовками в альбомах появились и записи: что видел в Печерах, около Высокова, на Татинском полуострове и просто в городе, по дороге в гимназию. Самые первые записные книжки относятся к 1911 г. Именно тогда Николай Елпидифорович часто печатался в «Нижегородской земской газете», и возможно, что и в этом случае сын невольно подражал отцу. Но отец писал преимущественно о крестьянах, а мальчик — исключительно о животных. В дневниках нет ни одного упоминания о гимназических событиях, отметках, проказах. Внимание целиком сосредоточено на жизни природы. Детские описания неумелы, многие птицы фигурируют под псевдонимами — «желтогрудка», «белохвостка». Но постепенно вырабатывается более четкий стиль, приводятся точные видовые определения. Заметно и еще что-то сверх этого: попытки не только зафиксировать те или иные наблюдения, но и передать свои впечатления в художественных образах — пробы пера будущего писателя-натуралиста. Иногда в дневниках есть поправки рукой Николая Елпидифоровича. Сперва дневник был скорее фенологическим и только позднее стал чисто зоологическим. Но все, что отражает смену времен года, отец заносил в свои тетради до конца дней. Эти явления в жизни природы буквально завораживали его.

Уже в ранних дневниках бросается в глаза внимание к мелочам и умение увидеть за этими мелочами важное и общее — качество, и в дальнейшем составлявшее одну из сильнейших сторон Формозова-натуралиста. Пристально всматривался он в каждую сломанную веточку, в каждый след на снегу или песке, погрызанные орехи и т. д.

Экскурсии за город были достаточно частыми. Так, за 1915 г. есть 118 записей, за 1916 г. — 115.

В те же годы Александр получил в подарок от отца свое первое ружье — бельгийскую дамскую двустволку, начал охотиться самостоятельно и порой даже оказывался

удачливее своего учителя. Увлёкся он и звероловством, ставя капканы в окрестностях города. В январе 1913 г. был пойман чудесный горноста́й в зимнем меху — настоящее счастье! Четверть века спустя Александр Николаевич написал об этом рассказ «Во времена звероловства».

Николай Елпидифорович болел и старел. Запас его сведений о зверях и птицах для сына исчерпался. Нужен был новый наставник. И Александру опять повезло. В городе с 1885 г. существовал основанный В. В. Докучаевым Естественно-исторический музей Нижегородского губернского земства. Разместился он на Варварской улице (ныне улица Веры Фигнер). Ботаническим отделом заведовал там Николай Александрович Попровский (1881—1943). Как и Н. Е. Формозов, он принадлежал к плеяде разночинцев-народников, шедших в сельские учителя, земские врачи в надежде своими «малыми делами» помочь рассеять темноту русской жизни. Николай Александрович был родом из нижегородских краев, какое-то время учился в Петербургском университете, слушал лекции Н. А. Холодковского и В. М. Шимкевича, но, не кончив курса, вернулся в провинцию и посвятил себя краеведению. В одиночку или с немногими добровольными и бесплатными помощниками собирал он образцы средневолжской фауны и флоры, материалы по геологии и почвоведению и систематизировал их в своем маленьком музее. В печати он выступал редко, но знания о природе района за долгие годы приобрел весьма солидные, так что приезжавшие из столиц ученые не раз пользовались его советами и накопленными данными. Человек замкнутый, чудаковатый, холостяк, он любил возиться со школьниками, и дети тянулись к хранителю музея.

К нему-то в 1912 г. и пришел гимназист Александр Формозов. Он и сам в детстве составлял для себя биологические коллекции, сначала бабочек, а потом птичьих яиц. Один случай, когда сидевшая на гнезде зорянка мужественно защищала кладку своим маленьким тельцем от коллекционера, пытавшегося взять хотя бы одно яичко, произвел на него такое впечатление, что собирание было оставлено ради бескорыстных наблюдений за жизнью природы.

И вот недалеко от дома юный натуралист увидел сотни яиц, сотни бабочек, многие десятки чучел птиц и

зверей — все с точными названиями и краткими справками, в каких районах и в каких условиях водятся эти животные. Тут и «желтогрудки» и «белохвостки» получили присвоенные им научкой имена. Уже в дневниках А. Н. Формозова 1913—1914 гг. мы встретим ссылки на определения Н. А. Покровского, не только русские, но и латинские названия видов. Охотничьи походы перестали восприниматься как простое удовольствие. Что-то из добытых зверей и птиц оказывалось нужным для музея. Замеченное в лесу выглядело в новом свете после объяснений опытного биолога. С каждым годом записные книжки гимназиста все больше приближались по типу к дневнику профессионального ученого. Регулярно вести записи Александр Николаевич начал с 12 октября 1914 г. и не прекращал это занятие без малого шесть десятилетий. Некоторые факты, зафиксированные еще в школьные дни, приведены в его работах зрелых лет, некоторые рисунки 1910-х годов вошли в «Спутник следопыта».

Определились темы, волновавшие натуралиста на протяжении всей жизни: «Чудная вещь этот снег: едет ли воз с сеном, упадет ли с дерева листок, пробежит ли черный стройный хорек или крохотная мышь-малютка вылезет покормиться — обо всем останется надпись, точный отпечаток характера и повадок существа, прикасавшегося к этому пушистому и предательскому покрову», — записано в дневнике 4 октября 1916 г. Определился и круг видов, привлекавших особенное внимание следопыта. Есть записи о цветах, о бабочках, ящерицах, но чаще всего — о птицах и мелких зверьках, главным образом о грызунах. Их в любой день можно было наблюдать в окрестностях города. На дневнике 1915—1916 гг. стоит эпитафия из книги Н. А. Холодковского и А. А. Силантьева «Птицы Европы» (вероятно, этот труд одного из

Николай Александрович
Покровский (1881—1943)

своих учителей давал читать Александру Покровский): «Кто бы вы ни были, как бы ни малы были ваши средства, но раз вы искренне интересуетесь птицами, всегда найдется подходящая для вас задача, над которой вы можете поработать с интересом для себя и с пользой для дела. Надо только выбрать ее для себя по плечу»²⁶.

Покровский научил Александра снимать шкурки с убитых животных и изготавливать их тушки. Этот опыт таксидермиста пригодился ему в дальнейшем — и при работе в Дарвиновском музее в Москве, и при создании собственной коллекции, нужной как наглядное пособие к лекциям в университете.

Одним словом, Н. А. Покровский сыграл в жизни А. Н. Формозова очень большую роль. Из писем Николая Елпидифоровича к сыну видно, что в середине 1920-х годов Покровский помогал бедствовавшей семье Формозовых даже материально. Александр Николаевич тепло вспоминал о скромном хранителе земского музея в «Записках натуралиста», с любовью говорил о нем студентам и своим детям, рассказывая о юности.

В последних классах гимназии Александру удалось найти друзей, не меньше, чем он, увлеченных охотой, скитаниями по среднерусским лесам. Это были его однокашники Алексеев и Зарудин. Иван Константинович Алексеев прожил скромную жизнь, работая в Борском лесничестве на Волге, умер в 1950-х годах. Николай Николаевич Зарудин (1899—1937) был в свое время достаточно известен как поэт и прозаик, глава литературной группы «Перевал». Избранные произведения его переизданы и хорошо приняты новым поколением читателей²⁷.

Начало его творческого пути, как и пути моего отца, можно проследить по рукописному журналу «Любитель природы» с подзаголовком «Журнал, издаваемый бродягами — охотниками-натуралистами Н. Зарудиным, А. Формозовым и И. Алексеевым». Уцелело несколько номеров. Седьмой, и, вероятно, последний, датирован 17 января 1917 г., первый же был составлен в 1915 г. Кроме редакторов, писали В. Постников, В. Васин, а рисовал и оформ-

²⁶ Холодковский Н. А., Силантьев А. А. Птицы Европы: Практическая орнитология с атласом европейских птиц. СПб.: изд. А. Ф. Девриен, 1901, с. LXXVI.

²⁷ Зарудин Н. В народном лесу. М.: Советская Россия, 1970; *Он же*. Тридцать ночей на винограднике. М.: Советская Россия, 1975.

Страница из дневника А. Н. Формозова, 1917 г.

ля журнал только Формозов. В его статьях «Белка», «Зимняя покровительственная окраска», «Юркинский остров», «Весенний прилет и пролет птиц в 1915 году» мы найдем и собранные им самим факты, и первые попытки поделиться ими с окружающими, передать им свое волнение, свою любовь к обитателям волжских берегов. После Февральской революции однокашники отца напечатали в настоящей типографии несколько номеров

«Журнала кружка 8-х классов Нижегородской первой гимназии». Сохранившийся № 2 за апрель 1917 г. отличается удивительной пестротой. Тут и стихи К. Демидова «На смерть борца за свободу», и приветствующая свержение самодержавия статья «Садко» «Пора, давно пора!», и очерк Н. Зарудина «Памяти К. Р.» с цитатами из стихов этого второстепенного поэта — великого князя Константина Романова, и трактат Давида Лурье «О национальном вопросе». Странно выглядит среди этих публикаций заметка А. Формозова «Малая кукушка (*Cuculus intermedius*)». Рядом — рецензия А. Дурмашкина на комплект «Любителя природы». Из нее видно, что одноклассники чуть ли не накануне выпуска впервые услышали об этом, существовавшем уже два года, журнале.

Завязывались связи и с большой наукой. В одной из нижегородских газет было перепечатано письмо Д. Н. Кайгородова с просьбой к любителям природы присылать сведения о сроках пролета различных птиц. И гимназист Формозов стал снабжать петербургского профессора этими данными, получая от него ответы с выражением признательности за помощь.

3 мая 1917 г. гимназия была окончена. В аттестате стояли пятерки по закону божьему и законоведению, истории и географии и четверки — по русскому языку и словесности, философской пропедевтике, математике, физике, математической географии, латинскому, немецкому и французскому языкам (биологии в аттестате совсем нет, хотя по сведениям, собранным Е. М. Абрашневой, в гимназии были неплохой кабинет с пособиями по естествознанию и хороший учитель В. В. Раевский). Казалось бы, открывалась дорога к занятию любимым делом. Где — еще не очень ясно. То ли надо учиться в университете, то ли поступить в музей к Покровскому, хотя бы препаратором, но во всяком случае оставаясь «бродягой — охотником-натуралистом». В дневниках рядом с наблюдениями записываются всякие практические рекомендации: как строить шалаши (шести типов), как жарить на костре картошку и рыбу и т. д. Жизнь в лесу планировалась всерьез и надолго. Но шла весна 1917 г., и хотя в дневнике нет ни слова о мировой войне и Февральской революции, именно эти события, а не юношеские мечты определили будущее выпускника классической гимназии.

В целом к восемнадцати годам Александр Фор-

мозов был уже очень неплохо подготовленным биологом. Он был превосходным наблюдателем, хорошо читал жизнь животных по их следам, твердо знал видовые названия всех встречавшихся ему зверей и птиц, умел добывать их и делать тушки, освоил литературу о них, различал их следы, выяснил многие черты их поведения, прекрасно рисовал животных и разнообразные проявления их жизни. А главное — он искренне и бескорыстно любил этих тварей и хотел посвятить их изучению все свои силы. Выработались навыки полевого исследователя, оставшиеся неизменными до конца дней.

А. Н. Формозов после окончания гимназии, 1917 г.

Труд зоолога — это прежде всего непосредственные наблюдения в лесу, в пустыне, в горах, а не занятия в кабинете с книгами, тушками и скелетами, это несчетные километры, пройденные пешком или на лыжах, в дождь и в снег, проваливаясь в болота, но не отступая ни на шаг. За плечами — рюкзак, у пояса — сумка с дневником, куда заносится и зарисовывается все, заслуживающее внимания. Так было в 1912 г. Так было и в 1972.

Когда в Московском университете поднимался вопрос, кем надо пополнять биологический факультет, профессор Формозов всегда подчеркивал, что нужно отдавать предпочтение молодежи с рано выявившимися интересами, уже на школьной скамье тянущейся к природе²⁸. Этой аудитории юных натуралистов в первую очередь адресовал он свои популярные книжки и статьи. Им — школьникам-юннатам, не жалея времени, посылал он длинные письма с ответами на вопросы (даже на сверхнаивные, например: «каким клеем лучше пользоваться, делая вы-

²⁸ Формозов А. Н. О работе студентов-зоологов в природе.— В кн.: МГУ. Учебно-методическая конференция 7–13 июня 1945 г.: Тез. докл. М., 1945, с. 38.

ставку в школе?»). Конечно, он вспоминал тогда о собственном детстве, о своих замечательных наставниках — отце Николае Елпидифоровиче и хранителе земского музея Николае Александровиче Покровском.

Трудные перепоутья (1917—1920)

28 октября 1917 г. в Нижнем Новгороде была установлена Советская власть.

Перевернулась страница мировой истории, но уяснить сразу же значение происходящего было отнюдь не просто. В семье с устойчивыми демократическими традициями ни малейшего сочувствия к павшему самодержавию, конечно, никто не высказывал. Надеялись на обновление России, на возникновение на обломках самовластья нового, справедливого строя. Но каким должен быть новый строй, в чем смысл происходивших в стране событий, в семье Формозовых не задумывались. Каждый жил своей жизнью, своими обычными интересами. Так, накануне 27 октября 1917 г. Александр Формозов записал в своем дневнике: «В ночь выпал снег, окончился он около 7 часов утра. Пороша неглубокая, мягкая и очень неплохая. У с. Высокова, на задах среди огородов и картофельников, заметил надметины русачьего следа, пошел по нему, несколько раз терял. Русак сделал петлю на картофельнике и круто повернул вправо. Тут я потерял след и остановился. Вдруг сзади послышался шорох, и русак уже несся по полю, легко перескакивая через межи и кочки. Преследование его по гонному следу было безрезультатным, так как он лежал очень сторожко и подымался далеко. У Графского дола по бугру несколько заячьих следов, один спустился вниз и здесь шел по осокам болота, затем заяц вышел к бугру и лег на водомойне, густо заросшей желтыми травами. Оказался небольшим белячком. Вылинял, и сильно-бурый цвет только по спине и на голове, весом он около 8 фунтов. Русак еще линяет, на следу по кустам оставляет ключья рыжей шерсти. Кое-где следы хорьков, горностаев и ласок. Следов мелких грызунов мало. Утром кричали пуночки».

В Нижнем Новгороде с 1916 г. находился в эвакуации Варшавский политехнический институт. 8 июля 1917 г. Александр подал туда заявление о приеме¹. Конкурс был достаточно трудным: из 4000 подавших заявления отобрали всего 403 человека². 30 июля 1917 г. А. Н. Формозов обратился к директору института с новым заявлением: «Вследствие высокого конкурса я, имея средний балл 4, не попал по конкурсу в число студентов вверенного Вам института. Дороговизна жизни и крайне ограниченные средства, которыми располагает моя семья, лишают меня возможности продолжать образование вне родного города, ввиду чего почтительнейше ходатайствую перед Вашим превосходительством о принятии меня на химическое или горное отделение института как нижегородского уроженца»³. 10 сентября последовала резолюция о зачислении просителя на химическое отделение.

На первом курсе Александр изучал математику, физику, неорганическую химию, начертательную геометрию, кристаллографию, геодезию, ботанику, основы технологии металлов, техническое черчение, рисование, топографическое черчение. Ботанику вел М. С. Цвет — известный физиолог и биохимик растений⁴.

Нужно было не только заниматься, но и позаботиться о заработках, выбрав службу, хоть сколько-нибудь отвечающую душевным потребностям. Николай Елпиди́форович болел все серьезнее, постоянной работы у него не было. Он уже давно подчинил жизнь семьи строгой экономии. Теперь все члены семьи должны были вносить свою лепту в домашний бюджет. Сразу по окончании гимназии, весной 1917 г., Александр нанялся старшим рабочим и практикантом в изыскательскую партию министерства путей сообщения, совершавшую плавание на брандвахте № 34 по Сухоне и Северной Двине. Жизнь на великой реке подсказывала наиболее интересный вариант работы. 22 апреля Александр выехал пароходом в Ярославль, оттуда — поездом в Вологду и далее проплавал до 22 сентября в районе Устюга. Назад вернулся

---

¹ Горьковский областной архив, ф. 2082, оп. 2, ед. хр. 1684, л. 3.

² Горьковский политехнический: Очерк истории института. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1971, с. 5, 7.

³ Горьковский областной архив, ф. 2082, оп. 2, ед. хр. 1684, л. 2.

⁴ *Абрашневa Е. М.* Нижегородский период жизни и деятельности А. Н. Формозова (рукопись), с. 20, 21.

поездом из Архангельска. Записи, сделанные на Камарницком, Красногорском, Аристовском, Пушкинском перекатах, в Приводине и Затоне, посвящены все тем же сюжетам: птицы у реки и звери в окрестных лесах. Рядом — зарисовки следов. Вокруг можно было увидеть тогда и многое другое. Начинались продовольственные трудности. Наверное, не так легко давалось недавнему гимназисту матросское житье. Но обо всем этом нет ни слова. Все мысли сосредоточены на природе, животном мире. Он похож на знакомый средневожский, но заметны и новые черты, северные, таежные.

В 1918 г. в Нижнем Новгороде Александр совмещает учебу с работой. С 22 апреля по 25 сентября 1918 г. он снова в плавании на брандвахте № 56, курсировавшей между Костромой и Ярославлем. Он был старшим рабочим и десятником, получал жалованье плюс доплату на дороговизну.

К концу лета 1918 г. три четверти территории страны находились в руках белогвардейцев и интервентов. Это был едва ли не самый критический момент в гражданской войне. 2 сентября 1918 г. республика была объявлена военным лагерем. 30 ноября создан Совет рабочей и крестьянской обороны во главе с В. И. Лениным. Было решено, что к началу 1919 г. Красная Армия достигнет численности 1,2 миллиона человек. Призывались все родившиеся в 1889—1900 гг. Был мобилизован и Александр Формозов. Вернулся он из армии в родной город почти через два года.

Дневник этих двух лет погиб. Весной 1920 г. отец попытался восстановить основное, то, что не забылось в самой трудной обстановке. Эти записи занимают всего пять с половиной страниц на машинке и, как и прежде, посвящены исключительно зверям и птицам. Он был в новом для себя краю, в степной полосе, видел дроф, сусликов. Исходя из этого конспекта, обрывков рассказов и материалов по истории гражданской войны, я попробую схематически наметить путь, пройденный за полтора года красноармейцем Формозовым.

Вначале он служил на родине. В нижегородском дневнике есть записи от 16 и 17 ноября и от 8 и 16 декабря 1918 г. Недавнего студента сделали чертежником. «Сижу, согнувшись над грудой чертежей, планов, схем. Онемевшие, запачканные разноцветной тушью пальцы машинально водят рейсфедером, и бегут из-под него то тонень-

сандр использует его не для сна и отдыха, а для традиционных вылазок за город.

Видимо, где-то около Нового года мобилизованных отправили в Москву. В те дни революция открыла перед народом двери театров. Для красноармейцев спектакли были бесплатными. И из каких-то казарм на окраине Александр ходил пешком через весь город в Большой театр слушать оперы. С тех пор он помнил многие сцены и арии. Не знаю, бывал ли он в Москве в гимназические годы. Возможно, это было его первое знакомство с городом, где в дальнейшем он прожил полвека.

В начале 1919 г. Формозов на Южном фронте. Позднее он записал свои наблюдения над хохлатыми жаворонками в феврале у села Репное под Балашовым. В мае часть перебросили в занятую еще в феврале⁵ колонию немцев-гернгутеров Сарепту. Тут создавалась линия укруплений, защищавшая Царицын с южной стороны.

Уцелело единственное письмо Александра к Николаю Елпидифоровичу времен гражданской войны. Послано оно 22 мая 1919 г. и хорошо передает настроение отправителя: «Второй день как обретаюсь в колонии Сарепта в уютном домике немца Гауна. Прокатили поперек через большую часть казачьих владений. Что за места! Без границ, без конца ширятся кругом равнины, то бархатно-черные, только что вспаханные, то изумрудно-зеленые под пастбищами, и то тут, то там крохотными точками темнеют на них стада. Трудно вообразить всю ширину и необъятность степей, живя в нашей овражистой и пересеченной местности. Расстояния здесь как-то скрадываются, глаз видит далеко-далеко, и так хорошо потонуть в беспредельной равнине, синеющей и дрожащей от теплого воздуха... Приехали в Сарепту... Город сам хоть и цел, но зато окрестности все изрыты окопами, избиты снарядами, всюду валяются трупы лошадей, а местами выгладывают разможенные черепа и обглоданные ноги..., а выйдешь в степь — тишина, покой и смирение этой невозмутимой ничем природы сразу как-то успокаивают. Волнуются по ветру ковыли, сладко пахнет мелкой степной полынью, далеко-далеко уходят светло-серые скаты, и суслики, свистнув задорно и звонко, скрываются в норки, завидев этого странного пешего человека». Обратный адрес: «XII военно-полевое строительство республики,

⁵ Южный фронт. Март 1918 — март 1919. Ростов н/Д, 1962, с. 358.

ких зайцев-бонжово, они еще не
 перешли: в этот день и ланка
 вводу по эту сторону из пороги.
 Голубки соржи; дрозда рублишши
 оканчивают свои гнезда, просиивают "заманги".

На полях среди кустов стаяла лан. подорожничково, они
 довольно осторожны, при приближении приближаются к
 земле и совершают незаметный.

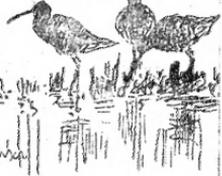
На мелком берегу каменистой, обидей
 аидо норки, от хариба тингасте
 форми. Они ужили что рожки вай
 владомучо, но заросли.

решки
 округленности
 устье, в нем

5 мая. Дрозды рублишши сверли углубили впитали лотки ослики.

5 мая вечером. Луна ливела велем у Приводина. На лунае
 ширки во большом стаяло. На вблжании Золотини от кожан
 милой кошкы ослики харили етими в 5 часовей, на
 другом конце того же болотца было еще
 с 10 тими же харили. Ухо сгуща лотки
 углуби по тини широкат и втискилу, про-
 мещиву, но сито; крива ил ил хитавилли

Страница из дневника А. Н. Формозова, 1917 г.

чертежнику А. Ф.». Вскоре обстановка изменилась. Бе-
 лые двинулись на Донбасс⁶.

В автобиографии Формозова упомянуто об участии в
 боях под Жутовым и Арчедой. Вероятно, это было в
 июне, когда около Царицына развернулось сражение с

⁶ Изложение событий по кн.: История гражданской войны в СССР. М.: Госполитиздат, 1957, т. 3, с. 340—343; 1959, т. 4, с. 69—72, 174—181, 216—227, 258—300; Егоров А. И. Разгром Деникина. 1919. М.: Госвоениздат, 1931; Агуреев К. В. Разгром белогвардейских войск Деникина. М.: Воениздат, 1961.

подошедшими с Кавказа войсками генерала Врангеля. В июле-августе в районе станций Филоново и Алексиково, между Балашовом и оставленным Царицыном, отец записывал наблюдения над степными пеструшками.

А потом Александр Николаевич попал в плен. Произошло это на станции Лог, к северо-западу от Царицына, там, где Дон и Волга ближе всего подходят друг к другу. Пленных построили и погнали пешком в тыл. Отстававших пристреливали, и на седлах у казаков росли груды вещей, снятых с убитых. У Александра в фуражке были зашиты топографические карты. Он отдал их нескольким спутникам, решившим бежать. Одного из них отец встретил уже после освобождения из плена, и тот помог ему устроиться в штаб 9-й армии. Вероятно, об этом переходе в дневнике сказано: «...прошел походным порядком от ст. Усть-Медведицкой до ст. Нижне-Чирской, но видел мало. Все степи и степи, то волнующиеся морем зеленой пшеницы, то серовато-голубоватые от зарослей полыни». Из этой записи видно, что даже в тяжелых условиях Александр Формозов не прекращал своих наблюдений. Видимо, для Формозова плен начался в августе. В его автобиографиях и в основном на них очерке А. А. Насимовича говорится, что пленных угнали на Донец. Но из дневника военных лет видно, что это не так. Туда занесены отдельные наблюдения: сентябрьские — над дрофами на Дону, скорее всего того же месяца — над золотистыми щурками у Нижне-Чирской и октябрьские и ноябрьские у станиц Бурацкой, Зотовской, Аржановской и Акишевской (хутор Зрянина) на Хопре. Это означает, что пленных сперва отвели от линии фронта на юг, а потом, после успешного наступления белых, направили на север. Отец рассказывал, что, разрушив и рассредоточив пленных по разным частям, казаки использовали их на вспомогательных работах.

В конце октября денкиинцы под ударами Красной Армии покатались на юг, навстречу полному крушению.

Среди отступавших свирепствовал тиф. Три тяжелых приступа его перенес и Александр Николаевич. Сперва он старался не отстать от колонны, но быстро обессилел и был брошен вместе с другими больными, мертвыми и умирающими пленными в разбитом здании железнодорожной станции Устье Белой Калитвы на Северском Донце... Медицинской помощи не было никакой, еды тоже не было. Оставалось либо лежать и ждать смерти,

либо ценой крайнего напряжения сделать попытку спастись — уйти со станции, найти людей, которые помогут и накормят. В жару, с затуманенной головой отец вышел в степь и побрел наугад по какой-то дороге. Было уже холодно (вероятно, декабрь). Если упадешь — наверняка замерзнешь. И он шел и шел, пока вдали, уже на рассвете, не закричали петухи. То был хутор Кочевань станицы Екатерининской. Пленный тифозный красноармеец переступил порог хаты донских казаков, выбрав самую бедную. Его приняли, накормили и приютили. Всю зиму он прожил на хуторе, выздоровел, дождался прихода своих.

Я знаю имена людей, спасших отца: Федор Иванович Губарев и жена его, Анна Яковлевна. Вернувшись домой и вскоре после переезда в Москву Александр Николаевич переписывался с ними. В его архиве я нашел трогательное полуграмотное послание «начальнику Московского университета». Федор Иванович просил сообщить, что случилось с Александром Формозовым, поступившим, как он слышал, туда учиться, и приволил свой адрес — может быть, новый: хутор Синегорский станицы Екатерининской. Ответил отец или нет, не известно.

Как ни гостеприимны были Губаревы, а зимовать приходилось в тылу у белых.

В район Екатерининской красные пришли между 25 декабря 1919 г. и 2 января 1920 г.⁷

Глухо доходили сведения о фронтовых событиях до занесенного снегом маленького степного хутора. Сперва больной был без сознания. В бреду его даже привязывали к кровати. Потом полегчало. Отец вспоминал, как приходили в хату девушки, пели казачьи песни. Поправившись, он стал рисовать. Мельник заказал ему изображение своей мельницы и дал за него мешок муки. Будущее казалось туманным. Александр бродил по окрестностям, возобновил записи о жизни встречавшихся ему птиц и зверей («в конце января видел самца тростниковой овсянки»).

Где-то весной он покинул Кочевань. Пришлось пройти проверку, просидеть некоторое время в тюрьме (за февраль-март в дневнике нет ни одной записи). Но это было благом. Подразделение, куда его сначала направили, по-

---

⁷ *Азурев К. В.* Разгром белогвардейских войск Деникина, с. 157.

гибло в боях. Выйдя и из этого испытания, отец присоединился к направлявшимся на фронт частям. Вместе с ними он двинулся на Кавказ в роли чертежника оперативного отдела штаба 9-й армии. Есть записи его апрельских наблюдений в районе Ростова-на-Дону и Екатеринодара.

2 мая 1920 г. Кубанское казачье войско капитулировало. Тогда же демобилизовался и А. Н. Формозов. Я не слышал от него, что в дни гражданской войны он бывал в Туапсе или Сочи. Когда он писал в своей автобиографии о демобилизации после выхода 9-й армии к Черному морю, то, скорее всего, не имел в виду лично себя, а говорил об общем положении дел. С фронта Формозов был отозван 2 мая 1920 г. как работник отдела речных наблюдательных станций управления водного транспорта Волжского бассейна Нижегородского совнархоза.

Запись о куропатках, замеченных 10 мая 1920 г. у хутора Кочевань, показывает, что по пути домой Александр Николаевич заехал к своим спасителям. К лету 1920 г. он был уже дома, а 1 июля отправился в очередной рейс на брандвахте. Она спускалась вниз по Волге — к Сызрани, Вольску, Хвалынску, Саратову. В дневнике, как всегда заполненном данными о животных, прорываются признания, что команда голодает. Вся надежда на рыбную ловлю или удачную охоту. Плавание длилось более пяти месяцев. В Нижний вернулись 5 декабря. Важным результатом поездки была привезенная с низовьев Волги соль. Ее можно было обменивать на продукты, поддерживая бедствующую семью.

Война для А. Н. Формозова закончилась. Виделся конец ее и для всей страны. Начиналась новая жизнь. Нужно было думать, как найти в ней свое место.

Студенческие годы (1920—1925)

25 июня 1918 г. на базе ликвидированного Политехнического института в Нижнем Новгороде был создан университет. После демобилизации Александр продолжал там свое обучение, выбрав, конечно, биологический факультет. Потом факультет был закрыт, и Формозов уехал в Москву. С тех пор он бывал в родном городе лишь наездами.

До осени 1922 г. Александр выполнял обязанности техника-топографа в отделе речных наблюдательных станций. Возобновились его экскурсии по окрестностям города, по-прежнему велись дневники. На дневнике 1921—1922 гг. поставлен эпитафия — слова К. Ф. Рулье, которые впоследствии профессор Формозов часто повторял своим ученикам: «Приляг к лужице, изучи подробно существа — растения и животных, ее населяющих, в постепенном развитии и взаимно непрестанно перекрещивающихся отношениях организации и образа жизни, и ты для науки сделаешь несравненно более, нежели многие путешественники»¹. Уроженец Нижнего Новгорода профессор Московского университета К. Ф. Рулье (1814—1858), о чьих лекциях восторженно писал Герцен, стоит у истоков отечественной экологии. Александр Николаевич считал его своим научным прадедом, а дедом — Н. А. Серверцова. Обоим он посвятил содержательные очерки.

У молодого Нижегородского университета не было ни сильного преподавательского состава, ни хорошего оборудования. Тем не менее занятия шли по положенной программе. На пароходе «Горный инженер Белямин» проводилась летняя практика, студенты изучали рыб и планктон. Однокурсники отца Е. Я. Шапошникова и Л. А. Самойлович рассказывали Е. М. Абрашневой, что он выделялся среди студентов уровнем своих знаний, много времени проводил в университете, выступал там в кружке «Зоологические вечера», много работал в Естественноисторическом музее. Пароход для практики достал якобы именно он, пользуясь старыми связями с водниками. С 26 января по 24 марта 1921 г. он входил в курсовой студенческий комитет².

Все же чаще Александр Николаевич совершал вылазки в природу один. В октябре 1921 г. он отправился в командировку от Естественноисторического музея Нижегородской губернии для исследования сибирской фауны хвойных лесов Керженца и его притоков. Время было уже позднее. В основном пришлось ограничиться расспросами охотников. Тогда отец добрался до знаменитого Оленевого скита, описанного Мельниковым-Печерским,

¹ Рулье К. Ф. Жизнь животных по отношению к внешним условиям. М., 1852, с. 118.

² Горьковский областной архив, ф. 377, оп. 1, ед. хр. 810, л. 52, 127; Абрашневая Е. М. Нижегородский период жизни и деятельности А. Н. Формозова (рукопись), с. 28—30.

гием — Зорькой Шапошниковым нашло отражение в «Шести днях в лесах». В дальнейшем Георгий Дмитриевич стал инженером авиационной промышленности, а Федор Дмитриевич — ученым-зоологом. В 1960-х годах он преподавал в Тюменском пединституте. Александр Николаевич регулярно с ним переписывался, навещал его в Тюмени, ездил с ним по Оби.

Со временем учебы в Нижегородском университете связаны и первые выступления А. Н. Формозова в печати. Это заметки «К биологии *Rana esculenta* L.», «Залет фламिंगо в Нижегородскую губернию», «Некоторые сведения о водных млекопитающих реки Керженца». Они появились в 1922—1923 гг. в «Русском гидробиологическом журнале», выходившем в Саратове под редакцией профессора А. Л. Бенинга (1890—1943). Побывав в Нижнем Новгороде, он познакомился с увлеченным зоологией студентом и заказал ему эти статьи. Они основаны на собственных наблюдениях.

Первая заметка отца занимает всего полстранички и излагает единственный факт: на его глазах 20 августа 1920 г. в Макарьевском уезде лягушка проглотила маленькую птичку — камышевку. Третья статья солиднее и по объему и по материалу. В ней уже целая серия наблюдений, итог двух поездок на Керженец³.

В начале 1923 г. вышло и первое научно-художественное произведение А. Н. Формозова — «К наступающей весне». Оно увидело свет в нижегородском журнале «Охотник» — одном из тех эфемерных изданий, что возникали повсеместно в годы нэпа. В другом номере этого журнала мы найдем стихотворение Н. Зарудина «На Волжских горах» с посвящением «А. Н. Формозову»:

За перелесками вражьими
Сорочий стрекот по садам.
С ружьем почти что утро каждое
Иду к соломенным буграм.
Мой хрусткий шаг жнитвою колкою
Так осторожен в тишине.
Просторно вскинется двустволка
По черной заячьей спине...⁴.

³ Наиболее полный список публикаций А. Н. Формозова приложен к его кн.: Звери и птицы и их взаимосвязи со средой обитания. М.: Наука, 1976, с. 295—307. Дополнение см. ниже.

⁴ Охотник, 1924, № 1, с. 20. Перепечатано в кн.: Зарудин Н. Подем — юностью. М.: Советский писатель, 1970, с. 79.

Как видим, два послевоенных нижегородских года не были пустыми, но юноше, равшемуся к знаниям, становилось тесно в провинции. Он съездил в Муром на Окскую биологическую станцию Московского университета и записал 10 октября 1921 г. в своем дневнике, что вернулся с верой в молодые силы России. С 1921 г. он переписывался с А. Л. Бенингом и С. И. Огневым (1886—1951), посылал им свои фаунистические сборы. Сохранились их благодарственные письма. Огнев уже тогда слышал о рисунках Формозова. С января 1922 г. Александр Николаевич «занился изучением зимней жизни большого пестрого дятла по программе, предложенной кружком юных натуралистов биологической станции в Сокольниках под Москвой» (запись в дневнике от 25 января 1922 г.). С автором этой программы, пионером кольцевания птиц в СССР Николаем Ивановичем Дергуновым (1898—1928) также велась переписка.

19 октября 1921 г. биологический факультет в Нижнем Новгороде был преобразован в медицинский. Александр Николаевич проучился там еще год на биологическом отделении, а потом уехал в Москву (договариваться о переводе в Московский университет он ездил в марте 1922 г.). Решение вроде бы естественное, но достаточно смелое. В столице не было ни родных, ни знакомых, ни жилья, ни заработков. Были зато молодость, здоровье, уверенность в своих возможностях. И действительно, все устроилось, прежде всего со службой. Формозов пришел в Дарвиновский музей, созданный в 1907 г. при Высших женских курсах, а в 1922 г. как раз превратившийся в самостоятельное учреждение, и предложил свои услуги в качестве художника и таксидермиста. Его взяли в штат, и, более того, директор и основатель музея Александр Федорович Котс (1880—1964) разрешил ему и поселиться там. Год спустя Котс помог напечатать «Шесть дней в лесах». Александр Николаевич числился ассистентом-инструктором по отделу монтировки биологических препаратов и коллекций в выставочных залах и получал 20 рублей в месяц.

В музее, где он проработал до 1925 г., до сих пор висят его акварели «Барсук», «Хорь», «Лиса», выставлены сделанные им тушки и чучела. Оформляя экспозицию, он смог кое-чему научиться у лучших наших художников-анималистов Василия Алексеевича Ватагина (1883—1969) и Алексея Никаноровича Комарова (1879—

1977). Подаренные ими картины украшали его комнату песколько десятилетий. С Вагатиным подружились и семьями, жили вместе лето 1930 г. на даче в Тарусе.

Но главное было, конечно, не в музее, а в университете. Биологический факультет еще не выделился. Существовало естественное (с 1923 г. биологическое) отделение физико-математического факультета. Туда и поступил Александр Формозов. Прежде всего он обратился, видимо, к Сергею Ивановичу Огневу. Его книгу «Жизнь леса» он знал с детства, а в дальнейшем переписывался с ним: Огнев был молодым преподавателем (с 1920 г.), даже еще не доцентом (стал им в 1926 г.), но считался уже восходящей звездой в зоологии. На вечере памяти Александра Николаевича его однокурсник профессор В. Г. Гептнер вспоминал, как Огнев сказал однажды своим студентам: «Кто мне приходил сегодня интереснейший парень». Это был Формозов. Едва приехав в Москву, он принес столичному ученому свои дневники, зарисовки, сообщил ему о некоторых наблюдениях в Поволжье.

Огнев согласился руководить новым студентом, опекал его и в аспирантуре. Ряд лет отношения их ничем не омрачались. В одной из первых публикаций отца выражается благодарность «дорогому учителю»⁵. Тот в свою очередь высказывал в печати в 1928 г. признательность «моему другу А. Н. Формозову» за иллюстрации к книге «Звери Восточной Европы и Северной Азии»⁶. В 30-х годах пути наставника и ученика разошлись. Сергей Иванович был человеком суховатым, методичным. Хотя он проявил себя и как популяризатор, и как полевой зоолог,

А. Н. Формозов — студент Московского университета

⁵ *Формозов А. Н.* Заметки о млекопитающих Северного Кавказа. — Учен. зап. Северо-Кавказск. ин-та краеведения, Владикавказ, 1926, т. 1, с. 73.

⁶ *Огнев С. И.* Звери Восточной Европы и Северной Азии. М.: Госиздат, 1928, т. 1, с. 4.

в зрелые годы он тяготел больше к кабинетной работе с чучелами, тушками и скелетами, сосредоточившись на описании новых видов и подвидов животных, на их классификации. В этой области он и оставил самый значительный след в науке, подготовив семь томов монументального труда «Звери Восточной Европы и Северной Азии» (переименованного позже в «Звери СССР и прилегающих стран», 1928—1950). Это направление биологии — систематика, фаунистика — не было чуждо Александру Николаевичу. Он и сам внес определенный вклад в эти дисциплины, но его привлекала иная деятельность — непосредственное общение с природой, расшифровка связей животного мира с растительностью, почвой, ландшафтом. Отход от Огнева и его серьезной, но мертвой науки был неизбежен. Но в 1962 г. А. Н. Формозов помянул добром давнего учителя, тогда уже покойного, в предисловии к переизданию его «Жизни леса».

К счастью, в университете отец встретился с другим замечательным биологом — профессором Борисом Михайловичем Житковым (1872—1943). До 1930 г. он заведовал кафедрой зоологии позвоночных. Житков происходил из старинной дворянской семьи, родственной таким знаменитым ученым фамилиям, как Филатовы, Ляпуновы, Крыловы. Он окончил Нижегородский дворянский институт и был, следовательно, в известной мере земляком Александра Николаевича, что тоже играло какую-то роль в их взаимоотношениях. Но аристократической спеси в нем не было и следа. Это был человек редкого обаяния. По словам Формозова, он «обладал удивительным даром привлекать сердца всех, кто имел возможность узнать его ближе». Он рассказал и о любви к старому профессору всей больничной палаты, где он провел свои последние дни суровой зимой 1943 г.⁷

Борис Михайлович принадлежал к числу тех деятелей науки, кто писал сравнительно мало, но зато всем интересовался, все читал. Любая беседа с подобными людьми радует и стоит дороже иных толстых книг. Житков великолепно владел русским языком, чувствовал себя своим во всех областях русской культуры XIX в. и был органическим звеном, соединявшим новую, послеоктябрь-

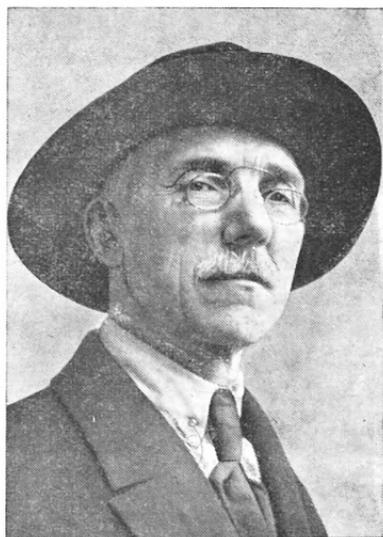
---

⁷ Формозов А. Н. Борис Михайлович Житков. — В кн.: Отечественные физико-географы и путешественники. М.: Учпедгиз, 1959, с. 182, 183.

скую науку с традициями до-революционной интеллигенции.

Охотник, путешественник, знаток Севера России, крупный ученый и прекрасный популяризатор, развивавший, помимо чистой науки, и ее прикладные охотоведческие аспекты, Житков оказался ближе по духу Формозову, чем более молодой Огнев. В 30-х — начале 40-х годов отец трогательно заботился о старевшем учителе, жившем бобылем где-то на Садовом кольце. Он хоронил его и посвятил ему три очерка. Для меня он переписал кусок мемуаров Житкова с повествованием о предках и жизни русской провинции прошлого века.

Кроме Огнева и Житкова, студенту Формозову довелось слушать других выдающихся биологов — академиков Михаила Александровича Мензбира (1855—1935) и Алексея Николаевича Северцова (1866—1936), профессора Григория Александровича Кожевникова (1866—1933). Северцов, занятый эволюционной морфологией, теоретическими проблемами биологии, почти смыкающимися с философией, не привлек человека, воспитанного на конкретной работе в природе. Напротив, с Мензбиром Формозов сумел найти общий язык. Отцу навсегда запомнилось, как в 1927 г. Михаил Александрович позвонил ему и, нарочито официально известив: «Александр Николаевич, Московское общество испытателей природы избрало Вас своим действительным членом», — тут же положил трубку, чтобы не слышать благодарностей (Мензбир был президентом МОИП). Это был его стиль. «Я вам не балерина!» — раздраженно сказал он студентам, принявшимся аплодировать ему после лекции. Огромная трудоспособность, бескрайние знания, желание делиться ими и с молодежью, и с широким читателем, бескорыстная преданность науке — все импонировало начинающему зооло-

Борис Михайлович Житков
(1872—1943)

гу в авторе классического труда «Птицы России». А он, внимательно приглядываясь к работе застенчивого нижегородца, изредка подбадривал его скупыми похвалами и видел в нем своего возможного преемника.

Учение в 20-х годах не было обставлено особенными формальностями. Посещать лекции не требовалось. В среде студентов затесалось немало случайных людей, не интересовавшихся ни ботаникой, ни зоологией. Тем теснее сплотился кружок молодежи, решившей целиком посвятить себя науке. В него, кроме Формозова, входили Владимир Георгиевич Гептнер (1901—1975) — териолог, в будущем профессор МГУ, Лев Борисович Бёме (1895—1954) — орнитолог, ставший профессором в Орджоникидзе, профессор-энтомолог Павел Михайлович Рафес, Вениамин Григорьевич Богоров (1904—1971) — океанолог, впоследствии член-корреспондент Академии наук СССР, Николай Владимирович Шибанов (1903—1960) — видный герпетолог. Они с юношеским самонадеянием называли себя «биологами божьей милостью».

Бёме был родом из Владикавказа (его отец, Борис Ричардович, — городской адвокат и соавтор одной из ранних пьес М. А. Булгакова), он пригласил друзей приехать к нему на охоту в горах. Молодость легка на подъем. Уже в декабре 1923 г. Александр Николаевич вместе с Гептнером и Рафёсом побывал в Осетии и Кабарде. В 1924 и 1925 гг. поездки на Кавказ повторились. Огнев советовал ученикам заняться малоизученным Дагестаном.

Все в те годы было очень просто. Гептнер вспоминал, как восприняли появление московских студентов в Махачкале: «...приехали какие-то оборванцы, сели на подоконник, болтая ножками, и говорят: „Давайте нам денег“». И деньги давали. В Осетии, Дагестане, Кабарде создавались национальные республики. Им нужна была помощь из центра для организации музеев, институтов краеведения, и на предложение молодых столичных специалистов откликались охотно, выделяли им средства для поездок, проводников, лошадей, даже «бесплатные долгосрочные билеты в местный государственный кинематограф».

Так еще в студенческие годы отец получил представление о совершенно новом для него географическом регионе, не похожем ни на нижегородские леса, ни на донские и нижневолжские степи. В 1923 г. он видел сравнительно обжитые места в окрестностях Владикавказа,

Муртазова, Коби, охотился на фазанов, лисиц, зайцев, волков, лесных кошек. Поездки в Дагестан были гораздо сложнее. Биологи отправились в высокогорье, в бездорожные, труднодоступные районы, где в 1924—1925 гг. еще пошаливали бандиты.

В 1924 г. из Гуниба поднимались вверх по реке Каракойсу к аулам Тлерош, Гучоб, а оттуда — почти к линии снегов у аулов Карда и Тлярат. А. Н. Формозов писал тогда в Москву: «...окрестные горы и аулы — дичь непролазная. Никогда-никогда нога зоолога еще не ступала здесь. Туров здесь столько, что тропы, проделанные ими на каменистых осыпях, видны за несколько верст, а стада иногда доходят до 100 голов... Жили мы в каменном кутанчике (кутан — летнее стойбище пастухов. — А. Ф.) у большой скалы, лежащей на зеленом лугу. Быт пастухов и жизнь этой цветущей долины среди снегов, кажется, самые яркие пятна от всего путешествия. Нельзя не любить этих гор, этой речки, весело-бурливой, турьих троп и цветущего сочного луга, не боящегося ипея, покрывающего его травы каждое ясное утро. С чувством горького расставания покинули мы кутан Чодокло и поехали обратно уже другой дорогой, вниз по большой красивой реке Аварское Койсу. Еще днем мы ехали по луговинкам черники, пересекли лес с земляникой, а уже к вечеру показались сады абрикосов, виноградники, орехи, пирамидальные тополя... Только в Дагестане флора и фауна сменяются с такой бурной поспешностью»⁸.

В 1925 г. от станции Билиджи биологи поднялись вверх по Самуру через аул Куруш к отрогам Шахдага. Об этом маршруте двадцать лет спустя рассказано в «Записках натуралиста».

В итоге поездок были собраны богатые коллекции, частью оставленные в местных музеях, частью привезенные в Москву. Бёме обрабатывал материалы по птицам, Гептнер и Формозов — по млекопитающим. Отец нашел новый подвид водяной крысы в Дагестане (*Arvicola terrestris Kurushi* Непт. et Form.), написал об осетинской и дагестанской фауне ряд статей. Иные из них увидели свет в 1926—1928 гг., другие залежались. Большая статья «Млекопитающие Дагестана», подготовленная студентами Гептнером и Формозовым, вышла лишь в 1941 г., когда они стали профессорами.

⁸ Письмо А. Н. Формозова Н. М. Дукельской от 9 августа 1924 г.

И все же Кавказ не вошел в число тех районов, где отец целеустремленно работал год за годом, как в средне-русских лесах или в степях Казахстана. В 1923 г. он сетовал: «...слишком велика картина, грандиозен размах, чтобы суметь за полтора месяца схватить хоть некоторые из красок, хоть чуть-чуть проникнуться величием гор. Чтобы напиться духом новой для меня обстановки, мне нужно длительное упорное созерцание (боюсь этого слова — слишком оно напыщенно, но другого как-то не найду). Нужно одному подольше пошататься по горам, посидеть часами на круглых зеленоватых валунах Терека, слушая его неумолкающий озабоченный гул, много-много закатов и восходов провести на мистическом таинстве загорания и потухания снежных вершин, понюхать власть свежего крепкого ветра ущелий, потолковать с ингушами, осетинами, кабардинцами о конях и кинжалах, о грабежах и „кровниках“ и многом другом, чтобы иметь хоть маленькое право сказать — „видел Кавказ“ ... А сейчас я почти не хожу один (одиночество при знакомстве с природой мне нужно, как воздух), мне не дают рисовать, меня вечно торопят, вечно гонят, вечно отрывают, направляют не туда, куда мне хотелось бы. Массу времени трачу на стрельбу пичужек, на веселую, но все же не столь уж интересную охоту за лисицами, на обдирание шкурок и все время чувствую, что это не то, чего мне хотелось бы»⁹.

Побывал в студенческие годы Александр Николаевич и в заповеднике Аскания-Нова (1923), где изучал летучих мышей. Об их перелетах он напечатал потом заметку в «Докладах Академии наук». Н. И. Калабухов отмечает, что «впервые явление сезонных перелетов летучих мышей в нашей стране обнаружил... А. Н. Формозов»¹⁰. Он обследовал новые заповедные территории — острова Чурюк и Джарылгаг на Черном море, съездил в Присивашье.

В период обучения в Московском университете отец почти не выступал в научной печати. Чувствовал, что надо подождать. Только в 1925 г. в «Трудах Музея Центрально-промышленной области» вышла его брошюра «Об орешниковой соне Нижегородской губернии». Но именно в эти годы он зарекомендовал себя как писатель-натуралист и художник.

---

⁹ Письмо А. Н. Формозова Н. М. Дукельской от 27 декабря 1923 г.

¹⁰ Калабухов Н. И. Жизнь зоолога. М.: Изд-во МГУ, 1978, с. 76.

Вскоре после переезда в Москву, 11 декабря 1922 г., он послал письмо Сетону-Томпсону. О содержании его можно догадаться по ответу Сетона от 21 июня 1923 г.: «Я рад узнать о Вас, о Вашей страсти к натуралистическим исследованиям, а также о том, что Вы читали истории, в которых я рассказал о жизни в природе так, как я ее знаю и люблю. Большое будущее принадлежит тому, кто умеет видеть и выражать увиденное в рисунках ли, на страницах ли книг. Благодарю Вас за Ваше письмо и надеюсь, что Вы продолжите Вашу работу, которая, как я убежден, замечательна и полна обещаний. Сердечно Ваш Эрнст Томпсон-Сетон»¹¹. (Канадский писатель подписывался и так, хотя широко был известен как Сетон-Томпсон.)

Очевидно, начиная новый этап жизни, Александр Николаевич просил чего-то вроде благословения у кумира своих детских лет. И шестидесятитрехлетний писатель и ученый откликнулся на его просьбу, ободрил юного коллегу. Речь шла, вероятно, и о работе в природе вообще, и о научных исследованиях, и о мечте написать книгу о зверях и птицах с собственными иллюстрациями.

С этого и начал Александр Николаевич. В неопубликованном варианте предисловия к третьему изданию «Шести дней в лесах» он рассказал, как создавалась эта повесть: «С Девичьего поля [Дарвиновский музей на Малой Пироговской улице] я ходил пешком в университет на Моховую, жил в промерзшем зале Дарвиновского музея, где стены часто покрывались сверкающим налетом инея. Там, кутаясь в полупубок, дыханием отогревая застывшие руки, я написал эту книжку, охваченный воспоминаниями о чудесной природе Заволжья. Тогда мне казалось — я навсегда расстался с ее приветливыми лесами. Далекие гудки паровозов, порою похожие на пароходные свистки, напоминали мне о Волге и невольно заставляли вздрагивать. Эпиграф, взятый из „Садко“ А. К. Толстого, как нельзя лучше передает мое настроение того времени».

Действительно, первое, что определило стиль книги, это переживания человека, выросшего на лоне природы и оказавшегося в городе, тоска по весне среди морозной зимы! Второе — это бесконечная любовь к природе, к рус-

¹¹ *Формозов А. А.* Из переписки писателей-натуралистов. — Бюл. МОИП, 1975, т. LXXX, № 1, с. 33.

ским лесам и их обитателям, выраженная и в тексте и в рисунках. Третье — наблюдения, сделанные в годы странствий по Нижегородскому Поволжью, иногда чисто научного характера, еще не вошедшие в литературу. Четвертое — неосознанное подражание Сетону, более всего его «Маленьким дикарям». Но и образы героев, и ситуации, в которые они попадают, конечно, иные — сугубо русские. Напомню гостеприимных баб из заволжских деревень, мрачного лесника-браконьера.

В повести «Шесть дней в лесах» героев два — Севка и Гриша. Черты автора приданы обоим. Считается, что это Формозов и Зорька Шапошников, но они ездили на тягу в Заволжье более чем в двадцатилетнем возрасте, а отправившимся на охоту Севке и Грише — лет двенадцать, максимум пятнадцать. Позднее, в рассказе «Во времена звероловства» (1937), А. Н. Формозов говорил о себе как о третьекласснике, тогда как своего первого горностая он поймал зимой 1912/13 г., в четвертом классе. Омоложение героев преследовало в обоих случаях одну цель: выбран момент, когда человек особенно восприимчив ко всем впечатлениям от общения с окружающим, острее всего реагирует на то новое, неожиданное, прекрасное, что встречается на его пути.

В повести «Шесть дней в лесах» 84 рисунка пером: глухари, чайки, свиристель, чечетка, малый пестрый дятел, мыши, лось, следы кроншнепа, вальдшнепа, тетерева, белки, лося, ольховые сережки, листья, ягоды, грибы, охотничий манок, рога лося, прибитые к балке, сплетенный из лыка заплечный мешок-крошши, старая баня в лесу, улей, закрепленный высоко на дереве, с площадкой, предохраняющей его от медведей, костер с котелком и т. д. Портретов мальчиков нет, есть только очень обобщенные фигуры охотников. Людей Александр Николаевич рисовал редко, для себя, а в печать такие рисунки не давал, стесняясь своей неумелости в этой области.

Книга написана просто, хорошим русским языком. Местами чувствуется некоторая наивность начинающего автора, но в этом заключено и определенное очарование. Когда после смерти отца я готовил сборник его научно-художественных произведений, многие советовали мне печатать «Шесть дней» не по последнему изданию 1948 г., а по самому раннему — 1924 г., более свежему, непосредственному.

Повесть посвящена «первому учителю в охотничьих

скитаниях по лесам и болотам, дорогому отцу и лучшему другу Н. Е. Формозову». Николай Елпидифорович был этим очень тронут.

Вышла книга в Ленинграде, в издательстве «Синяя птица», тиражом 4 тыс. экземпляров, с предисловием А. Ф. Котса. Он писал, что «художник слова, кисти и естественнонаучного исследования в гармоническом союзе даровал книге три ее достоинства: художественность формы — слога и штриха, научную правдивость тонких и оригинальных наблюдений и глубокую этическую правду — в чутком и проникновенном понимании природы»¹². Сокурсники автора долго над ним потешались, называя его «трижды художником», а в глубине души гордились своим другом.

Книга имела успех. Появилось пять положительных рецензий, в том числе известного охотоведа С. А. Бутурлина. Александр Николаевич много лет поддерживал с ним добрые отношения. В 1927 г. «Шесть дней в лесах» были переизданы в Москве Государственным издательством (тираж 10 тыс. экземпляров), в 1930 г. — напечатаны в переводе на украинский язык в Харькове.

Второе издание получило восемь положительных рецензий¹³. Одна из них — в газете «Известия» — принадлежала писателю-охотнику Николаю Павловичу Смирнову (1898—1978). Этот друг Н. Н. Зарудина через три года после смерти отца опубликовал о нем очерк в журнале «Охота и охотничье хозяйство», отчасти мемуарный, отчасти содержащий оценку его как писателя и художника. Не умея дать словесный портрет, я заимствую его из этого очерка. Вот каким увидел Формозова Н. П. Смирнов в 1927 г.: «Прирожденная его скромность и застенчивость резко расходились с внешностью: он был высок ростом, плотен, в плечах — литая „косая сажень“, большоголов, высоколоб и несколько широкоскул, с кажущимся суровым лицом — под суровостью таилась мягкость и доброта, кареглаз и улыбался иногда... милой, почти ребяческой улыбкой, от которой хорошо становилось на душе»¹⁴.

¹² Котс А. Ф. Вместо предисловия. — В кн.: Формозов А. Н. Шесть дней в лесах. Л.: Изд-во «Синяя птица», 1924, с. 5.

¹³ Список рецензий на книги А. Н. Формозова см.: Бюл. МОИП, 1975, т. LXXX, № 1, с. 40, 41.

¹⁴ Смирнов Ник. Александр Формозов — писатель и художник. — Охота и охотничье хозяйство, 1976, № 1, с. 35.

Разумеется, первая книга была послана Сетону-Томпсону. И он снова откликнулся: «Мой дорогой юный друг. Я только что получил Вашу книгу «6 дней в лесах». Текст, увы, мне недоступен, но если он столь же хорош, как иллюстрации, то это, несомненно, нечто стоящее. Я вижу душу увлеченного натуралиста в каждом штрихе, и это больше, чем просто интерес спортсмена [охотника], который также виден от начала до конца»¹⁵.

Успех книги не только у любителей природы, но и у более широких кругов читателей понятен. Страна возрождалась после тягот гражданской войны и разрухи. И так важно было напомнить людям, что есть на свете весна, лес, птицы. Слова Котса об этическом значении повести поэтому достаточно точны.

Итак, к 1925 г. положение Формозова упрочилось. Москва была «завоевана». Недавнего провинциала уже знали в столице и как художника, и как писателя, и как подающего надежды биолога. После окончания университета он был оставлен в аспирантуре Научно-исследовательского института зоологии МГУ (существовала с 1923 г.). В дипломе от 5 марта 1925 г. указана специальность: «Зоология описательная» — как раз та, которой Александр Николаевич на протяжении своей жизни занимался в наименьшей степени, и перечислены сданные на факультете дисциплины: физика, неорганическая химия, геология, палеонтология, анатомия растений, морфология растений, систематика и морфология высших растений, физиология растений, общая физиология, физиология животных, анатомия человека, введение в зоологию и сравнительную анатомию, зоология позвоночных, зоология беспозвоночных, сравнительная анатомия беспозвоночных, сравнительная анатомия позвоночных, эволюционная морфология, гистология, эмбриология, специальный курс зоологии позвоночных, основы биологии позвоночных, зоогеография, теория исторического материализма, политическая экономия, государственное устройство и конституция СССР и РСФСР.

Годы учения остались позади. Но трудностей было еще очень много.

---

¹⁵ Письмо Э. Сетона-Томпсона А. Н. Формозову от 11 августа 1924 г.— В ст.: *Формозов А. А.* Из переписки писателей-натуралистов, с. 34.

Между Москвой и Ленинградом (1925—1930)

Оставшейся в Нижнем Новгороде семье Формозовых жилось тяжело. Николай Елпидифорович был безнадежно болен. Неожиданно заболела костным туберкулезом младшая дочь, Галина. Несколько лет она не поднималась с постели. Нужно было переправить ее в Крым, где она то лежала в санатории, то поселялась на частных квартирах вместе с опекавшей ее сестрой Ниной. И то и другое тогда стоило дорого. Помощи ждали теперь только от Александра. Между тем и он еще нетвердо стоял на ногах. Квартиры в Москве не было, приходилось снимать комнату. Найти постоянную интересную работу пока что не удавалось.

В эти годы Александр Николаевич отдавал много времени сочинению разных популярных очерков и иллюстрированию книг, как детских, так и научных. Темы он всегда выбирал близкие себе, старался вложить в заказную работу свое восприятие природы и животных. От так называемой халтуры он неизменно отказывался, брался лишь за то, что, по его словам, «хотя и дает мне деньги, но дает не меньше и удовлетворения, так как я знаю, что делаю это лучше других, знаю, что для нашей страны популяризация из первых и честных рук, а не [из] рук компиляторов — дело первой важности»¹.

Успех «Шести дней в лесах» открыл двери в научно-популярные журналы. В 1925—1927 гг. А. Н. Формозов поместил три статьи в ленинградском журнале «В мастерской природы», в 1929 г. — семь статей в возникшем за год перед тем «Юном натуралисте». В качестве приложений к журналу «В мастерской природы» выходила библиотечка книг карманного формата. В этой серии в 1925 г. появилась брошюра на 60 страниц «Следы охотничьих зверей и птиц» — альбом рисунков А. Н. Формозова с краткими комментариями к ним. Она заполнила пробел в отечественной литературе, давно ощущавшийся всеми охотниками и любителями природы. Не удивительно, что вскоре потребовались новые, расширенные изда-

¹ Письмо А. Н. Формозова Л. Н. Формозовой от 6 января 1928 г.

ния. В 1927 г. в той же серии напечатаны «Следы охотничьих зверей и птиц Европейской части СССР, Сибири, Туркестана, Кавказа и Забайкалья с атласом», уже на 80 страницах, в 1930 г.— «Следы промысловых зверей и птиц Европейской части СССР, Сибири, Туркестана, Кавказа и Забайкалья» (100 с.). Другой вариант той же работы, где на первом плане уже текст, а не иллюстрации, опубликован в библиотечке журнала «В мастерской природы» в 1926 г. в двух выпусках — «Следопыт по черной тропе» (66 с.) и «Следопыт по снежной тропе» (76 с.) с подзаголовком «Как по следам наблюдать жизнь наших зверей и птиц». Это были эскизы, заготовки окончательно сложившейся в 1930—1940-х годах главной научно-популярной книги А. Н. Формозова «Спутник следопыта». В 1930 г. в издательстве «Молодая гвардия» увидела свет еще одна брошюра — «Звериные гнезда, норы и логовища», составившая в дальнейшем третью часть «Спутника следопыта». Все эти книжки имели много положительных откликов, в том числе рецензии таких известных биологов, как Б. Е. Райков и М. А. Гремяцкий.

Так еще в молодости, во второй половине 20-х годов, Александр Николаевич поделился своим богатым опытом полевого натуралиста с самыми широкими кругами читателей. К этому списку надо добавить еще две брошюры 1926 г. из серии «Библиотека „В помощь школьнику“» (Государственное издательство): «Наше рыболовство» (2-е изд. 1928 г.) и «Охотничьи звери и промыслы» (в переработанном виде переиздана под названием «История выводка белки» в 1937 г.). Первая книжка рассказывает о различных видах рыболовства, распространенных в нашей стране, вторая — повесть о жизни белок в духе Сетона-Томпсона. Каждая белка, как у Сетона, получает имя — Чернолапый, Краснохвостка и т. д.

Николай Елпидифорович, внимательно читавший все написанное сыном, не скрыл от него свое впечатление, что начинающий автор не смог подняться выше уровня «Шести дней»². Он отчасти прав, но и жанр у всех этих произведений А. Н. Формозова разный.

Повесть о приключениях юных охотников осталась единственной в его наследии. Только вариациями на ее тему были позднейшие рассказы «Во времена звероловства» и «В половодье». Обычная популярная книжка

---

² Письмо Н. Е. Формозова А. Н. Формозову от 12 марта 1926 г.

Кабарга

«Наше рыболовство» также единственная. К ней Александр Николаевич никогда не возвращался, считая ее наименее удачной из всех. Но из альбомов и брошюр о следах с годами выросла одна из известнейших русских книг о природе — «Спутник следопыта». Автор работал над ней до конца своей жизни. Корректурa последнего издания была получена через несколько дней после его смерти. «Спутник» перевели во Франции и Югославии, но отец все еще не был удовлетворен. Сохранив рисунки, текст он мечтал переписать заново.

Часто выступал в эти годы Александр Николаевич и как иллюстратор. Он рисовал зверей и птиц для детских книжек: С. В. Покровского — «Пестрый и черный» (1924), Е. Е. Горбуновой-Посадовой — «Наши зверьки» (восемь изданий — 1926—1934), В. В. Бианки — «Лесные домики» (1924), «Лесные разведчики» (четыре издания — 1925—1929), «Мышонок Пик» (1928, 1929) и «Фомка-разбойник» (1928), А. Н. Промптова — «Тарарашкина жизнь» (1930) и «Невидимки» (1931), для очерка В. В. Бианки «Лесные лазутчики» в журнале «Дружные

ребята» (1928, № 1, 4, 16; 1929, № 3, 5). Иллюстрировал он и научные издания: «Определитель охотничьих и промысловых зверей нашей фауны» Н. А. Бобринского (1928), «Определитель птиц в природе» А. Н. Промптова (1929, вып. 1) и его же «Сезонные наблюдения над птицами в природе» (1930), «Звери Восточной Европы и Северной Азии» С. И. Огнева (1928—1948, т. I—VI), брошюры своего однокурсника Л. Б. Бёме «К биологии животных Северного Кавказа» (1925), «Результаты орнитологической экскурсии в Кизлярский округ Дагестанской республики» (1925), «Птицы Северной Осетии и Ингушетии» (1926). Писал и картины по заказу Зоологического музея Академии наук в Ленинграде. Участвовал А. Н. Формозов даже в профессиональных выставках московских художников.

Тогда же особенно тесны были его контакты с писательской средой — с однокашником по гимназии Н. Н. Зарудиным, переехавшим в Москву и возглавившим литературную группу «Перевал», с его другом Н. П. Смирновым, с М. М. Пришвиным, сотрудничавшим в ту пору в журнале «Охотник» и входившим в эту же группу.

Старые нижегородские связи вызвали еще одну необычную для полевого зоолога работу. Археолог Борис Сергеевич Жуков (1892—1933), сын издателя газеты «Волгарь», где печатались статьи Николая Елпидифоровича, попросил А. Н. Формозова взять на себя определение костей из раскопок городищ раннего железного века в Приветлужье. Этот эпизод биографии Александра Николаевича не прошел для него бесследно. Он приобрел интерес к изучению животного мира в историческом развитии и с тех пор часто просматривал средневековые летописи и грамоты, материалы о раскопках, выбирая оттуда сведения о фауне прошлого.

Но конечно, не эта тема стояла в центре внимания молодого биолога. За 1926—1930 гг. вышло около 20 печатных работ А. Н. Формозова. Их можно условно разделить на несколько циклов. Первый — связан с давними экскурсиями по средневожским лесам: «Наблюдения над сонами Нижегородской губернии», «Основные черты фауны Нижегородской губернии», «Об особенностях ареалов русских сонь и бурундуков», «Охотничье хозяйство Приветлужья». Второй цикл посвящен Кавказу: «Заметки о млекопитающих Северного Кавказа», «Новая форма водяной крысы из Дагестана», «Новые млекопитающие из

Желтоголовая трясогузка

Дагестана». Третья группа статей касается степных районов: «О перелетах летучих мышей» — заметка, основанная на наблюдениях в Аскании-Нова, «О пустынном элементе в фауне южной части Восточной Европы», «Млекопитающие в биоценозе степей», «Скотобой и его значение для степной фауны и борьбы с вредителями». В этих публикациях мы найдем уже не только описание фактов, замеченных в поле, но и широкие обобщения экологического плана, устанавливающие сложную систему взаимоотношений климата, почвы, растительности и животного мира наших степей. Используются в этих статьях и результаты экспедиции в Монголию.

Но это — особая, четвертая тема. После революции 1921 г. Монголия при активной помощи Советской России начала строить новую жизнь. Развернулось изучение природы этой интересной страны. В Академии наук СССР была создана Комиссия по научному исследованию Монгольской и Танну-Тувинской республик. В 1926 г. Комиссия организовала зоологическую экспедицию в Северную Монголию. Возглавлял ее энтомолог Александр Николаевич Кириченко (1884—1971), а сотрудниками были видный орнитолог Аркадий Яковлевич Тугаринов (1880—1948) и препаратор Виктор Викторович Рогозов (умер

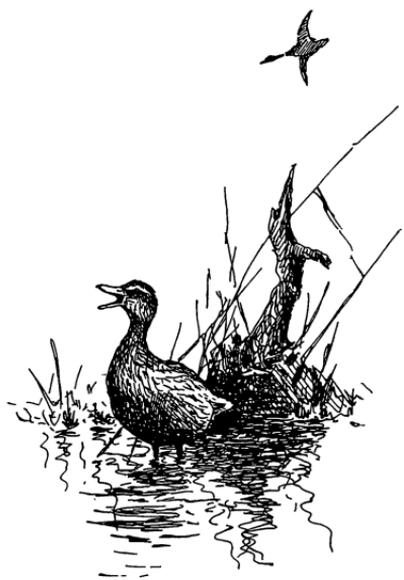
после 1937 г.). Экспедиции требовался специалист по млекопитающим, умеющий охотиться, физически крепкий и научно достаточно подготовленный. Выбор пал на год назад окончившего университет А. Н. Формозова, что было для него огромной удачей.

Экспедиция проработала в поле более трех месяцев — с 25 июня по 1 октября 1926 г. Отправившись из Троицко-Савска (Кяхта) в Ургу (Улан-Батор), ученые совершили большой рейс. Сначала на машинах за 450 км на юго-запад от столицы Монголии, к монастырю Ламангэен на юго-восточном склоне Хангая, затем на лошадях и верблюдах к реке Туин-гол, озеру Орог-нор, хребту Ихэ-богдо (Гобийский Алтай). Отсюда повернули на северо-запад, к рекам Байдарик и Дзапхын, горам Улясутай, озеру Косогол, поселкам Хатлин и Ханга. Дальше, не заезжая в Ургу, добрались до границы СССР у деревни Монды, откуда по Тункинскому тракту доехали до железнодорожной станции Култук.

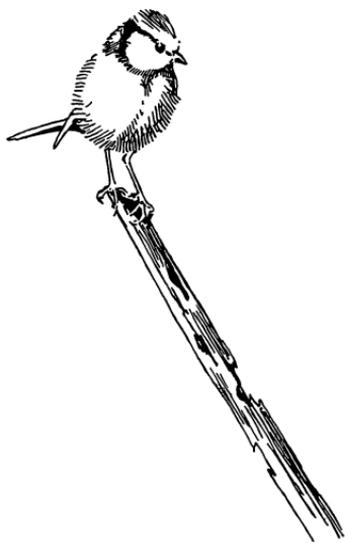
Александр Николаевич увидел совершенно новые для себя края — каменистые пустыни Центральной Азии, новую фауну — антилоп-дзеренов, сеноставок, пустынных ежей, даурских галок. Но на этом специфическом материале можно было проверить намечавшиеся в степях Причерноморья и Прикаспия обобщения о характере фауны в открытых ландшафтах. Было собрано свыше 300 экземпляров млекопитающих для коллекций Зоологического музея АН СССР.

Итогом работы стали две публикации А. Н. Формозова — научная и популярная. Большая статья, по сути дела монография, «Млекопитающие Северной Монголии по сборам экспедиции 1926 года», изданная в 1929 г., была зачтена как аспирантское сочинение. Основная часть статьи — систематический обзор видов, описание и классификация животных в стиле С. И. Огнева, но немало тут и наблюдений иного рода — экологических. Таковы разделы «Своеобразные черты распределения млекопитающих по станциям», «Характерные черты млекопитающих Монголии», «О роли млекопитающих в жизни страны». Кое-что не вошедшее в эту ленинградскую публикацию напечатано в 1931 г. на немецком языке в журнале «Folia Zoologica et Hydrobiologica», выходящем в Риге.

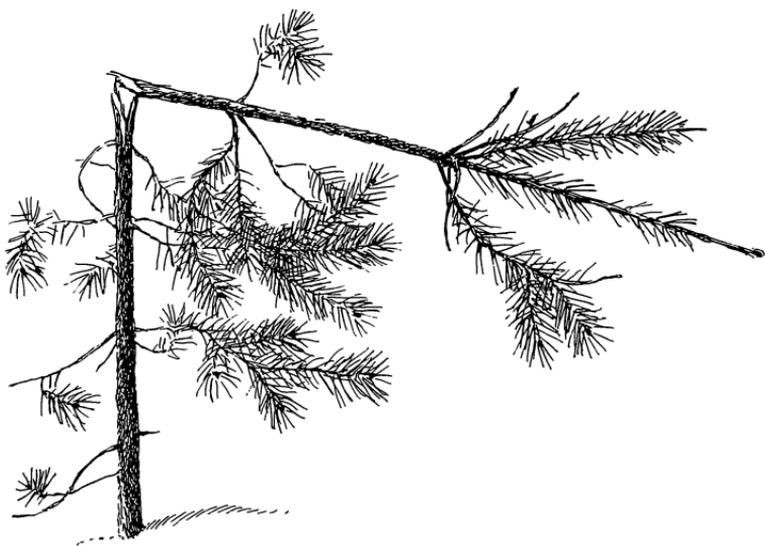
Монография писалась частью в Москве, где были руководители аспиранта (официальный — директор Зоо-

Подсадная утка

Лазоревка

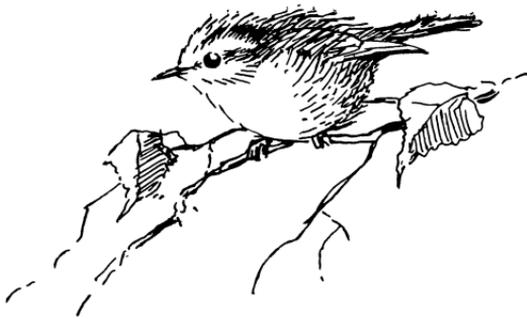
Молодая сосенка, сломанная и частично объеденная досем

логического музея МГУ профессор Г. А. Кожевников и неофициальный — С. И. Огнев), а частью в Ленинграде, куда были доставлены коллекции экспедиции. Здесь у Александра Николаевича завязались дружественные отношения с академической петербургской школой зоологов. Она, разумеется, не походила на московскую. Только что вышедший первый том книги С. И. Огнева «Звери Восточной Европы и Северной Азии» на берегах Невы был встречен крайне холодно, и Александр Николаевич должен был признать, что орехов у «дорогого учителя» действительно порядочно.

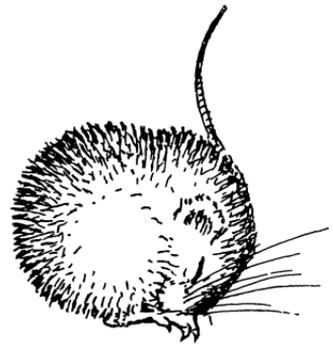
Отец застал еще таких могижан, как Федор Дмитриевич Плеске (1858—1932), который работал с самим Пржевальским. Но особенно важно было общение с биологами среднего поколения: академиком Петром Петровичем Сушкиным (1868—1928), ихтиологом и географом, будущим академиком Львом Семеновичем Бергом (1871—1950), директором музея членом-корреспондентом АН СССР Алексеем Андреевичем Бялыницким-Бируля (1864—1937), энтомологом Андреем Петровичем Семеновым-Тянь-Шанским (1866—1942), териологами Нестером Александровичем Смирновым (1878—1942) и Борисом Степановичем Виноградовым (1891—1958), орнитологом Елизаветой Владимировной Козловой (1892—1975), женой знаменитого путешественника. К Сушкину и Семенову-Тянь-Шанскому отец не раз обращался за консультациями и всегда получал подробные ответы. Семенов-Тянь-Шанский подсказал, в частности, термины «хионофобы» и «хионофилы», которые А. Н. Формозов ввел потом в своем «Снежном покрове».

Появились друзья и среди ленинградской молодежи — Сергей Иванович Оболенский и Леонид Михайлович Шульпин (1905—1942). Вместе они живо обсуждали и научные проблемы, и все, что совершалось вокруг. Талантливый орнитолог Шульпин интересовался тем же вопросом о жизненных формах животных, что и Александр Николаевич. Оболенский — отпрыск княжеского рода, способный териолог — был человеком экзальтированным. В письмах к московскому другу он перемежал сообщения о новых наблюдениях над грызунами стихами Владимира Соловьева, рассуждениями о музыке и эманациях духа.

Основная общая проблема, поднятая А. Н. Формозовым в работе о Монголии и примыкающих к ней статьях,

Королек

Мышь-малютка в позе сна

это проблема жизненных, или адаптивных, форм. Приведу краткое резюме и оценку этого цикла отцовских исследований, данную А. А. Насимовичем: «...вид в огромной степени несет на себе отпечаток среды, в которой он жил, живет и к которой, как правило, хорошо адаптирован. Отсюда возникновение в определенных ландшафтах специфических для них групп жизненных (адаптивных) форм животных, причем в сходных ландшафтах других материков могут существовать свои наборы форм, внешне и в своих повадках весьма сходные с первыми, хотя и очень далекие в систематическом отношении. В становлении жизненных форм большую роль играет конвергентная эволюция — процесс сближения морфологических, физиологических и других признаков. Этот процесс может касаться не только отдельных видов, но и в известной мере целых фаун или фаунул и даже биот. В пределах одного ландшафта, например ландшафта пустынь, встречается ряд специфических для него жизненных форм, каждая из которых включает животных, решивших по своему задаче существование в условиях пустыни. Анализ комплексов и наборов жизненных форм, по мысли А. Н. Формозова, гораздо глубже и точнее характеризует экологический облик фауны и его связи с природной средой, чем обычный фаунистический. Практический интерес подобного рода работ кроется в том, что жизненная форма — это прежде всего биологический индикатор определенных природных условий. По набору жизненных форм, представленных на той или другой территории, можно довольно верно судить о степени разнообразия среды обитания и ее „узких местах“, вероятности успеха

интродукции новых видов и т. д. Важным шагом вперед в разработке жизненных форм, в понимании их А. Н. Формозовым, может служить переход к характеристике этих форм определенными количественными показателями — морфологическими, физиологическими»³.

В этих статьях 1920-х годов — зародыш многих позднейших исследований Александра Николаевича: о роли животных в формировании микрорельефа и характера растительности — не только выпаса крупных копытных, но и деятельности грызунов, о таких адаптивных особенностях, как пустынная окраска, норный образ жизни и т. д.

Статья «Млекопитающие в биоценозе степей» была послана в Америку и вышла там в журнале «Экология» в 1928 г. Это первая заграничная публикация А. Н. Формозова. Известный зоолог Джозеф Гриннелл (1877—1939) написал о ней автору: «Высказанная Вами мысль безусловно справедлива: условия существования в степях Северной Америки и Евразии — территориях, ныне почти полностью изолированных друг от друга, но обладающих в целом очень сходными растительными сообществами, — должны были послужить причиной конвергентного формирования различных типов грызунов со сходными экологическими адаптациями... Я намерен широко использовать Ваши наиболее интересные высказывания в этом отношении и особенно в связи с дальнейшим развитием моего собственного убеждения, что направление эволюционного процесса первично бывает обусловлено направлением изменений в местах обитания. Для Вас это, вероятно, просто само собой разумеется, но любопытно, что многие наши кабинетные зоологи, по-видимому, еще не усвоили эту точку зрения»⁴.

Оттиск статьи был отправлен, конечно, и Сетону Томпсону, но здесь произошла неожиданность. Он ответил холодным извещением о получении бандероли и указал, что цитированная автором статья Гриннелла 1923 г. — это плагиат из книги самого Сетона «Жизнь северных животных» 1909 г. Был ли он прав — не знаю, но переписка между А. Н. Формозовым и Сетоном на этом

³ *Насимович А. А. Памяти Александра Николаевича Формозова.* — Бюл. МОИП, 1975, т. LXXX, № 1, с. 11.

⁴ *Письмо Д. Гриннелла А. Н. Формозову от 27 февраля 1928 г. (см.: Насимович А. А. Памяти Александра Николаевича Формозова, с. 12).*

оборвалась⁵. Знакомившийся с рукописью данной книги А. А. Насимович отметил: «Я не читал работы Гриннелла, но читал по-английски „Жизнь северных животных“. Вопрос о жизненных формах Сетон „вплотную“ нигде не затрагивает, хотя близко подходит к нему. Насколько я понимаю, Гриннелл очень общим высказываниям Сетона придал конкретную форму, подобрав примеры, но не сослался при этом на Сетона».

Статья А. Н. Формозова вторично была опубликована через пятьдесят лет в обратном переводе на русский язык в «Бюллетене Московского общества испытателей природы» за 1978 г. В предисловии А. Г. Воронов пишет об этой работе: «В ней впервые в мировой литературе дана общая картина влияния позвоночных животных на особенности почв и растительного покрова степей и показано, что их деятельность — неотъемлемое условие существования более или менее стабильного степного сообщества. Иными словами, А. Н. Формозов впервые рассмотрел деятельность позвоночных животных в степных биоценозах как внутреннюю их особенность, как их имманентную характеристику. Отдельные стороны воздействия животных на растительность степей характеризовались учеными и ранее... Однако общие масштабы деятельности позвоночных животных обитателей степей впервые были показаны А. Н. Формозовым в публикуемой работе. В ней нашли гармоничное выражение как анализ литературных материалов, так и личные наблюдения автора в степях России и Монголии... Статья А. Н. Формозова послужила отправным пунктом для дифференцированных исследований роли животных в жизни степных биоценозов»⁶.

Второй итог экспедиции в Центральную Азию — научно-популярная книга «В Монголии». О том, почему она была написана, хорошо сказал в «Заключении» сам автор: «Теперь зима, снег идет густыми и мягкими хлопьями. За окном над Пречистенкой второй день, опускаясь, кружатся их легкие стаи. Крикуны автобусы и такси, притихшие трамваи бегут с белыми засыпанными крышами, у прохожих белы шапки и воротники. В свет-

⁵ Формозов А. А. Из переписки писателей-натуралистов.— Бюл. МОИП, 1975, т. LXXX, № 1, с. 34, 35.

⁶ Воронов А. Г. Предисловие к статье А. Н. Формозова «Млекопитающие в степном биоценозе». — Бюл. МОИП, 1978, т. 83, № 2, с. 148.

лую примолкшую Москву я недавно вернулся из Ленинграда, где над шкурками, черепами и картами написал работу о монгольских зверях. Она получилась довольно объемистая, с сухим коротким заголовком: „Млекопитающие Монголии по сборам экспедиции 1926 года“. Латинские названия в перечнях форм, цитаты, столбцы цифр — это ведь далеко не все, что хотелось бы сказать про широкую привольную страну. Я принимаюсь тогда за книжку о самой Монголии и о наших скитаниях. Кое-что извлекаю из книг, кое-что нахожу в дневниках — толстом клеенчатом, вынимавшемся только на стоянках, и в маленьком зеленом, путешествовавшем в кармане. В них закладки — тушканчиковый хвост, перья индеек и пыльные веточки из стожков сеноставок...»⁷.

Автор неторопливо рассказывает о путешествии зоологов, уделяя внимание преимущественно картинам монгольской природы. Ему же, как всегда, принадлежат и иллюстрации. Они совсем другие, чем в «Шести днях». Там штрих мягче, лиричнее, здесь — четче и суше, словно графика передает резкий свет солнца пустыни.

Книга была принята в целом благожелательно. Появились положительные рецензии в «Красной Ниве» — Н. П. Смирнова, в «Охотнике» — С. А. Бугурлина. Известный путешественник и писатель В. К. Арсеньев (1872—1930), познакомившийся с Александром Николаевичем, когда тот в 1928 г. был во Владивостоке, писал ему: «Вашу книгу „В Монголии“ прочитал с большим удовольствием. Она мастерски написана, и я ее усиленно рекомендую всем специалистам и неспециалистам»⁸. Но были и отрицательные отзывы, например Н. И. Леонова в «Новом Востоке». Основная претензия в том, что не показана современная жизнь страны, вставшей на путь преобразований. Если не говорить о переизданиях «Спутника следопыта», то «В Монголии» — последняя научно-популярная книга А. Н. Формозова. В дальнейшем наука все больше отвлекала его от художественного творчества.

Вслед за Центральной Азией побывал отец еще в одном новом районе — на Европейском Севере (работы о зверях и птицах этой области можно выделить в пятый цикл). Первая поездка совершена в 1927 г. на остров

⁷ Формозов А. Н. В Монголии. М.; Л.: Госиздат, 1928, с. 150—151.

⁸ Формозов А. А. Из переписки писателей-натуралистов, с. 32.

Сотрудники Зоологического отряда Монгольской экспедиции Академии наук СССР около Кяхты, первый слева — А. Н. Формозов, 1926 г.

Кильдин в Баренцевом море по поручению Наркомзема и по договоренности с губернским земельным управлением для изучения песцов и песцового хозяйства. Через два года опубликован большой очерк «Остров Кильдин и его фауна». В 1929 г. стационаром стал другой остров в Баренцевом море — Харлов, где изучались главным образом морские птицы. Впоследствии по предложению А. Н. Формозова в этих краях был создан заповедник «Семь Островов». Третья, и последняя, поездка на Север была предпринята в марте 1931 г. — на Кольский полуостров для наблюдений за зимовкой птиц на побережье Баренцева моря.

Итоги этих полевых работ отражены в статьях «Гага», «О гаге и промысле гагачьего пуха на нашем Севере», «Авиафотосъемка в оленеводстве», «К вопросу о питании северного оленя», в брошюре «Гага и промысел гагачьего пуха. Распространение, биология, хозяйственное значение, методы правильного использования гнездовых колоний, собирание пуха, его очистка и хранение» (1930).

Исследования на Севере велись в одиночку, без помощников, что было порой весьма рискованно. Однажды,

присев на краю скального обрыва над морем, чтобы зарисовать гнездо атлантической гагарки, Александр Николаевич почувствовал, как тонкий слой мха, прикрывавший камни, сдвинулся под ним, а сам он начал быстро съезжать в пропасть. С огромным трудом удалось зацепиться за какой-то выступ скалы.

О поездках на Север отец всегда вспоминал с удовольствием и посвятил им проникнутые подлинной лирикой строки в неоконченных «Записках натуралиста»: «Мур-

На перевале. Рисунок А. Н. Формозова из книги «По Монголии», 1926 г.

ман! Серо-голубой и прозрачный Мурман, я снова тебя увижу! Жадный вой чаек и грохот прибоя. Тихие вздохи дельфинов над застывшей гладью заливов. Серые группы оленей среди тундры и скал. Стойбища и маяки, ёлы и карбасы, крепкие бородатые люди в зюйдвестках, запах трески и водорослей. ... Странное чувство: я прожил там всего одно лето, а возвращаюсь, как на милую родину. Есть что-то притягательное в воздухе и красках Севера. Они не обжигают, как на Юге, от них не кружится голова. Но тот, кто побывал здесь хоть раз, снова захочет увидеть светлые или прозрачные краски незаходящего солнца, услышать величавую тишину Заполярья»⁹. Все же, как и Кавказ, этот район не стал местом многолетних исследований А. Н. Формозова.

Поездка 1927 г. имела, помимо научной стороны, еще другую. 23 июня Александр Николаевич женился на сестре своего тезки и друга орнитолога А. Н. Промптова Любови, работавшей в химической лаборатории и учившейся во II МГУ. В июле 1927 г. Любовь Николаевна проходила студенческую практику на Мурмане, на Алек-

⁹ Формозов А. Н. Среди природы. М.: Изд-во МГУ, 1978, с. 242.

сандровской биологической станции. Воспользовавшись предложением изучить песцов острова Кильдин, отец поспешил за ней. Встреча в чужом экзотическом краю, белые ночи, море с чайками и бесчисленными ракушками — все помогало тому, чтобы эта поездка превратилась в незабываемое свадебное путешествие.

По возвращении в Москву молодожены сняли комнату на Погодинке и зажили вместе. Накануне нового, 1929 года у них родился сын Александр.

Вопрос о постоянной работе становился все острее. В эти годы Александр Николаевич был, особенно тесно связан с Ленинградом, с Зоологическим музеем Академии наук. Планировалась новая экспедиция в Монголию, замышлялись поездки в Афганистан, в Японию, но ни одному из этих проектов не суждено было осуществиться.

Зато в 1928 г. на средства Зоологического музея отец совершил увлекательное путешествие на Дальний Восток. Экспедиция состояла всего из двух человек — орнитолога Л. М. Шульпина и териолога А. Н. Формозова. Транспорта не было. Передвигаться приходилось на пароходах, на нанятых лодках, гребя наравне с проводниками, а где и пешком, все делать собственными руками. Выехав из Москвы 14 мая 1928 г., Александр Николаевич к концу месяца добрался до Владивостока. Он познакомился с местными учеными, в частности с В. К. Арсеньевым, и провел неделю в приморской тайге, в бассейне Суйфуна к северо-западу от Владивостока. 12 июня зоологи отправились морем до Тетюхе, откуда, перевалив Сихотэ-Алинь, добрались до верховьев реки Иман, где снова вели стационарные работы. К 15 июля экспедиция переправилась через Владивосток в Хабаровск, после чего спустилась по Амуру до села Софийского. Там был устроен третий стационар. Из Софийского Формозов и Шульпин в сопровождении проводника проплыли на лодках через озеро Большие Кизи к верховьям реки Тоба. Отсюда вышли пешком к заливу Де-Кастри в Татарском проливе. Вновь вернувшись на Амур, Формозов к 20 августа на пароходе поднялся вверх, до Благовещенска, неподалеку от которого, у села Ипатьевского, в течение сентября занялся стационарными исследованиями. Заехав в Хабаровск, он, наконец, тронулся в обратный путь по Транссибирской магистрали.

В одном из писем Александр Николаевич оценивал поездку как «второй университет за экспедиционный

счет»¹⁰. Результаты ее были довольно значительны: коллекция млекопитающих для музея составляла более 300 экземпляров. В ней преобладали грызуны, хотя путешественники сталкивались и с медведями и с оленями. Помогал отец и Шульпину добывать птиц для его коллекции. Но почему-то большая и нелегкая работа на Дальнем Востоке в печати отражения почти не нашла. Научный отчет опубликован не был. Может быть, Александру Николаевичу казалось, что одного полевого сезона недостаточно для сколько-нибудь серьезных выводов, но ведь после одного лета в Монголии он написал солидный труд.

В этом, на мой взгляд, очень рано проявилась характерная для отца особенность: ему было интересно смотреть новые края, ходить, наблюдать, размышлять об увиденном в природе и гораздо менее интересно оформлять итоги всего сделанного для печати. Особенно это проявилось в последние десятилетия его жизни, но та же черта намечалась даже на тридцатом году. О поездке напоминают лишь наброски очерка «На Нижнем Амуре» в «Записках натуралиста» и многочисленные и многостраничные письма к молодой жене. Оставив ее беременной и уехав на несколько месяцев за тысячи километров, отец старался писать ей почаще и как можно подробнее.

Среди впечатлений особенно выделялись два: маршрут на лодках с проводником Одинго из племени ульчей, общение с рыболовческим народом, недалеко ушедшим от каменного века, и встреча с семьей русских переселенцев Худяковых на Суйфуне. Об Одинго и плавании по Амуру можно прочесть в «Записках натуралиста». О Худяковых приведу отрывок из письма к моей матери: «Пятьдесят лет тому назад в глухую тайгу переселился томский мужик со своими шестью сыновьями. Непрерывной борьбой и трудом была вся их жизнь. Сначала боролись с мокрым могучим лесом, который лез со всех сторон, с тиграми, которые хватали людей, с горными волками, которые резали овец, с дикими кошками, которые таскали кур и ложились отдыхать тут же, в первой стоявшей на дворе телеге. Потом — комары, паводнения, придирки урядников, исправников, губернаторов, наконец, полчища хунхузов. До сих пор стоят на хуторе, на двух его концах, высокие башни, господствующие над

¹⁰ Письмо А. Н. Формозова А. А. Промптовой от 14 июля 1928 г.

местностью, с бойницами, глядящими во все стороны. Впрочем, хунхузов до этих башен не допускали. Смелые братья через корейцев узнавали о приближении банд и, сделав засаду, разбивали их, далеко не допустив до хутора. У одного брата нет руки: самодельная граната разорвалась прежде, чем он успел ее бросить; у другого — старшего, Павла, на черепе страшные шрамы, руки прокушены в четырех местах, а на ноге нет пальцев. Огромный тигр, которому он разбил пулей челюсть, измял охотника оставшимися зубами. Из прокушенной ноги кровь натекла в сапог, и нога Павла, лежавшего в тайге зимой три дня, замерзла, пальцы пришлось отнять. Теперь этот богатырь — гроза тигров, оленей, кабанов и соболей — ударился в мистику и давно не охотится. Зато у него лучший из всех существующих питомник пятнистых оленей... Входит бородатый Павел в лес (200 десятин его окружены невысокой колючей проволокой) и начинает кричать: „Федька, Федька, Федька... Манька, Манька... Панташка...“ (это его любимцы) — и, как в сказке, из-за всех холмов, из-за зеленых дубков и липок поднимаются серые тени, тянутся влажные носы, большие настороженные уши, и вот уже вереницами спешат изящнейшие звери (их 200 штук). Он кормит их из рук горохом, ломает для них ветки со свежей зеленью... Случайно заскакивающие через изгородь дикие олени через полгода становятся доверчивей всех других... У семьи Худяковых много изобретений: моторы, изобретенные и усовершенствованные ими, изготавливаются на заводах Японии и Швеции. В их саду растут ими же выведенные и приспособленные к местному климату сорта яблонь и других плодовых деревьев. ...Работает трактор. Река Суйфун против хутора выправлена и сокращена каналами»¹¹.

Рассказ об этой семье я слышал от отца многократно, даже в последний год его жизни.

1928 год был насыщен событиями. 5 февраля умер Николай Елпидифорович. Александр Николаевич ездил прощаться с ним и хоронил его. 8 февраля он писал жене: «...хоронили на Новом кладбище, очень далеко от нашего дома (почти у Оки). Около ближнего леса шла учебная солдатская стрельба, а кругом впереди залегли голубые снежные поля с вереницами оврагов, которые

¹¹ Письмо А. Н. Формозова Л. Н. Формозовой от 11 июня 1928 г.

мы когда-то вдвоем резали на лыжах по всем направлениям. От могилы будут видны все эти места наших охотничьих скитаний, а с близлежащего старообрядческого кладбища по веснам будут слышны песни пролетных зябликов. О них папа всегда вспоминал, прося положить его именно в первом ряду кладбища, поближе к лесу и старообрядцам».

Семью месяцами позже, во время поездки по Амуру, Александр Николаевич получил извещение о смерти Елизаветы Федоровны (2 июля). 20 августа он писал моей матери: «На пасху, уезжая и держа мамину руку в своих, я знал, что в последний раз слышу живую теплоту, от которой и во мне началась жизнь, но как-то до сих пор не верится, что эти не знавшие отдыха руки успокоились навсегда... Мамина смерть мне еще больней, еще обидней, чем [смерть] отца. У него была в жизни своя радость, большое живое ядро, и, когда сердце лишило его возможности охотиться, ему уже не стоило жить. Мамины радости были в радостях окружающих. Когда разъехались свои дети, я часто заставлял ее, вернувшись в Нижний, занятой то шитьем кукол для какой-нибудь бедной девчонки, то собиранием марок для одного мальчика с нашего двора, то устройством ящика с коллекцией отобранных у меня ненужных бабочек, минералов и яиц — для другого. Она всегда находила людей, о которых надо заботиться, а за последние годы, когда кухня не стала ее так убивать, как прежде, она сумела сильно расширить свой кругозор, свои интересы и даже с каким-то молодым жаром зачитывалась газетами... Словом, это был человек внутренне совершенно живой и даже прогрессирующий».

Нижегородское гнездо опустело. Надо было устраивать теперь собственный дом, но где и как? Службу найти все еще не удавалось. Обработывая коллекции, привезенные с Дальнего Востока, Александр Николаевич подолгу жил в Ленинграде, оставляя семью в Москве. В музее его любили и ценили, предлагали взяться за монографию о палеоарктических антилопах, но штатного места там не было.

Только в сентябре 1929 г. ленинградские друзья нашли для него место доцента в недавно созданном Институте прикладной зоологии и фитопатологии (ныне Ленинградский сельскохозяйственный институт). Здесь и началась педагогическая деятельность А. Н. Формозова

(правда, в одной из автобиографий он упомянул о лекциях по биологии оленей в 1928 г. на московских курсах оленеводства). Он преподавал зоогеографию и специальные дисциплины: «звероводство», «олeneводство», «мараловодство». О своих лекциях он писал жене: «Публики много — человек 50, есть даже земляки; очень много важных дяденек с бородами, в куртках и при галстуках. Сначала косились на мой заплатанный локоть, а потом увидели, что это не мешаает мне знать свое дело. Слушают хорошо»¹².

Читать приходилось мало, но намечались определенные перспективы на будущее.

Предлагали пост декана охотоведческого факультета. Шла речь о приглашении в Ленинградский университет для чтения курса орнитологии. Подыскивалась квартира, может быть за городом, в Детском Селе.

И все же Москва привлекала сильнее. Она больше походила на родной Нижний Новгород, там жили учителя, друзья юности. И как только в декабре 1929 г. Борис Михайлович Житков сообщил Александру Николаевичу, что в столице организуются новые охотоведческие учреждения, тот подал заявление об уходе и навсегда уехал в Москву. 1 февраля 1930 г. он получил место приват-доцента на биологическом факультете МГУ, 26 февраля — должность доцента кафедры звероводства во Всесоюзном зоотехническом институте пушно-мехового и охотничьего хозяйства, располагавшемся в подмосковном поселке Балашиха.

В 1929 г. ЦЕКУБУ (Центральная комиссия по улучшению быта ученых) предоставила семье Формозовых комнату в бывшем доме Кончаловских в Нащокинском переулке (ныне улица Фурманова). Квартира, забитая народом, была типичной «Вороньей слободкой», но, так

А. Н. Формозов в 1930 г.

¹² Письмо А. Н. Формозова Л. Н. Формозовой от 8 января 1930 г.

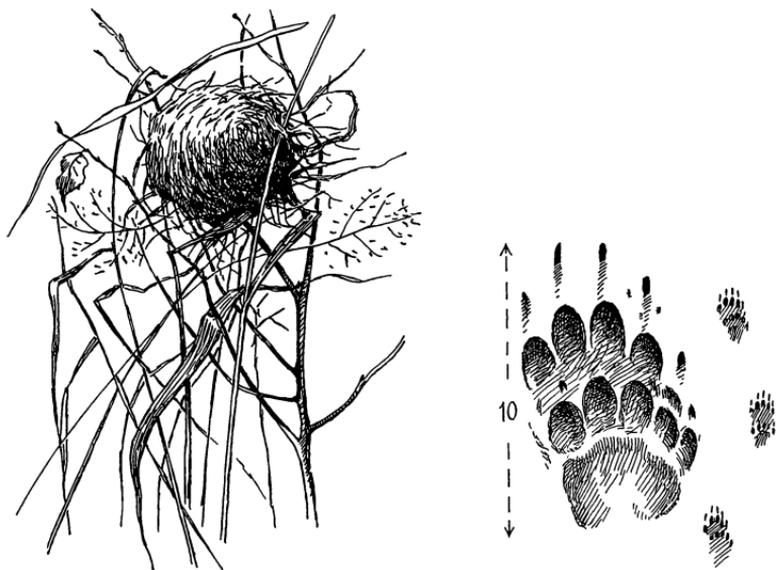
или иначе, у молодой семьи появилась первая «своя» комната, довольно большая, даже с балконом, через который летом можно было ходить, минуя соседей. Начался новый этап жизни А. Н. Формозова, пожалуй, самый для него плодотворный.

Расцвет. Тридцатые годы

Тридцатые годы — это период реконструкции хозяйства в СССР. Создавались многочисленные индустриальные комплексы. Все, а не отдельные села превращались в колхозы. Перестраивались и другие отрасли экономики, в частности охотничий промысел. В стране возникла сеть заповедников.

В этих условиях ученые считали своим долгом включиться в общую работу, поставить науку на службу практике. У биологов Московского университета инициативу в этом отношении проявили крупнейший охотовед Б. М. Житков и энтомолог Н. М. Кулагин. А. Н. Формозову — автору статей по охотничьему делу — все это также было близко. В 1929 г. Центральная пушная конвенция ассигновала 7720 рублей биологической станции МГУ специально на изучение промысловых животных. Базой для нее стало Лосиноостровское опытное лесничество, возглавил станцию Б. М. Житков. В 30-х годах с Лосинкой тесно связан был и Александр Николаевич.

Реконструировался и Московский университет. В 1930 г. выделился самостоятельный биологический факультет. На сформированной по-новому кафедре зоологии и сравнительной анатомии позвоночных с 1930 г. и начал работать А. Н. Формозов. В 1930—1951 гг. кафедрой заведовал Борис Степанович Матвеев (1889—1973), а с 1951 г. — Николай Павлович Наумов. Среди преподавателей, кроме упоминавшихся выше Огнева и Гептнера, были Николай Алексеевич Бобринский (1890—1964), Павел Александрович Свириденко (1893—1972), Сергей Григорьевич Крыжановский (1894—1961), Евгений Семенович Птушенко (1888—1968), Александр Николаевич Дружинин (1902—1959) и др. Тридцатилетний Формозов не затерялся среди этих видных ученых.

Шарообразное гнездо мыши-малютки

Отпечатки левой пары лап барсука и его следы на обычном ходу (шагом)

У него было свое лицо: мало кто из биологов проводил столько времени в природе, как он, мало кто был таким тонким наблюдателем, умевшим подмечать в поле множество фактов и улавливать их влияние друг на друга. В 1935 г. он получил звание профессора и ученую степень доктора биологических наук (без защиты).

С 1930 по 1956 г. Александр Николаевич читал большой курс «Биология млекопитающих» для студентов, специализировавшихся по зоологии позвоночных. В годы Великой Отечественной войны читал он и экологию, а позже и биологию птиц. В 1930—1934 гг. преподавал в Балашихе, где создал кафедру систематики и биологии промысловых животных. Там он тоже вел курс биологии млекопитающих и птиц, но с уклоном в охотоведческую практику.

О Формозове-педагоге написан хороший очерк его учеником И. А. Шиловым¹. Поэтому я ограничусь не-

¹ *Шилов И. А.* Александр Николаевич Формозов как педагог.— Бюл. МОИП, 1975, т. LXXX, № 1, с. 19—24.

многим. Учебников тогда не было. Лекции строились в значительной мере на оригинальных наблюдениях самого преподавателя. Говорил Александр Николаевич легко, редко заглядывал в свои заметки, но довольно тихим голосом и несколько монотонно. Оживление вносил богатый иллюстративный материал. Это были, во-первых, рисунки, а во-вторых,— учебные коллекции. И то и другое подготавливалось годами во время поездок по стране. Тушки зверей и птиц, позволяющие судить об окраске, возрастных изменениях покровов, брачных нарядах и линьке, образцы погадок, погрызов на деревьях, ударов клюва дятла на коре и т. д. и т. п. были подобраны любовно и систематично и помогали представить себе живую природу в сугубо городских аудиториях университета.

Столь же часто показывались рисунки, выполненные тушью или цветными карандашами. В начале своей работы Александр Николаевич делал рисунки пером прямо в дневнике, обычно очень небольшого размера. В дальнейшем он предпочитал рисовать на отдельных листах, чтобы их можно было демонстрировать на лекции или на докладе. Он брал с собой в поле планшеты с листами плотной бумаги и берестяной коробок с цветными карандашами, сплетенный для него крестьянином в Шарье. Присев где-нибудь на пеньке, художник высыпал карандаши из этого коробка в фуражку и быстро набрасывал заинтересовавший его объект, умело передавая фактуру шерсти зверей, перьев птиц, коры деревьев². На занятиях рисовал он мелом на доске.

Студенты любили лекции Формозова, хотя жаловались, что конспектировать их трудно и приходится составлять сводные записи из тетрадок нескольких слушателей.

Но пожалуй, важнее, чем лекции, была практика со студентами в природе. В 1968 г. в последней и наиболее подробной своей автобиографии Александр Николаевич писал: «Изучение позвоночных животных в МГУ в 1920—1925 гг. по старинке ограничивалось ознакомлением студентов главным образом с морфологией мертвых или фиксированных в спирте и формалине рыб, гадов, птиц и млекопитающих, определением видов по музейным экземплярам и некоторыми краткими лекциями о распространении животных. Почти все обучение проходило

---

² Смирин В. М. А. Н. Формозов — натуралист-художник.— Там же, с. 27.

в стенах университета; но уже тогда чувствовалась назревшая необходимость выйти из этих стен, изучать и обучать в природе — на полях, урожаям которых вредители ежегодно наносили огромный ущерб, на огромных реках, в морях и океанах, рыбные богатства которых предстояло осваивать, и т. д. В 1932—1935 гг. мне удалось доказать необходимость и возможность проведения обязательной летней биологической практики по биологии позвоночных в условиях природы, разработать программы такой практики для студентов 2-го и 3-го курсов биофака МГУ. Естественно, что руководство летней практикой в течение ряда лет пришлось осуществлять самому инициатору этого дела. Базой зоологической практики стали Звенигородская биостанция МГУ, в которую это мероприятие вдохнуло новую жизнь, и многие заповедники РСФСР. Результаты этого нововведения полностью оправдали все связанные с ним надежды. Студенты-биологи (независимо от их специальностей) полюбили летнюю практику в природе; они работали с энтузиазмом и осенью возвращались в аудиторию, обогащенные ценным опытом, полезными навыками и большим багажом конкретных знаний о живой природе. В связи с этим резко поднялся и уровень работы студенческих научных кружков. В частности, „Студенческий научный кружок зоологов позвоночных“, которым мне довелось руководить в течение многих лет, жил полной жизнью и в немалой степени содействовал возникновению и развитию на факультете московской экологической школы».

По окончании экзаменов после 2-го и 3-го курсов с группой преподавателей студенты отправлялись на Звенигородскую биологическую станцию, расположенную на берегу чистой здесь Москвы-реки, в дивном среднерусском лесу. Именно там Александр Николаевич учил молодежь азбуке следопытства и порой казался юношам и девушкам, выросшим в городе, чуть ли не волшебником.

Зимняя практика программой биофака не предусматривалась, что воспринималось отцом как величайшая нелепость. Поэтому он вел занятия со студентами в зимнем лесу — «по белой тропе» — на факультативных началах. Вместе с членами студенческого кружка А. Н. Формозов ездил на ту же Звенигородскую биостанцию и в другие подмосковные места, показывал им следы на рыхлом снегу и на насте, объяснял, как отыскивать подснежные гнезда, что надо замечать и записывать.

Студенты принимали участие и в научных экспедициях А. Н. Формозова — в Наурзумский заповедник и в других. Темы курсовых и дипломных работ отец всегда выбирал не литературные, а требующие тесного общения с природой. Руководство было не мелочной опекой, а очень бережным наведением на какие-то перспективные направления или центральные для проблемы моменты. «Придешь к Александру Николаевичу с каким-нибудь своим недоумением, рассказываешь, а он ходит по кабинету, насвистывая пеночкой, и вроде даже и не слушает,— пишет И. А. Шилов.— Потом расскажет что-либо из недавно прочитанного в зарубежных журналах (не по теме вопроса), вспомнит какие-то эпизоды из своих экспедиций (тоже не по теме). Потом скажет: „Ну, подумайте еще...“, — подсказав что-либо очень общее. По началу это несколько обескураживало. А потом, когда вновь и вновь („гвоздем“ сидит непонятный вопрос!) обдумываешь его со всех сторон, вдруг понимаешь, что и статья была упомянута к месту, и воспоминания были очень даже „на тему“ — просто они касались не данного узкого вопроса, а широкой проблемы, в которую входит и этот вопрос. Все сразу становится на свои места, а впечатление такое, что ты сам до всего дошел, а не действовал по подсказке. Вот и понимаешь (сейчас уже, а не тогда!), насколько глубок был педагогический талант Александра Николаевича — этого совсем не похожего на педагога человека»³.

Отец никогда не печатал статей в «соавторстве» со студентами, но в его собственных публикациях нередко ссылки на наблюдения юных учеников. И они этим дорожили. Формозов был популярен среди молодежи. Он не отличался менторским тоном, держался просто и доступно, охотно давал книги из своей библиотеки, а главное — был очень самобытной личностью, глубоким знатком природы. У него хотелось взять побольше, благо он не делал секрета из своих идей и находок. Зачастую уже после лекций кучка студентов провожала профессора домой, продолжая обсуждать те или иные волновавшие их сюжеты.

В экспедициях обстановка была очень непринужденной, дружеской. В определенные дни в очередь со студентами их руководитель готовил обед на весь отряд.

---

³ Шилов И. А. Александр Николаевич Формозов как педагог, с. 23.

Бурундук

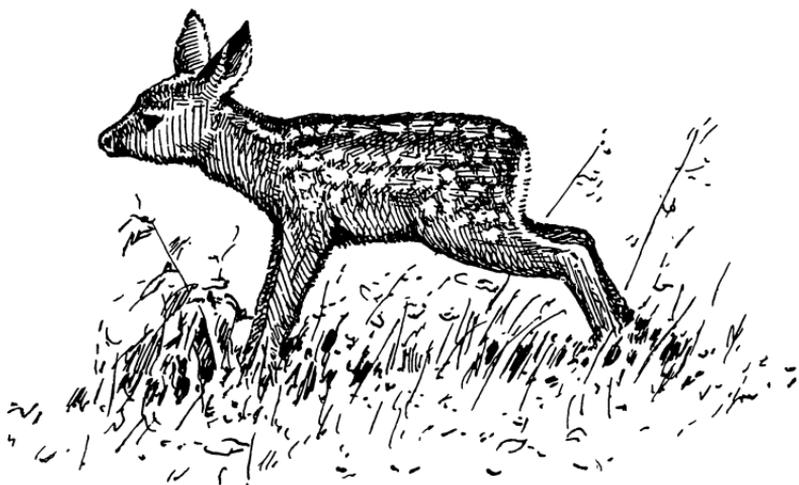
Вечером, собравшись вместе, пели, рассказывали разные истории. Большим успехом пользовались шаржи Александра Николаевича на участников экспедиции, запечатлевшие какие-нибудь смешные случаи, происходившие в лагере или в поле.

Между тем эти поездки были очень нелегкими. Автомашин экспедициям тогда не предоставляли. Передвигаться приходилось на попутном транспорте. Не меньше забот требовало снабжение. Достать муку, крупы, консервы — все было проблемой. По моей просьбе один из участников этих экспедиций — А. Г. Воронов, ныне профессор, заведующий кафедрой биогеографии географического факультета МГУ, написал о своих впечатлениях от общения с А. Н. Формозовым в поле: «Проникновение в тайны природы у А. Н. было настолько велико, что мне часто приходило на ум определение: „А. Н. — последний неинструментальный эколог“. Если всем нам приходилось корпеть над продумыванием экспериментов, над разработкой приборов, то А. Н. обладал какой-то удивительной интуицией, позволявшей ему схватывать главнейшее и делать широкие обобщения. Это не значит, что он избегал современной техники исследований — он применял и метеорологические приборы, и многое другое, но он видел и угадывал то, что никто из его спутников и учеников не мог сразу разглядеть, он всегда видел, на что нужно обратить внимание, где применить, например,

подсчет, где сравнить площади, занятые теми или иными явлениями, и т. д. В 1933 г. в районе станции Джурун Актюбинской области, пройдясь по степи, он сразу подсчитал, сколько стеблей бурьянистых растений обитает на изрытых степной пеструшкой участках и сколько вне их, и получил цифровое подтверждение роли пеструшки в распространении в степи сорняков. Интенсивность деятельности водяной крысы он иллюстрировал перспективными рисунками нескольких квадратов площадью по 1 кв. м, на которых был уничтожен растительный покров. А его рисунок дерновинки типчака, подгрызанной пеструшкой, стал классическим и вошел в учебники. Неторопливо проходя значительные расстояния, заходя в тростниковые крепи, часами рассматривая из укрытия птичью жизнь, А. Н. собирал интереснейшие материалы. Вечером, на биваке или в лаборатории, он делал зарисовки то карандашом, то пером, то цветными карандашами, получая образное воплощение своих наблюдений.

Любимейшим нашим занятием во время экспедиции было собраться, сдвинув изголовья пологов, вокруг А. Н. и часами слушать его рассказы о путешествиях, наблюдениях, всегда оживленные юмором, в которых он не боялся и себя выставить в смешном свете и которые были полны живописных подробностей...

Он нередко делился с молодежью своими замыслами. Так, в деревне Малая Арешевка Кизлярского района в 1934 г., сидя на скамеечке около избы, где мы остановились, он рассказывал о зародившейся у него идее новой климатограммы для экологических исследований, которая была опубликована позже. Я приехал в Кизляр после того, как экспедиция уже проследовала в Малую Арешевку, и нашел на почте, до востребования, открытку А. Н. примерно такого содержания: „Дорогой Анатолий! Прежде чем выезжать, сходите на базар, купите бочонок емкостью литров 8, можно и больше, и, наполнив его соответствующим содержимым, привезите к нам“. А. Н., как явствует из этой записки, никогда не становился в позу учителя, недоступного для молодежи. Он общался с нами дружески, без какого бы то ни было заигрывания и заискивания, но ему и не нужны были котурны — так мы его уважали, так высоко ценили, что при всех дружеских отношениях он всегда оставался для нас Учителем и всемогущим человеком. Работая с Н. Б. Бируля, мы получили из Москвы телеграмму, что А. Н. со спутника-

Тёленок косули нескольких дней от роду

ми выезжает в Джурун. Был указан номер поезда, который на этой станции по расписанию не останавливался, однако мы с Николаем Борисовичем были настолько убеждены, что А. Н. все может, что продрогли на станции всю ночь (этот поезд проходил через Джурун около 4 часов утра). Поезд, конечно, не остановился, а А. Н. пересел на другой в Актюбинске, не доезжая Джуруна, и появился у нас на следующий день.

Умел он быть очень сердечным. Помню, как он утешал меня в Наурзуме, когда выяснилось, что ребяташки не смогут ко мне приехать на лето. Он нашел очень теплые слова, сразу на меня подействовавшие.

Был он инициатором шуток, розыгрышей. Так, в том же Наурзуме он ввел порядок, при котором опоздавшие к выезду по заповеднику должны были садиться в телегу, запряженную верблюдом, на которой везли багаж, а остальные ехали на паре лошадей.

Тихий вечер, все сидят у костра. Вдруг возникает у А. Н. мысль, что одну из наших спутниц, студентку Ленинградского университета, следует продать казахам. Тут же жертва закутывается в бурку, и ее носят по степи, часть группы пытается ее «отбить» у похитителей. Крики, возгласы, пыль столбом...

Умение вовремя снять напряжение после утомительного рабочего полевого дня было очень характерно для А. Н.».

В 30-е годы из экологической школы А. Н. Формозова, сложившейся в МГУ, вышли А. А. Насимович, А. Г. Томилин, А. М. Сергеев, В. Ф. Рябов, Ю. М. Кафтановский, В. М. Модестов, Н. В. Башенина, О. Н. Нургельдыев, А. А. Максимов, В. В. Кучерук, Т. Н. Дунаева, В. И. Осмоловская, Ю. А. Исаков, К. Н. Благосклонов, Н. Ф. Дарская, Д. И. Бибииков и др.

Темы, над которыми работали в эти годы отец и его сотрудники, в основном имеют практический уклон. «Все работы А. Н. Формозова, — писал В. Г. Гептнер, — представляют интересные и плодотворные исследования в области теоретической зоологии и географии, а одновременно имеют существенное практическое значение. Это определяется не столько исследуемыми объектами (преимущественно практически важными птицами и млекопитающими), сколько самой темой и идеей исследования. Однако, не удовлетворяясь такой формой „выхода в практику“ и продолжая старые традиции московской школы зоологов (традиции, идущие от К. Ф. Рулье и А. П. Богданова, Г. А. Кожевникова и Б. М. Житкова), Александр Николаевич непосредственно работал в области прикладной зоологии — пушного дела, звероводства, дичного промысла, медицинской териологии, рыбного хозяйства (рыбоядные птицы), изучения вредителей сельского хозяйства и, наконец, в области охраны природы. Во всех этих областях А. Н. Формозов не только ставил принципиальные вопросы и разрабатывал теоретические обоснования, но и делал практические предложения и составлял инструкции»⁴.

В 1931—1932 гг. Александр Николаевич заведовал сектором по изучению дикой промысловой птицы Научно-исследовательского института птицеводства и птицепромышленности Наркомснаба СССР. С этой работой связан ряд публикаций: брошюра «Массовые способы лова водоплавающей птицы» (1934), статьи «Озерное хозяйство Барабинской степи в его отношении к хозяйству водоплавающей птицы», «Водоплавающая птица Урало-Кузбасса и ее хозяйственное значение», «Озерная лесостепь и степь Западной Сибири как область массового обитания водных птиц», «Хозяйственное значение пластинча-

⁴ Гептнер В. Г. К шестидесятилетию Александра Николаевича Формозова. — В кн.: Исследования географии природных ресурсов животного и растительного мира. М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 10.

токловых», статьи на те же темы в «Охотничьей газете», в газете «За пищевую индустрию» и т. д.

Собирая материал по этой проблеме, Александр Николаевич ездил в 1931 г. в Барабинскую степь, устроив стационар у поселка Кунино и озера Яркуль, а позже — в Северный Казахстан. Здесь его надолго привлек уникальный озерный район у Наурузума, в 250 км к югу от Кустаная. Район интересен тем, что циклические наполнения и пересыхания озер вызывают периодически то расширение, то сужение их площади, а равным образом и тростниковых займищ, что в свою

А. Н. Формозов в 1936 г.

очередь влияет на фауну окружающих мест. Этот вопрос затронут в статье «Материалы к экологии водяных птиц по наблюдениям на озерах Государственного Наурузумского заповедника» в сборнике «Памяти М. А. Мензбира». Впоследствии автор не раз возвращался к этой теме.

Среди писем отца домой из экспедиций самые увлеченные, безусловно, письма из Наурузума. «В полуверсте от дома начинается система озер, и я с крыльца в бинокль подсчитываю на ближайшем Ак-суате лебедей, гусей и тысячи уток. Птицы всякой очень много, и работать можно интересно. Одно плохо — нельзя стрелять, а без стрельбы многое остается неясным. В ближайшее время отыскиваем за границей заповедника места, удобные для охоты»⁵. «Озера очень топкие, бродить трудно, масса комаров, днем жара... Ходим по озерам вблизи заповедника (до 10 км) и в сухом реликтовом бору, чаще же уезжаем на лошадях или верблюдах через степи, солонцы и луга к дальним озерам или лесочкам»⁶. «После дождей ... наступила опять хорошая погода, и мы с

⁵ Письмо А. Н. Формозова Л. Н. Формозовой от 20 мая 1935 г.

⁶ Письмо А. Н. Формозова Л. Н. Формозовой от 14 июня 1935 г.

неделю носились по озерам и речкам — „кара-су“, как угорелые, вылавливая и кольцуя птицу. Окольцевали около 30 гусей (да не менее десятка их утонуло и задушилось в сетях) и около 100 уток разных пород. Почти целыми днями лазили в воде, иногда по горло, чаще по пояс... Оба старые мои ботинка из-за засасывания ила и тростниковых зубьев развалились... Ловить птицу живьем, пожалуй, интереснее, чем стрелять, и потому, несмотря на трудности, все предаются этому с увлечением. Бывали случаи, что мы разом загоняли в сети по 40 гусей. Они... рвали сети, убегали тростниками, вытаптывая на пути целые тропы»⁷. «В одном месте огромный лебедь с красным носом, черной шишкой на лбу и черными ногами (шипун) плавал всего в 30—40 шагах от меня. Приятно было смотреть на красивом озере за этой дикой чудесной птицей на таком близком расстоянии. Я и стрелять не стал»⁸. «Красивые широкие степные зори, веселое тарактенье камышевок в тростниках да радостные крики и плеск уток на озерах несколько смягчают невзгоды кочевой жизни»⁹.

Расставшись с Институтом птицепромышленности, отец не потерял интереса к старым темам. Еще в 1938 г. он ставил вопрос о загрязнении внутренних вод и о гибели в связи с этим водоплавающей птицы.

Помимо птиц, целеустремленно занимался Александр Николаевич и практически важными млекопитающими. В 1932—1933 гг. он был заведующим научной частью научно-исследовательской охотничье-промысловой биостанции Союзохотцентра, позднее переданной во Всесоюзный научно-исследовательский институт пушно-мехового и охотничье-промыслового хозяйства Наркомвнешторга (ВНИПО). Там в 1934—1935 гг. отец был заместителем директора по научной части, а потом научным консультантом. Исследования в этом направлении отражены в публикациях: «Карты распространения промысловых зверей и птиц», «Биологические основы для установления правил и сроков охоты», «Программа для изучения охотничьего промысла на Севере».

Главное внимание было сосредоточено на белке. Ей посвящены статьи «Основные вопросы экологии белки и

---

⁷ Письмо А. Н. Формозова Л. Н. Формозовой от 18 июля 1935 г.

⁸ Письмо А. Н. Формозова Л. Н. Формозовой от 28 июля 1935 г.

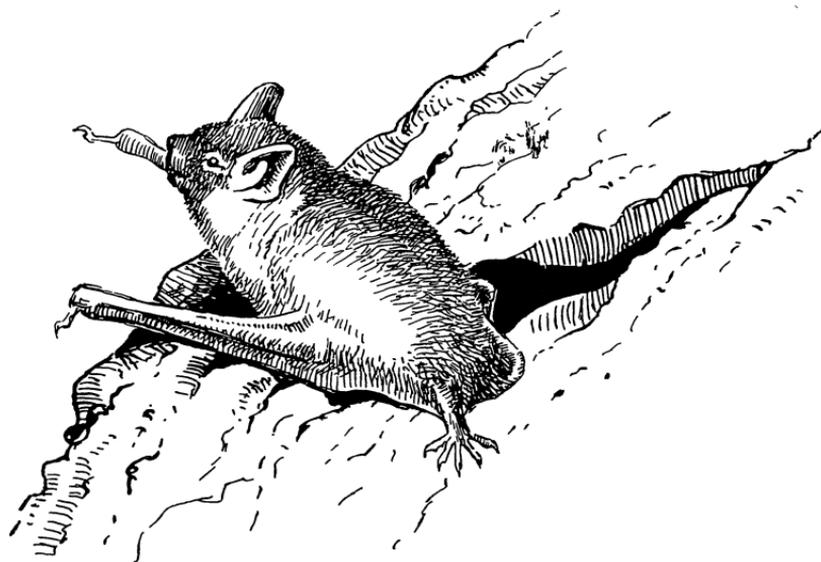
⁹ Письмо А. Н. Формозова Л. Н. Формозовой от 4 июля 1936 г.

программа работ в этой области», «Миграции обыкновенной белки в СССР». Ю. А. Исаков писал об этих статьях А. Н. Формозова: «Всестороннее изучение биологии белки позволило ему установить четкие связи между обилием этого зверька и наличием шишек на хвойных деревьях, семена которых служат ей кормом. На этой основе уже в 1932 г. им были составлены первые опытные прогнозы предполагаемого «урожая» белок, а также лисиц и песцов на предстоящий промысловый сезон по Европейской части СССР. Прогнозы эти, своевременно переданные заготовительным организациям, в значительной степени оправдались. Ясно понимая, что работы по учету и прогнозированию численности животных на беспредельных территориях Советского Союза не выполнимы силами одних профессиональных научных работников, А. Н. выступал на конференциях и в печати за создание «службы урожая» промысловых видов, опирающейся на обширную сеть постоянных корреспондентов из числа охотников. Осуществление этой идеи силами Центральной лаборатории биологии и техники охотничьего промысла открыло возможность использования огромного опыта, накопленного нашим народом, и поставило дело прогнозов на твердую почву»¹⁰.

От наблюдений над колебаниями численности одного вида — белки естественным был переход к более широким обобщениям. В 1935 г. в Кооперативном издательстве (КОИЗ) вышла одна из основных работ А. Н. Формозова — «Колебания численности промысловых животных». Четырнадцатью годами раньше в Нью-Йорке увидела свет монография Гордона Хытта о млекопитающих Канады, где были сделаны биологические выводы из данных Гудзонбайской компании о периодических падениях и подъемах добычи промысловых зверей. Это исследование положило начало серии аналогичных сводок по разным районам. Но книга А. Н. Формозова вовсе не перепев открытого за рубежом, она «почти полностью построена на отечественных материалах, собранных в большой мере по крупнякам в литературных источниках и спаянных воедино общими исходными идеями автора, располагавшего к тому же значительным количеством личных наблюдений. В свое время книга А. Н. Формозова сыграв

---

¹⁰ Исаков Ю. А. Александр Николаевич Формозов — эколог и зоограф. — Бюл. МОИП, 1959, т. LXIV, № 5, с. 153.

Летучая мышь нетопыр'-карлик вылезает из дневного убежища

ла роль отправной для постановки большого числа специальных исследований по движению численности животных на территории СССР, а также по разработке отечественными зоологами проблем популяционной зоологии»¹¹.

Примыкает к этой публикации ряд позднейших статей: «Роль эпизоотий в динамике численности промысловых млекопитающих и птиц», «Закономерности массового размножения у промысловых птиц и млекопитающих», «Изучение колебаний численности промысловых животных и организация „прогнозов урожая“ в охотничьем хозяйстве СССР за период 1917—1942 гг.» и др.

«Вопрос о количественной характеристике в зоогеографии наземной фауны далеко не решен и, строго говоря, по-настоящему даже не поставлен,— писал В. Г. Гептнер.— Однако можно с уверенностью сказать, что самые разработанные и конкретные исследования в этом направлении осуществлены А. Н. Формозовым. Еще большее значение имели его исследования для экологии.

---

¹¹ Насимович А. А. Памяти Александра Николаевича Формозова.— Бюл. МОИП, 1975, т. LXXX, № 1, с. 9.

Здесь можно выделить два наиболее важных направления. Это, во-первых, изучение колебаний численности различных видов (по годам) в одном месте (Горьковская область, Казахстан) и, во-вторых, сравнительное изучение численности в разных географических условиях... Как следствие этих работ, возникли интересные соображения Александра Николаевича о массовых миграциях некоторых видов (белка, кедровка), идея о прогнозировании изменений численности промысловых животных и разработка некоторых методических приемов составления их прогнозов. ... В результате разработки вопроса о связи хищных птиц и грызунов появился остроумный способ учета численности последних путем учета питающихся ими хищных птиц»¹².

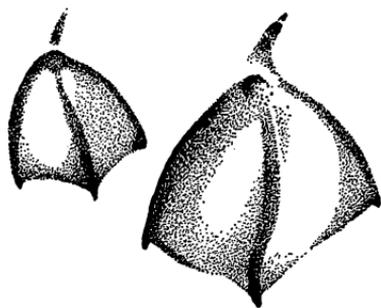
Теперь, видимо, пора определить вкратце главные особенности А. Н. Формозова как ученого. Из изложенного выше могло сложиться впечатление, что он всегда только регистрировал замеченное в природе, т. е. был типичным эмпириком. Это не так. Наблюдения в поле, накопление дневниковых данных, сопоставление и проверка их воспринимались отцом как совершенно необходимый этап исследования, но все же лишь как подготовка к чему-то более важному. Мне вспоминается удачный ответ нашего замечательного фольклориста В. Я. Проппа его критику К. Леви-Строссу. Да, говорил он, я эмпирик, но особого рода. Для меня ценны не разрозненные факты, а ряды фактов, чтобы увидеть за ними закон. Я эмпирик-философ¹³. Это очень похоже на позицию А. Н. Формозова. Не случайно в кратком очерке о К. Ф. Рулье он привел такие слова о нем Н. П. Вагнера: «...мертвый факт в глазах его не имел цены, факт без мысли для него был буквой без значения, иероглифом без разгадки. Но зато высоко ставил он научные данные, открывающие причину и законность (т. е. закономерность.— А. Ф.) явлений»¹⁴.

И. А. Шилов пишет: «В глазах людей, не знавших его близо, Александр Николаевич был в первую очередь на-

¹² Гелтнер В. Г. К шестидесятилетию Александра Николаевича Формозова, с. 9, 10.

¹³ См.: Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976, с. 133, 134.

¹⁴ Формозов А. Н. Карл Францевич Рулье.— В кн.: Отечественные физико-географы и путешественники. М.: Учпедгиз, 1959, с. 227. Цитируется некролог К. Ф. Рулье из «Московских ведомостей» (1858, № 44).

Следы утки-кряквы (справа)
и чирка-свистунка

туралистом, до тонкостей знавшим природу, все проявления жизни животных, но не очень склонным к изучению общих закономерностей. Это глубоко неверно. Александр Николаевич очень интересовался общепро-биологическими проблемами и был авторитетным судьей по многим из них. Просто он считал, что природа настолько богата конкретными проявлениями общих законов, что нет большой необходимости их абстрактного фор-

мулирования — правильно расположенные факты вполне могут заменить отвлеченные (и потому не всегда точные) рассуждения»¹⁵. Так строились лекции Формозова. Так же соотнесены материал и выводы в его книгах.

Приведу одну выписку из дневника военных лет (от 6 декабря 1942 г.). Отец тогда с увлечением читал историческую литературу. И вот в биографии Клаузевица ему встретилось и показалось заслуживающим внимания такое высказывание теоретика военного искусства: «Я никогда не уклонялся от философских заключений, но в тех случаях, когда связь доходила до крайне тонкой нити, я предпочитал обрывать ее и снова прикреплять к соответствующим явлениям реального порядка. Подобно тому как некоторые растения приносят плоды лишь при том условии, если они не слишком высоко вытянули свой стебель, так и в *практических искусствах листья и цветы теории не следует гнать слишком вверх, но держать их возможно ближе к родной почве — реальному опыту*»¹⁶. Последние слова подчеркнуты автором дневника. Очевидно, они совпадали с его взглядами.

В своей работе отец никогда не ограничивался собственными наблюдениями. Все, написанное до него, он знал хорошо, привлекал и зарубежные издания, и труды зоологов предшествующих поколений, и старую охотничью периодику, где затеряно немало любопытного, даже ху-

¹⁵ Шилов И. А. Александр Николаевич Формозов как педагог, с. 23, 24.

¹⁶ Свечин А. Клаузевиц. М., 1933, с. 215.

дожественные произведения (он цитировал, например, Н. С. Лескова, рассказывавшего, как в Орловской губернии использовали запасенные лесными мышами отборные орехи).

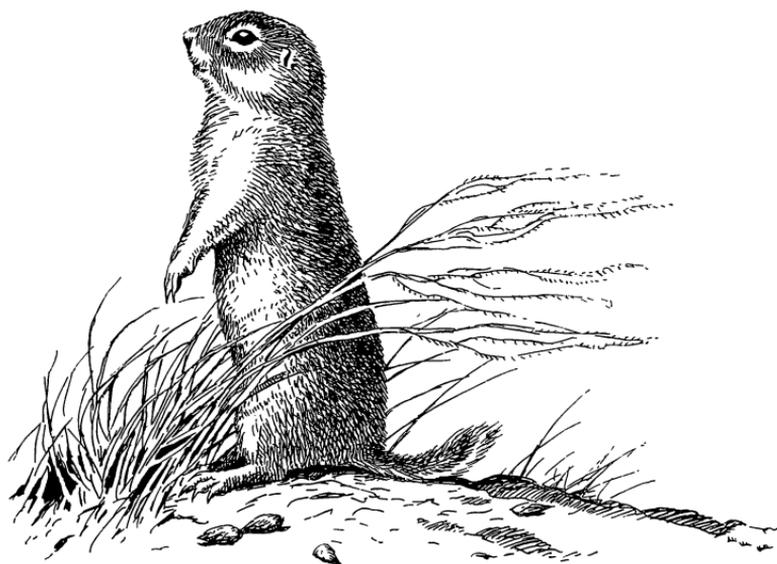
Уже в 1930-х годах у отца была большая библиотека. У букинистов и семей умерших биологов он купил книги русских ученых XIX — начала XX столетия, много выписал или получил в обмен из-за границы. Собирались книги не только по зоологии, но и по ботанике, почвоведению, палеонтологии, энтомологии, географии, описания путешествий. На полках стояли и монографии о художниках, сборники поэтов начала века.

Но пожалуй, чаще, чем к библиотеке, отец обращался к своему архиву выписок. Он раскладывал их по папкам с надписями: «лисица», «белка», «кедровка» или «ель», «кедр», «дуб», «орехи», «ягоды», «снег», «следопыт», «звери в природе», «запасы у млекопитающих», «запасы у птиц», «хищные птицы и грызуны». Тут проще, чем перерывая гору книг, можно было найти материал и к лекциям, и к докладам, и к статьям. Порой подборки выписок превращались во что-то вроде заготовок для будущих исследований. Увы, большинство из них так и не вышло из этой стадии.

От проблем прикладной зоологии Александр Николаевич легко переходил к темам общетеоретическим — экологическим и зоогеографическим. Широкою известность получила его статья «Урожай кедровых орехов, налеты в Европу сибирской кедровки и колебания численности у белки». Напечатанная в Кембридже в «*Journal of Animal Ecology*», она и сейчас нередко цитируется в зарубежных сводках. В ней видят пример того, какими сложными связями объединяются в природе растительность и животный мир, и того, как надо выявлять и истолковывать эти связи.

С редактором журнала Чарлзом Элтоном отец переписывался с 1932 г. почти до самой смерти. Контакты с зарубежными учеными, возникшие еще в студенческие и аспирантские годы, расширялись и укреплялись.

К группе теоретических работ можно отнести и такие известные публикации А. Н. Формозова 1930-х годов, как «Хищные птицы и грызуны», «Дополнительные данные к вопросу о взаимоотношении хищных птиц и грызунов», «К вопросу о межвидовой конкуренции. Взаимоотношения белки, клестов и большого пестрого дятла», «Об освое-

Суслик на наблюдательном посту при выходе из норы

нии фауны наземных позвоночных и вопросах ее реконструкции. Изменение фауны человеком», «К вопросу о вымирании некоторых степных грызунов в позднечетвертичное и историческое время». В последней статье предложен, между прочим, метод исследования, получивший позднее определенное распространение,— сбор костей у нор грызунов, что позволяет установить, какие виды обитали в данном районе в прошлом, и помогает определить эпизоотологическую ситуацию в природных очагах чумы.

Наибольшее значение имели работы по двум темам — о деятельности грызунов на пастбищах и сенокосах и о роли снежного покрова в жизни млекопитающих и птиц. Первая тема выросла из наблюдений, сделанных когда-то в Монголии и в степях Юга СССР. Исследования велись совместно с ботаниками Анатолием Георгиевичем Вороновым и Ириной Борисовной Просвирниной (Кирис) и молодым зоологом Николаем Борисовичем Бируля в нескольких районах: в 1933 г.— у станции Джурун Актюбинской области, в 1934 г.— у хутора Коза села Елисеевского под Бердянском и близ Малой Арешевки под Кизляром в Дагестане. В итоге появились статьи «Основные черты деятельности грызунов на пастбищах и сенокосных угодьях», «Деятельность грызунов на пастбищах и сенокосных

угодьях Западного Казахстана и ее хозяйственное значение (биотические отношения грызунов и растительности)», цикл публикаций на ту же тему с подзаголовками «Некоторые данные о грызунах альпийской зоны Кавказа», «Наблюдения над грызунами — вредителями выгонов и сенокосов Южной Украины», «Влияние общественной полевки и некоторых других грызунов на растительность Кизлярского района Дагестанской АССР».

Геоботаник академик Е. М. Лавренко писал в 1952 г.: «Зоологи, особенно А. Н. Формозов и его ученики, очень много сделали по изучению влияния жизнедеятельности грызунов на растительный покров степей. Эта литература до последнего времени не была использована ботаниками»¹⁷. Но теперь, по словам А. А. Насимовича, на основе работ А. Н. Формозова «даже возникло такое направление экологических исследований, как изучение „средообразующей деятельности животных“»¹⁸.

И наконец, монография «Снежный покров как фактор среды, его значение в жизни млекопитающих и птиц СССР» — главная научная книга отца. Она увидела свет в 1946 г., но завершена была в 1937. Университет напечатать ее не мог. В 1939 г. книга была принята Издательством Академии наук СССР в Ленинграде. В феврале 1941 г. были получены гранки, но вскоре началась война, и набор рассыпали. К счастью, в 1939 г. Александр Николаевич опубликовал автореферат своей работы на английском языке в Бюллетене МОИП, и этот текст обратил на себя внимание многих биологов, закрепил приоритет автора в данной области.

Уроженец Средней России, исходивший сотни километров по заснеженным полям и лесам, Александр Николаевич давно заметил, какую огромную роль играет снег в жизни обитателей тундры и тайги, степей и пустынь: как препятствие, затрудняющее передвижение и добывание корма, как фактор, вызывающий миграции животных и их гибель, и как полог, спасающий мелких зверьков от вымерзания. Эти вопросы и рассмотрены в монографии. Особые главы посвящены роли снежного покрова для рас-

¹⁷ Лавренко Е. М. Микрокомплексность и мозаичность растительного покрова степей как результат жизнедеятельности животных и растений.— В кн.: Труды Ботанического института АН СССР, 1952, сер. 3, т. 8, с. 41.

¹⁸ Насимович А. А. Памяти Александра Николаевича Формозова, с. 9.

пространения оленей, кабанов, фазанов, кошачьих хищников, значению его в истории четвертичной фауны.

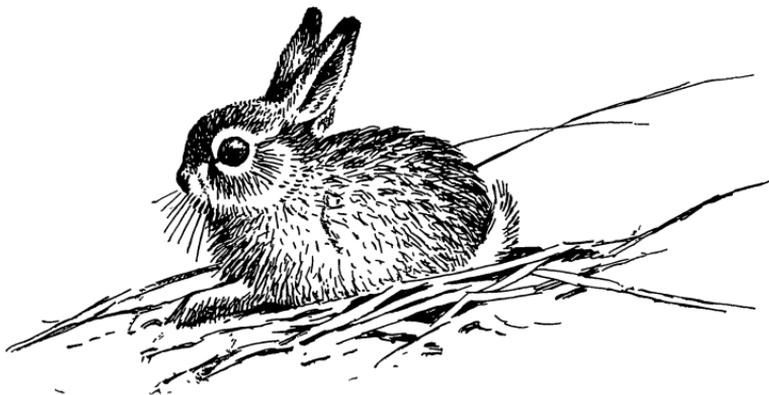
А. А. Насимович пишет: «Эта книга еще в рукописи и в кратком печатном извлечении из нее (1939 г.) была известна в основных чертах целому ряду зоологов и уже тогда сыграла роль катализатора подобного рода исследований в Советском Союзе, особенно в заповедниках. Главным образом от этой книги, переведенной на английский язык и изданной в 1964 г. Бореальным институтом Канады в г. Эдмонтоне, отталкивались в дальнейшем многие биологи США и Канады, в частности специалисты Канадской службы диких животных, начиная свои исследования о роли снежного покрова в жизни зверей и птиц Американского континента. В одном из своих писем, посланных в 70-х годах, канадский зоолог Уильям Пруитт... сообщает, что книгу А. Н. Формозова о роли снежного покрова в жизни животных он рекомендует своим ученикам, закончившим университет, изучать столь же основательно, как „Происхождение видов“ Дарвина, „Изучение инстинкта“ Тинбергена и „Распространение животных в зависимости от их общественного поведения“ Уинн-Эдвардса»¹⁹.

А. А. Насимович упомянул о заповедниках. Связь с ними у Александра Николаевича установилась в 1931 г. и не прекращалась уже до конца дней. С 1933 г. он был членом Президиума Комитета по заповедникам при Совете Министров РСФСР, научным консультантом и членом ученого и научно-технического советов Главного управления по заповедникам. Десятки биологов, работавших в этой системе, обращались к нему с просьбами и вопросами, и он всегда отвечал, помогал им публиковать их оригинальные наблюдения, защищать диссертации.

Еще в 30-х годах наметился некоторый отход отца от академической среды. Он все чаще противопоставлял натуралистов, не отрывающихся от природы, кабинетным специалистам, «меряющим хвосты у тушек». Среди полевых зоологов, живших в глуши, но зато великолепно знавших жизнь леса, у Александра Николаевича были близкие друзья. Двум из них — Льву Георгиевичу Капанову (1910—1943) и Владимиру Порфирьевичу Теплову (1904—1965) он посвятил после их смерти большие очер-

---

¹⁹ Насимович А. А. Памяти Александра Николаевича Формозова, с. 7, 8. Цитируется письмо У. Пруитта Е. А. Бонч-Осмоловской (Формозовой) от 25 февраля 1974 г.

Заяц-русак нескольких дней от роду

ки. Капланов работал в Сихотэ-Алинском и Судзухинском заповедниках, изучал крупных млекопитающих — тигра, изюбря, лося, собрал ценнейший материал об этих зверях. Он погиб от руки браконьеров, с которыми упорно боролся. Теплов вел исследование в Кавказском, Печоро-Ильчском и Окском заповедниках. Отец переписывался с ним с 1930 г. — более трех десятилетий, помогал ему советами и сам получал от него интересные для себя сведения, дружил с его семьей.

Но надо было не только консультировать отдельных сотрудников из тех или иных заповедников, но и разрабатывать определенные методические рекомендации для всей этой системы. Эти рекомендации содержатся в статьях отца: «Формула для количественного учета млекопитающих по следам», «Особый тип климатограмм для экологических исследований», «Программа и методика работ наблюдательных пунктов по учету мышевидных грызунов в целях прогноза их массового появления», «К методике изучения динамики численности мышевидных грызунов». В 1937 г. при поездке в Астраханский заповедник А. Н. Формозов предложил его руководству вести регулярные записи об основных природных явлениях, обобщая наблюдения в конце года в «Летописи природы». Предложение было принято и вошло в практику всех заповедников. Александра Николаевича очень увлекали многолетние стационарные исследования на протяжении всех времен года, что доступно именно сотрудникам заповедников. Сам он стремился к такого рода работам и при поездках в Шарью, и при экскурсиях по Подмосквью. Мечтал на-

писать книгу типа «Периодических явлений в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии» Н. А. Северцова, но с более широким и глубоким охватом природных взаимосвязей. Эту идею он подсказывал В. П. Теплому при обсуждении его будущей докторской диссертации.

Еще сложнее был другой аспект — оборона самих заповедников от браконьеров, от хозяйственников, считающих, что с этим «государством в государстве» пора покончить, отдав его земли под лесосеки, покосы и т. д. Сеть заповедников не раз произвольно сокращалась. Потом что-то отвоевывалось назад, затем опять терялось. На всю эту нескончаемую изматывающую борьбу уходила масса времени и сил.

На протяжении 30-х годов А. Н. Формозов побывал в ряде заповедников: в 1935 и 1936 гг. — в Наурзумском, в 1937 г. — в Кавказском и Астраханском, в 1940 г. — в Дарвиновском (Борок на Мологе), Воронежском и Печоро-Илычском. Вместе с В. П. Тепловым и в одиночку он проплыл на лодках большой отрезок Печоры и Илыча. В предшествующие пятилетие он работал в экспедициях на Кольском полуострове (1934), в Актюбинской области (1933), в Кизлярском районе Дагестана (1935). Все это места, в той или иной мере знакомые и раньше, — Север, Кавказ, южнорусские степи и полупустыни.

В 1939 г. было совершено путешествие в абсолютно новые края: в июне—июле — в предгорья Тянь-Шаня и горную Киргизию, в августе — в Прибалхашье. Официальной целью поездки был сбор учебных коллекций для МГУ, но для себя Александр Николаевич определял ее иначе: «Поехал же я сюда, чтобы дать отдых голове и посмотреть Среднюю Азию. Трудно быть хорошим зоогеографом, не увидев эти очень оригинальные места... Я поехал, выполняя свой давний неписанный план путешествий». Прибыв на станцию Кара-Балты, А. Н. Формозов и препаратор Л. П. Мосолов отправились в предгорный поселок Сосновка. Тут коллекционировали главным образом птиц. Среди них попадались новые для отца виды — «крупные черно-лиловые дрозды, ростом с галку, которые живут в Индии и Гималаях». Из Сосновки сделали вылазку в высокогорье, «прожили 10 дней в палатке близ 3 киргизских юрт на страшной высоте... С большим трудом в начале июля мы стоворились с киргизами о доставке нам 2 вьючных лошадей с проводником. 5-го утром вышли, шли до позднего вечера — сначала вверх по

ущелью речки Кара-Балты, а потом по очень узкому ущелью р. Бития. Места очень дикие. Многие теснины у реки выглядят гораздо солидней, чем Дарьяльское ущелье. По Битие лезли круто вверх по древним моренам, как по ступеням. Встали тоже на морене, на уровне снегов на альпийском лугу, который весь пестрел цветами. Рядом шумела ледяная речка. Высота, вероятно, такая, как самые высокие вершины Теберды... (наверное, около 4500—5000 м). Первые дни было трудно дышать, на каждом шагу приходилось останавливаться. Потом привыкли. У киргизов брали арьян — кислое овечье молоко, кумыс, потом наш проводник убил горного козла тау-теке — варили это мясо. Ночи были очень свежи, по утрам несколько раз выпадали инеи... Пейзажи тут очень величественны: глубокое ущелье, зеленые луга, кругом снеговые цепи гор... Привезли из этой поездки сравнительно немного — штук 40 шкурок, но птицы все интересные, много гималайских видов. Убили одну редкую горную индейку — улара, привезли шкурки 4 рыжих сурков, 1 шкуру тау-теке»²⁰.

Об этой части поездки рассказано в очерке «На джей-ляу» в «Юном натуралисте».

Приехав из Сосновки в Алма-Ату, Александр Николаевич добрался пригородным поездом до поселка Илийского. Там купили две лодки и проплыли на них по Или до районного центра Баканас, сначала среди гор, затем по пустыне, а дальше в камышовых зарослях. Средняя Азия произвела на отца огромное впечатление и впоследствии он постарался вновь туда попасть.

Но в целом стремление освоить новые районы сменилось иным — желанием работать на стационарах, наблюдая изменения природы из года в год, из сезона в сезон. В 1938 г. А. Н. Формозов писал: «Экспедиционные налеты уже давно перестали меня удовлетворять. Они дают ответы лишь на самые простые и немногосложные вопросы. Для решения сложных проблем более 8 лет я применяю метод 2—3 ежегодных поездок в одну стационарную точку, продуманно выбранную и удобно расположенную»²¹.

---

²⁰ Письма А. Н. Формозова Л. Н. Формозовой от 16 и 27 июля 1939 г.

²¹ Формозов А. Н. Над чем я работаю.— Московский университет, 1938, 25 янв.

Лось

Нижегородского уроженца тянуло в родные края. В 1929 г. с Окской биологической станции он ездил на Керженец, в 1932 г. проводил практику студентов из Балашихи в Приветлужье, у поселка Красные Баки. Но нужны были места погуще, менее потревоженные. Их удалось найти близ железнодорожной станции Шарья. В одной из последних своих статей А. Н. Формозов вспоминал: «В 1930 г. вдоль полотна Северной ж. д. начиная от станций Шарья, Якшанга, Поназырево и далее к востоку стояла сплошная стена хвойного леса, уходившая на юг от левого берега Ветлуги. В этом сплошном массиве южнее станции Поназырево по линии грунтовой дороги, выходявшей на р. Ветлугу к с. Одоевскому, почти на 50 км в длину и 30 км в ширину простирался участок лесов, служивший более 11 лет местом наших исследований»²².

Ниже автор с любовью говорит не только о населявших леса птицах и зверях, но и о крестьянах из дере-

²² Формозов А. Н. Звери и птицы и их взаимосвязи со средой обитания. М.: Наука, 1977, с. 178.

вень Киселево, где было 17 дворов, и Яковлево, с 24 дворами, помогавших ему в работе. Это А. И., М. П. и К. П. Зайцевы, Н. Е. и Е. Е. Корчагины, С. И. Шорин, В. П. Сотиков. В доме Кузьмы Петровича (1901—1975) и Марьи Пантелеевны (1906—1976) Зайцевых обычно и жил при своих поездках в Шарью Александр Николаевич. Он писал им из Москвы, привозил подарки, вплоть до редкого в те годы в деревнях патефона. Гостили они и у нас в Москве. Он любил этих людей, умел с ними разговаривать, не впадая в искусственный тон, ценил их наблюдения над жизнью леса, побуждал охотников записывать то, что их почему-либо поразило.

Бывал в Шарье Александр Николаевич в 1930—1940 гг. ежегодно, чаще всего в сентябре—октябре, реже в ноябре, два раза был весной, дважды — зимой. Сначала ездил один, потом появился у него спутник — Иван Михайлович Олигер. Его рекомендовал А. Н. Формозову как специалиста по паразитам тетеревиных птиц профессор В. А. Догель еще тогда, когда он учился в Ленинградском университете. Нижегородец, представитель следующего поколения биологов, Олигер стал для отца близким человеком на всю жизнь. Изредка приезжали в Шарью Н. П. Наумов, Л. Г. Капланов, В. И. Осмоловская, А. А. Максимов, М. Н. Керзина.

Изучались здесь белка, мышевидные грызуны, тетеревиные птицы — прежде всего рябчик, отчасти тетерев, глухарь, белая куропатка. По шарьинским материалам написан ряд статей: «Заметка о лесных полевках северной части Горьковского края», «Рябчик и рябчиковый промысел», «Материалы к биологии рябчика по наблюдениям на севере Горьковского края», позднейшие очерки «Мелкие грызуны и насекомоядные Шарьинского района Костромской области за период 1930—1940 гг.», «Тетеревиные птицы Шарьинского района Костромской области». Много сведений, полученных во время работы на Ветлуге, в статьях о белке, снежном покрове и других. Многое осталось в записях и не было доведено до печати.

Если письма из Наурузума самые увлеченные, то письма домой из Шарьи наиболее умиротворенные. 8 октября 1932 г.: «Погода, как всегда осенью, очень переменчива. Были дни с ненастьем, со снегом и крупой и совершенно ясные. Чудесны, неописуемо красивы осенние леса. Позавчера ночью сильным ветром сбило почти весь лист, леса стали светлее, тише, спокойнее. И удивительно хо-

рошо целыми днями бродить по усыпанном листом тропам, по мшистым кочкам, сидеть на корявых пнях и белых упавших березах, попискивая в пищик. Гогочут гуси, табун за табуном, улетаая на юг (мне не видно их за вершинами), пересыпаются в елях веселые стайки корольков и синиц, тихо журчат сонные речки... Что ни поворот речки, то и новая картина: огромные пихты с вершинами, усеянными пишками, и стволами, окутанными лишаями, березы с золотым кружевом последних листьев по макушкам, повисшие над водой рябины — все это просится на картины. Но мне лень. Я даже красок нарочно не взял и с удивительным чувством беспечности и покоя люблю тысячам этих милых картин, потому что след в сердце от них может быть лучше гораздо и дороже, чем посредственная, в мучениях рожденная акварель. Чудесно, чудесно...».

Ровно через год — 8 октября 1933 г.: «Уже по дороге сюда 3-го чудесной вечерней зорей я подманил рябочка и убил его. Вечер был чудесный, желтый горел закат сквозь черные, почти голые ветви осин. Одинок трепетали на вершинах последние кумачовые листья. И запах болот, и пихты, и рокочущие перелеты рябчика, и, наконец, холодное ложе ружья у щеки, знакомый толчок отдачи, тяжелый раскат выстрела...»

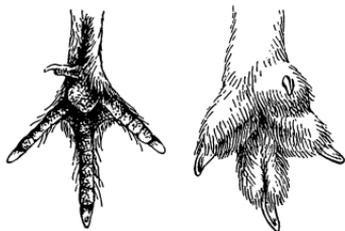
Кроме исследовательской работы в 30-е годы много времени отдавал Александр Николаевич и популяризации. Он был постоянным автором, художником и консультантом журнала «Юный натуралист». За 1934—1941 гг. там напечатаны 32 его статьи. Они очень разные. Тут и характеристики определенных районов («Страна гималайского медведя, амурского тигра и непальской куницы» — о Дальнем Востоке), и очерки о тех или иных явлениях в животном мире («Зимовка птиц у Туркменского побережья Каспия», «Спячка млекопитающих») и об отдельных видах («Кайра», «Домовая мышь»), и воспоминания о собственных встречах с природой («Во времена звероловства», «Ранним утром»), и наблюдения следопыта («О чем может рассказать еловая шишка», «Кто из дятлов пьет сок»). Периодически журнал устраивал конкурсы. Читателям предлагалось написать о том, что они видят вокруг, что им известно о фауне родных мест. Лучшие письма публиковались и премировались. Темы для конкурсов придумывал Александр Николаевич, он же подводил их итоги. Один год тема была «По дороге в

школу», второй — «Прошлое и настоящее нашей природы». Юным натуралистам подсказывалось, чем они могли бы помочь биологам («Задания следопытам на февраль—март», «Разузнать жизнь скрытного зверька»), давались советы («Как записывать наблюдения», «Как обрабатывать дневники»), их успехам посвящались специальные статьи («О работе Васи Груздева»; сейчас Василий Владимирович Груздев — научный сотрудник биологического факультета МГУ).

Множество ребячьих писем приходило в журнал на имя профессора Формозова, и он старался всем ответить, помня о том, как направляли его в начале пути отец и Н. А. Покровский. Возникали и размолвки. Статья «Копачий вопрос», где говорилось, что одичавших кошек, истребляющих птиц в лесу, надо безжалостно убивать, вызвала протесты, главным образом девочек.

Словом, сотрудничество в журнале было дорогое отцу вовсе не как приработок, а как живое дело, как реальная связь с новым поколением любителей природы. Печатались тогда А. Н. Формозов и в «Пионерской правде», в «Детском календаре», писал для радио. Помимо мелких заметок, выходили и научно-художественные книги. В 1937 г. появилась «История выводка белки» — переработанный вариант старой книжки «Охотничьи звери и промыслы», а в 1936 г. в Издательстве детской литературы увидел свет «Спутник следопыта», впервые объединивший тексты брошюр 1925—1930 гг. со всеми иллюстрациями. В книге 280 страниц (около 13 печатных листов) и 240 рисунков. Тираж ее 25 тыс. экземпляров. Благожелательные отклики, как в печати, так и в письмах, свидетельствовали об успехе книги. Она и до сих пор любима нашими натуралистами.

Детгиз задумал серию «Животный мир СССР», что-то вроде томов будущей «Детской энциклопедии». В 1940 г. под редакцией А. Н. Формозова вышел том «Птицы». В нем шесть его собственных статей, а очерки некоторых других авторов по сути дела переписаны им заново, поскольку их стиль оказался недостаточно живым и доступ-

Нога белой куропатки. Слева — летом, справа — зимой

ным для юных читателей. Готовил отец и популярную книгу «Звери в природе» по заказу Учпедгиза.

Так шла жизнь Александра Николаевича в 30-е годы. Повторяю, на мой взгляд, то был самый плодотворный для него период. И все же об идиллии говорить нельзя. Очень тяготила борьба за охрану природы, далеко не всегда увенчивавшаяся успехом. Второй источник недовольства — коммунальная квартира. В 1940 г. поменялись, переехали на Гоголевский бульвар. Там было две комнаты и у отца впервые появился свой кабинет, но соседей — восемь семей!..

Бытовые трудности раздражали Александра Николаевича, порой выводили из себя, вызывая приступы ярости. Основной груз хозяйственных хлопот приняла на свои плечи Любовь Николаевна. Отец часто уезжал, помощи от него было немного, мечты о таких же увлекательных совместных поездках, как когда-то на Мурман, постепенно забылись. В семье образовалась трещина.

Да и я тоже не очень радовал. Отец уделял мне довольно много времени. Мы часто с ним гуляли по бульварам или по набережным Москвы-реки. Из экспедиций он присылал мне письма с подробными рассказами об увиденном и с рисунками, дома читал русских классиков. Я сохранил до сотни рисунков, сделанных для меня отцом в начале 30-х годов. Иногда они сопровождались стихами его сочинения. Например:

Звериные уловки
Знакомы с Макой нам,
И в норы кротоволки
Мы ставим тут и там...
Наутро проверяем,
Каков у нас улов,

Из ходов вынимаем
Двух-трех больших кротов.
Из леса возвращаясь,
Кладем в мешок зверей,
А вместе с ними Маку,
Чтобы шагать быстреей.

(Макой звали меня в детстве. Это впечатления от жизни на даче в Мещерском в 1933 г., когда мне было четыре с половиной).

А вот почти лирика — стихотворение отца «Папа в Шарье на охоте» с датой 13 февраля 1935 г.:

Темный ельник стоит стеной,
Заслонив алый свет зари.
Пробирается кто-то тропой.
Там, где в чащах живут
глухари...

Шорох веток в вершинах,
Легкий беличий скок,
Крики соек в долинах
Слышит этот стрелок.
Слышит поезд гул

Далеко за лесами.
Сам одет, как вогул,
Он в бахилы с лаптями.
Старый серый рюкзак за спиной.

Весь альбом изрисован...
И широко шагает тропой
Тот лесник тишиной очарован.

Стихи, сочиненные отцом в сентябре 1936 г. на курорте в Теберде:

Шумит веселая река.
Бежит ишак издалека.
Газоны все пестрят цветами.
Над ними сойки с желудями.
Домбай синее ледниками
И ночь свежа, как в ноябре.
Вершины высятся над нами,
Сверкая в снежном серебре.

Наш Мака дружится с
медведем,
А мама скачет на коне.
Отсюда скоро не уедем —
Живется славно в Теберде,
«Шумит Арагва предо мною» —
Мурлычет папа каждый день,
Рисует пихты под горою.
Писать ему ужасно лень.

Я рос городским, книжным, малоподвижным мальчиком, ни в чем не напоминавшим нижегородского гимназиста Формозова. Отца это огорчало. 13 июня 1940 г. он писал моей матери со студенческой практики в Звенигороде: «В лесу он скучает, и вчера, когда был чудный вечер, журчали козодой, пели дрозды и все слушатели были полны напряженного внимания, он уныло ковырял пальцем кору на поваленной осине. Биолога из него никогда не выйдет...». Еще перед войной наметился мой интерес к истории. Отец устроил меня в школьный кружок на истфаке МГУ, покупал мне книги о прошлом, присылал из экспедиций рисунки каменных баб, скифских наконечников стрел.

Все же в семье было не слишком ладно. Хорошо чувствовал себя Александр Николаевич только в шарьинской глуши. Одетый в затрапезный ватник, обутый в лапти, небритый, неделями бродил он по лесу, часто там же, почуя у костра, наблюдал за зверями и птицами, разговаривал с охотниками. Нервы успокаивались. Домой шли все более умиротворенные письма и посылки с рябчиками. Сотни желудков этих птичек вскрывались тут же, в Шарье, для пополнения дневниковых данных, а деликатесами лакомились жена и сын в далекой столице.

Но, живя в Киселеве, 10 октября 1940 г. отец жаловался И. М. Олигеру: «Очень туго стало мне и писать и рисовать, а отсюда и всякие грустные мысли о «пустоцвете». Ведь способностями меня бог не обидел, а сде-

Кисть винограда, расклеванная
полевыми воробьями.
Ашхабад, 1942 г.

лать я успел очень мало, сейчас же продуктивность очень быстро падает — значит, кривая пошла вниз». Ему не было еще сорока двух лет, а оставалось жить тридцать три года. Откуда же эти мрачные мысли, которые потом — в послевоенный период — укоренились, сказываясь буквально на всем? Напомню, что в этом самом возрасте умер Елпидифор Николаевич, заболел и уже не оправился Николай Елпидифорович. Видимо, что-то тут связано с наследственностью. Была и неврастения, рахимность человека, жившего в нелегкую эпоху и в нелегкой обстановке, но главное таилось где-то глубже.

В дни Великой Отечественной войны (1941—1945)

Весной 1941 г. Александр Николаевич охотился в Переяславском районе, на Нерли и Кубре, а в июне проводил практику студентов на Звенигородской биологической станции. Я жил вместе с отцом. Мне шел уже тринадцатый год, и я больше, чем раньше, общался с практикантами и преподавателями. Среди последних выделялся ученик отца Алексей Михайлович Сергеев (1912—1943).

Лето стояло прекрасное. Молодая компания жила весело и шумно. Помню в лицо и по именам многих студентов — бодрых, влюбленных, полных всяческих планов. Почти никого из них нет в живых. Все они пошли добровольцами на фронт, и мало кто вернулся с войны,

В воскресенье 22 июня мы с отцом поехали в Москву. Когда сели дома завтракать, радио передало речь Молотова. Началась война. Около строившегося Дворца Советов поднимались в небо сигарообразные дирижабли воздушного заграждения. Все это мне, мальчишке, было интересно, я тут же сочинил какие-то стишки и радостно прочел их родителям. Отец резко меня оборвал: случилось огромное несчастье, всех вокруг и нас в частности, ждут тяжелые испытания, шуточки здесь неуместны.

Летние планы, естественно, рухнули. События развивались быстро. Фашисты наступали. Их авиация совершила первые налеты на Москву. Бомбы попали в Наркомат обороны на улице Фрунзе и в Институт истории на Волхонке. У нас на Гоголевском бульваре вылетели все стекла. В июле я с матерью уехал в Актюбинск.

Александр Николаевич, которому была выдана броня от призыва, до октября оставался на месте. Каждый третий день он дежурил сутками как боец МПВО в здании биофака МГУ, а при налете должен был приходиться на свой пост и в любой другой день. Тогда он стал вести «Дневник москвича, МПВО», кажется впервые описывая не зверей и птиц, а людей и обстановку в городе «в его минуты роковые». Приведу запись от 10 августа: «Дежурил с вечера. Летучие мыши средней величины, штук 5—7, летали над садом во дворе МГУ и ловили ивовую волнянку, которая довольно сильно летит последние дни. Тихая и мирная картина, но как тревожно на сердце. И эта ясность вечера, яркий свет луны тоже раздражает... В 11 тревога. Зловец завывли сирены. Горопливый топот людей к бомбоубежищам., потом долгая напряженная тишина, настороженные взгляды на запад. В сумраке сначала далекие и безмолвные вспышки зенитных разрывов. Ближе, ближе. Вот уже начинается — слышится гул, бродят по небу бледные прозрачные пальцы прожекторов, огонь уже над нами, грохот, и среди этого грохота мирно, безмолвно катятся вниз августовские падающие звезды! Всю ночь сильный огонь, несколько раз гул 2—3 самолетов. Бросал осветительные ракеты где-то в районе Тверской, много ракет далее на северо-западе. Уже к полуночи целое кольцо пожаров по окраинам города; алый отблеск на облаках. Двенадцать, час, два — все нет конца налету. Кончился только к трем. Над городом дым, гнетущая тишина. Выходим на вышку. Чудесно, успокоительно бьют кремлевские часы».

Сводки ТАСС становились все тревожнее. Да и в университете приходили с фронта печальные вести: пали в боях первые молодые биологи — вчерашние студенты и аспиранты. «Пришла грустная весть о смерти в бою под Кандалакшей (9.VIII или 10?) Володи Модестова. Совсем недавно он защитил диссертацию. Вспомнил его статью о моем курсе, его фотографические успехи» (запись в дневнике от 19—20 сентября 1941 г.). Из Ленинграда сообщили, что набор книги «Снежный покров» рассыпан. Мысли приходили разные. После налета отец писал 11 августа В. П. Теплову: «Кто знает, может быть, в одну прекрасную ночь все мы смешаемся в прах вместе с битым кирпичом и известкой тех стен, среди которых мы выросли и не боимся умереть».

В победе отец не сомневался, с увлечением коллекционировал плакаты о войне, от корки до корки читал газеты. Но надо было найти свое место в великой битве. В «Зоологический журнал» была послана статья «Об использовании мяса некоторых диких млекопитающих и птиц как дополнительном источнике снабжения». В сентябре Александру Николаевичу предложили провести в той же связи работу по изучению водоплавающих птиц в низовьях Урала и в Прикаспии. Заехав к семье в Актюбинск, он уже 14 октября был в Гурьеве и приступил к исследованиям, пользуясь то верблюдами, то моторной лодкой. Нелегко было с питанием. Однажды лодка, наскочив на мель, получила пробоину и чуть не затонула. Но задание было выполнено.

Между тем вести из Москвы приходили одна другой хуже. Фашистские войска подошли к столице. 29 октября фугасная бомба попала в здание Московского университета. Разлетелся на куски памятник Ломоносову. В помещении Общества испытателей природы осколками выбиты взрывной волной стекла были начинены книги в библиотечных шкафах. Рухнувшая балка оглушила стоявшего на дежурстве отцовского ученика В. В. Груздева. Жизнь ему спасла только стальная каска. Было принято решение об эвакуации МГУ в Ашхабад.

Отцу пришлось догнать своих товарищей, не заезжая в Москву, не имея с собой запасов белья и одежды, никаких ценных для него вещей. «Остался с двумя ружьями, буркой и другим походным барахлом», — писал он В. П. Теплову из Ашхабада¹. Особенно угнетало то, что

¹ Письмо А. Н. Формозова В. П. Теплову от 2 марта 1942 г.

дома лежали все неопубликованные рукописи и дневники. Итоги тридцати лет жизни и работы могли пропасть в одну минуту. Вновь навестив семью в Актюбинске, Александр Николаевич отправился в Ташкент, а оттуда в Ашхабад.

Письмо к моей матери от 15 декабря 1941 г. помогает представить себе эту поездку: «Ехал сносно, но в общем устал очень. Вылез в Ташкенте усталый, но довольный тем, что приехал засветло, думал, что все успею сделать. Но не тут то было. Ташкентский вокзал страшен по своей загруженности народом и трудности попасть куда-либо в нужное место. 5 часов (это точно!) я простоял в очереди у камеры хранения багажа, а когда достоялся... то принимать уже не хотели, так как камера оказалась переполненной. С трудом уговорил... На площади то и дело шум, гвалт... Таская на себе свой спальный мешок, обошел 4 гостиницы, нигде ни койки, ни номера. Ехать на вокзал ночевать в адской каше людей просто не хотелось... По совету постового милиционера остался ночевать на улице, на скамейке у трамвайной остановки... Конечно, не спал и к утру сильно продрог... Поезд на Ашхабад уходит утром, в 8 ч. 55 м. Из-за переезда на трамвае, общей разбитости и усталости я действовал недостаточно энергично и сегодня (15.XII) уехать не смог. После этой неудачи и целого ряда дней с недосыпанием почувствовал себя совсем разбитым, плохо стало с сердцем. Зашел подхлестнуть его в вокзальную амбулаторию (дали ландышевых с валерьянкой). Разжалобил амбулаторного врача. Он дал мне бумажку в кассу, чтобы завтра я получил [билет] без очереди, и обещал дать в помощь санитаря, если мне самому не удастся пробиться. Мало того, когда я уже ушел, он сам отыскал меня на перроне и предложил сегодня переночевать у него, недалеко от вокзала. Должно быть, вид у меня действительно был плох».

17 декабря отец добрался до Ашхабада. Там все понемногу начало устраиваться: дали койку в общежитии, поставили на довольствие в столовой. В университете он получил должность заведующего кафедрой зоологии позвоночных. Лекций пока не было: студенты еще не приехали. Приглашали читать курс в Ашхабадском педагогическом институте. Нарком здравоохранения Туркмении рекомендовал А. Н. Формозову заняться проблемой переносчиков пендинки — бича местного населения.

Вскоре Александр Николаевич снял себе комнату в домике, принадлежавшем армянской семье, где были одни женщины. Он помогал им в уходе за садом, а они угощали его виноградом, восточными сладостями, приносили букеты роз. Уезжая из Ашхабада, отец записал 19 августа 1942 г. в дневнике: «Я мало знал армян раньше... Бабушка Ануш — умница, рассудительная, мудрая, работающая Ануш и ее внучка — хорошенькая школьница Аврора очень приблизили меня к пониманию этого народа».

Уже в декабре Александр Николаевич стал знакомиться с окрестностями Ашхабада. Район был для него новый. Больше всего заинтересовали в пустыне тонкопалые суслики. Наблюдения, связанные с ними, были позднее опубликованы. Вылазки в природу имели и практический смысл, нельзя забывать, что время было военное, трудное. 20 февраля 1942 г. отец писал моей матери: «Если бы не суслики (уже 22 штуки съел), горлинки и т. п., я не знаю, насколько отощал бы. Наша столовая дает только одну тарелку супа (обычно постного), один стакан чая с сахаром и один пирожок с изюмом или один крендель. Вот и все. За этим нужно идти примерно за 2 км от дома. Место работы в другой стороне, примерно в 4 км от дома. Итого в один день не менее 12 км пешком». От недоедания появились боли в желудке.

Надвигалась пора тяжелой жары. Будущее было в тумане. Вести приходили печальные. При отступлении из Подмосковья фашисты сожгли Звенигородскую биологическую станцию. В блокаду Ленинграда погибли многие знакомые из Зоологического института Академии наук. При эвакуации оттуда умер от истощения профессор Д. Н. Кашкаров — ведущий эколог, с которым Александр Николаевич тесно общался по работе. Продолжал эксперименты в блокадном городе больной А. Н. Промптов, незадолго до войны переведшийся в Павловский институт в Колтушах. Погиб на фронте Л. М. Шульпин. «Последние три дня живу под впечатлением известия о гибели Юрки Кафтановского... Давно ли я писал вам, что он стоит под с. Узким? С января он был в наступлении, а в ночь с 3 на 4 февраля убит в Смоленской области. Похоронен там же. Леша Сергеев и он — самые талантливые из моих учеников за все время работы в Вузах. И вот обоих уже нет. Он был очень скромный, очень милый и страшно способный. За что ни возьмется — все у него выходило превосходно. За его кандидатскую диссертацию

ученый совет тоже хотел присвоить ему докторскую степень. Мне его бесконечно жаль! Так много он бы мог сделать» (впоследствии диссертация Ю. М. Кафтановского «Чистиковые птицы Восточной Атлантики» была издана Московским обществом испытателей природы). И в том же письме: «Скучать некогда, но тоскливо иногда бывает очень. 90% времени я один. Часто разговариваю сам с собой. Очень часто мне теперь снится и просто видится наша природа: зеленые сочные лужайки и лужи воды (голубые и блестящие), и свежие березы качают на ветерке нежными живыми ветвями... За последний 21 год это первая весна, которую я встречаю среди совсем мне чужой природы»².

Приехали студенты. Начались лекции. Для преподавателей организовали курс всеобщего военного обучения. Маршировали, разбирали винтовки, бросали гранаты. Александр Николаевич регулярно совершал экскурсии в пустыню. Он увлекся богатейшей среднеазиатской археологией, разыскивал в песках кремневые орудия, образцы керамики. Приносил их университетским археологам — А. В. Арциховскому, М. В. Воеводскому, Б. Н. и О. А. Граковым — и подружился с ними.

4 мая 1942 г. с пятью спутниками А. Н. Формозов отправился в район Тахта-базара в экспедицию по изучению ресурсов реки Мургаб. В Ашхабад вернулись только 29 июня. 18 мая отец писал нам с матерью: «Ловлю рыбу и кое-что стреляю из винтовки. Двух-трех человек я бы кормил хорошо, но на 5 часто бывает в обрез. Все же здесь живем куда сытнее, чем в Ашхабаде. Работа идет успешно, но не быстро. Днем очень убивает жара. Встаем рано, до солнца, но все же день, удобный для работы, оказывается очень коротким. Из фауны видел кое-что интересное. Познакомился с индийским шпорцевым чибисом и белохвостой пеголицей, которых не видел никогда раньше».

Письмо от 1 июня: «...огромное — в несколько десятков километров длиной и до 4 км шириной — водохранилище я изъездил вдоль и поперек, обошел его берега. Последнее время выяснил места, удобные для установки наших сетей, и каждое утро вынимал по 20—40 рыб, преимущественно хромюли. Это длинная, как голавль, очень толстоспинная и очень жирная рыбина. Уха и жареха из

² Письмо А. Н. Формозова Л. Н. Формозовой от 18 марта 1942 г.

нее получают различные... Днем в тени — 35—38°, а земля на солнце нагревается до 50—55°, в песках еще больше. Босиком ходить нельзя, даже сквозь ботинки жжет. Несколько раз у меня было подобие теплового удара... Работа прошла успешно, но для себя сделал мало. Убил 2 филинов, набрал их погадок и остатков пищи, теперь знаю, на что они охотятся здесь, в пустыне. Кое-что сделал по грызунам, но больше все знакомство — и не очень приятное — с обитающими здесь гадами. На первом лагере нас одолевали только фаланги, каждый вечер приползало к пологам 5—6 огромных, волосатых и противных паукообразных тварей.. На второй же день нас в лагере посетила кобра. Я в это время был в степи и собирал кизяки для топлива. Ребята, мнящие себя знатоками рептилий, поймали змею, один наступил ей на хвост... вытащил ее за этот хвост и, считая за безвредного полоза, начал крутить в воздухе. К ужасу их крутимая змея раздула клобок — угрожающий признак кобры... В тот же день к вечеру в песках, в 1 км от лагеря, я заметил огромную гюрзу — персидскую гадюку, а у меня и кругом даже палочки не было. Гюрза заползла в короткую нору черепахи... Укус такой гадины тоже быстро отправляет на тот свет».

Когда участники экспедиции возвратились в Ашхабад, они услышали, что МГУ переводят в Свердловск. Уже в июне туда отбыл первый эшелон. Александр Николаевич решил перед устройством на зимовку в новом городе съездить в Москву, навести порядок в брошенных год назад делах, взять теплые вещи. Заехав к семье в Актюбинск, 11 сентября он после года скитаний вернулся в столицу. Летел самолетом и писал жене: «День был ясный, тихий и такая красавица была Волга, к которой мы приближались несколько раз, что от умиления и грусти мне хотелось плакать. Чудесны картины среднерусской природы при взгляде с высоты 100—200 м! Видел свои родные места, острова и берега Волги, где бродил мальчишкой, знакомые деревни, Артемьевские луга, где сотни раз бывал на охоте»³.

В университете отца встретили с радостью, и он нашел, что ему полный смысл остаться дома, читать лекции на биологическом факультете и использовать свободное время для подготовки ряда начатых до войны работ.

³ Письмо А. Н. Формозова Л. Н. Формозовой от 11 сентября 1942 г.

Декан факультета С. Д. Юдинцев это одобрил. Но в Свердловске поведение А. Н. Формозова было оценено иначе. Проректор ставил даже вопрос об отдаче «дезертира» под суд. Все обошлось благополучно, но жизнь в Москве не сулила ничего хорошего. Приближалась зима 1942/43 г. В доме не было ни воды, ни центрального отопления. Предстояло установить печку-«буржуйку», доставать и привозить дрова, носить воду и т. д. и т. п.

«Сегодня я был „лошадью“, — писал Александр Николаевич семье 29 января 1943 г. — Привез 0,25 м³ дров на салазках с дровяной базы, которая находится на 1 км дальше Девичьего монастыря. По скверной, разбитой машинами дороге я тянул этот воз через Девичку, Зубовскую площадь, Кропоткинскую и т. п. Вез 3 часа и... взмок насквозь. Очень устаю от таскания сырых бревен на 3 этаж, колок, пилок и т. п. Ведь это почти каждый день! К тому же очень мало помогает, так как иней появился у нас и в жилой комнате по всей наружной стене снизу. Правда, вода не замерзает и спать можно. Электричество выключают каждый вечер с 8 до 10; приходится усталому куда-то тащиться, так как ни спать с этой поры, ни сидеть в темноте нет охоты. Чаще хожу в Ленинскую библиотеку, но там закрывают в 9, и я должен ложиться в 9¹/₂ в полной тьме».

Студенты старались как-то облегчить жизнь своего профессора. Жившая по соседству, на Остоженке, Серафима Соломоновна Либерман приходила к нему пилить дрова, а он в другие дни помогал в этом ей. Для утепления Александр Николаевич поставил в комнате палатку и спал в ней. И все равно в холодный январь 1943 г. температура в доме была — 2, а после топки — только +10—12°.

Наконец зима прошла, но впереди были новые хлопоты. Москвичам разрешили завести индивидуальные огороды в окрестностях столицы. «Я член огородной комиссии по Звенигородскому участку. Группа в 35—40 человек обрабатывает там около 2 га земли под картошку»⁴. «Участок, который я получил в Останкине, нужно было расчистить и перенести с него куриный домик и т. п., а после этого перекопать, удобрить и посеять. Стояла большая жара, и я работал весь мокрый, часто возвращался домой с головной болью... Как только кончил ра-

⁴ Письмо А. Н. Формозова Л. Н. Формозовой от 21 апреля 1943 г.

Снежная навесь или кухта на еловом подросте

ботать в Останкине, началась посевная в Звенигороде. Уезжал туда на 5 дней. Порядок там установили такой: вставать в 6, выход на работу в 7, копать до 12, потом перерыв до 3 часов и опять копать до 8. Всего в день 10 часов работы лопатой или лопатой и граблями. После трех дней такого труда пальцы рук стали, как не свои. Устал очень; при общем моем плохом состоянии это очень отразилось на стрельбе. Вечерами я ходил на тягу, и, как нарочно, она была дивная. В один вечер я стрелял по 7 вальдшнепам и сбил только последнего, да и того не нашел. Такая отвратная стрельба у меня всегда верный признак того, что со мной неладно»⁵.

Нагрузка для немолодого и истощенного человека была явно непосильной. Все чаще возвращались к нему грустные мысли, возникшие еще до войны. Запись в дневнике от 16 ноября 1942 г.: «...читал первую лекцию по экологии. Что-то тускло получается. Устал, домой вернулся в каком-то отупелом и мрачном состоянии. Хорошо бы посидеть и позаняться какой-нибудь хорошей научной работой, но холодно в комнате, руки стынут... Да, наука нынче у меня, должно быть, не пойдет! Да и пойдет ли когда-нибудь в полную силу? Очень уж я выдохся. Возможно — навсегда». 9 октября 1942 г. он писал на фронт В. В. Груздеву: «У меня горы материалов, которые собраны за 20 лет работы, а опубликована, быть может, 1/30 или 1/50 часть! Иногда мне кажется, что старость и болезни настигнут меня раньше, чем я сумею осущест-

⁵ Письмо А. Н. Формозова Л. Н. Формозовой от 25 мая 1943 г.

вить все задуманное. В такие минуты начинаю думать, что родился пустоцветом, каких так много всегда было на Руси; способности хорошие и вроде работает что-то, а результаты очень мелковаты! Не хватает многим из нас настоящей деловитости, умения организовать свой труд...».

Но лекции шли. Александр Николаевич читал курсы «Биология млекопитающих», «Биология птиц», «Экология животных». Подрастала новая группа учеников — все больше женщины: М. Н. Керзина, Т. Б. Саблина, Н. И. Фомичева, Е. А. Шимбирева (Анчарова), Е. В. Карасева, Н. В. Тупикова, С. И. Краевская, Т. П. Поваляшина.

Мужчины были на фронте, и все чаще приходили сообщения о гибели того или иного ученика. «Несколько раз за последнее время у меня бывала и сидела подолгу мать студента Вадима Трегубова, убитого в августе прошлого года под Сталинградом. Отец его — инженер, мать — работник Детгиза (у нее сейчас переиздается «Спутник следопыта»). Сын был один, такой же увалень, как и наш. Мать так несчастна, так цепляется за все, что связано с памятью о сыне! Очень заботится о его товарищах по курсу и друзьям, расспрашивает меня, что и как бы он проходил у нас, если бы остался в живых. Я все время представляю на месте их двоих нас с тобой»⁶.

В эту зиму умерли старые университетские профессора — учитель отца Борис Михайлович Житков и Дмитрий Петрович Филатов.

Хороших вестей ждали только с фронта. Перелом в войне уже наступил. «Одна из моих бывших студенток — Ира Верхоустинская, известная тем, что ни одного экзамена не сдавала без нервов, слез и рыданий, получила недавно медаль «За отвагу» (всю зиму в момент решающих боев была на Тульском направлении). Должно быть, сильно перерождаются люди на фронте»⁷.

А вот радость настоящая: «Алексей Михайлович Сергеев после 16 месяцев полной безвестности оказался жив и здоров. Видимо, вышел из окружения. Он написал сюда из-под Воронежа (а пропал у Киева!). У нас все очень рады, а мы начали хлопоты о том, чтобы его, как доктора наук, вытащить сюда»⁸. Увы, после этого письма А. М. Сергеев снова замолк, теперь уже навсегда.

⁶ Письмо А. Н. Формозова Л. Н. Формозовой от 28 мая 1943 г.

⁷ Письмо А. Н. Формозова Л. Н. Формозовой от 8 августа 1942 г.

⁸ Письмо А. Н. Формозова Л. Н. Формозовой от 17 января 1943 г.

А пока до конца войны было еще далеко. Какие-либо планы на будущее никто не строил. Александра Николаевича поддерживало общение с молодежью, как и прежде льнувшей к нему. «Недавно моя пожарная команда устроивала вечер на дежурстве... За столом с одной его стороны сидели в ряд все мужчины: два моих пожарника (Юра и Рома) — один с перебитой рукой, другой дважды раненый — и гость, паразитолог Дубинин (сейчас военный), тоже с нашивками тяжелого ранения. Из четырех только я был целым, да и то по здоровью цена мне грош»⁹.

В такой обстановке всерьез заниматься научной работой было невозможно, но Александр Николаевич все же пытался что-то делать. Вскоре после возвращения в Москву, в ноябре 1942 г., он выступил в Обществе испытателей природы с докладом о своих наблюдениях в Туркмении. «Пришлось спешить, так как народ сейчас не любит долго задерживаться вечером (метро кончает работу в 10, а трамваи чем позже, тем реже идут). Трепал бойко (о лейшманиозах, экологии тонкопалого суслика и толстой песчанки, об вредности воробьев в Туркмении). Науки дал мало, но старался описать наиболее яркие моменты наиболее выпукло. Многим, кажется, понравилось. Может быть, я больше популяризатор, чем ученый?» (запись в дневнике от 26 ноября 1942 г.).

В годы войны установились особенно тесные взаимоотношения А. Н. Формозова с Наркоматом здравоохранения. Связи были и раньше, но в новых, фронтовых условиях проблема грызунов — носителей инфекций встала особенно остро. С осени 1941 г. из-за неурванного урожая зерновых на полях прифронтной полосы от Черного до Балтийского моря началось массовое размножение мышей, что дало в 1942 г. вспышку туляремии и в войсках и в городах. В Ростовской области переболело почти 100% населения. Разбираться в этом пришлось Военному совету фронта. Уже 20 января 1943 г. Александр Николаевич читал лекцию об экологии мышевидных грызунов на семинаре врачей по туляремии. Впоследствии из этой лекции выросла книга.

Напечатал в начале 40-х годов отец совсем мало, что и не удивительно. Не было издательских возможностей, не было сил писать. Вышли четыре статьи в «Зоологиче-

---

⁹ Письмо А. Н. Формозова Л. Н. Формозовой от 1 апреля 1943 г.

Команда МПВО № 1 МГУ в Зоологическом музее. А. Н. Формозов во втором ряду в центре. В первом ряду первый справа — Ю. Н. Куражковский, вернувшийся с фронта после ранения, третий — Б. М. Матвеев, пятый — Д. М. Вяжлинский. Зима 1942/43 г.

ском журнале», в том числе одна об экологии и сельскохозяйственном значении воробьев в Туркмении, и тезисы доклада о работе студентов-зоологов в природе.

В Ленинской библиотеке он, как и многие в дни войны, читал главным образом книги по русской истории. Он сделал много выписок из летописей, известий иностранцев о России и других источников, где упоминается о зверях и птицах, и подготовил статью о значении этих материалов для зоологии. Она осталась неопубликованной.

Несколько больше повезло отцу как популяризатору науки. В разгар войны, в 1943 г., Детгиз выпустил второе издание «Спутника следопыта». Оно названо «дополненным», но меньше первого, так как рядом кусков текста пришлось пожертвовать для сокращения объема. Издание было бедным, с мягкой обложкой, на плохой бумаге, но именно оно попало после войны за рубеж и именно с него сделаны два перевода — сербохорватский в 1949 г. и французский в 1953 г. Появлялись заметки А. Н. Формо-

зова и в «Писнерской правде», в «Науке и жизни». Детгиз заключил с ним договор на новую книгу, условно озаглавленную «От Мурмана до Каспия» или «Записки натуралиста».

Александр Николаевичу давно хотелось рассказать о том, как происходило становление его как ученого, о пути, пройденном от детских увлечений собиранием бабочек и птичьих яиц, рыбной ловлей, охотой и звероловством к составлению дневников наблюдений и исследовательской работе в природе. Он горячо взялся за дело, но, как у него все чаще бывало, не довел его до конца. Через десять лет он передал в альманах «Охотничьи просторы» один из подготовленных очерков — «В половодье», о весенней поездке на охоту под Нижним Новгородом вместе с братом Николаем Зарудина — Георгием. Из черновиков удалось извлечь два других практически готовых очерка — «Каждый год» и «В Дагестане». Они напечатаны в журналах уже после смерти автора. Я попробовал дать реконструкцию «Записок натуралиста» по черновикам и намеченным отцом для использования более ранним публикациям. Книга должна была состоять из двух частей. Первая — «Моя школа» — рассказ о детстве и юности в Нижнем, вторая — «От Мурмана до Каспия» — воспоминания о путешествиях. Были начаты очерки «На Нижнем Амуре», «У студеного моря» (о поездке 1929 г. на остров Харлов), «На Северном Каспии» (экспедиция 1934 г.), о западносибирских озерах (1931).

В какой-то мере повторилась ситуация 1923 г., когда писались «Шесть дней в лесах». Снова оторванность от природы и тоска по ней в холодном военном городе. Это дало рукописи нужный тон, подсказало серию превосходных лирических отступлений. Талант полуляризатора не изменил Александру Николаевичу, но завершить свою книгу он, к сожалению, не смог. Не увидела свет целиком и моя реконструкция.

Этот год был, пожалуй, одним из самых тяжелых в жизни А. Н. Формозова. С лета 1943 г. стало полегче. Июль, август и сентябрь 1943 г. отец провел со студентами Е. В. Карасевой, И. В. Зильберминц и С. И. Краевской в Астраханском заповеднике, в устье Волги. В конце года в Москву вернулась семья. В доме восстановили водопровод и отопление. В июне 1944 г. Александр Николаевич был со студентами М. Н. Керзиной и И. В. Зильберминц в Мордовском заповеднике, а осенью выезжал

в Подмоскowie, в район Бужанинова и Путятина, охотиться на зайцев и лис, которых под Москвой развелось несметное количество.

Университетская жизнь входила в обычное русло. Война шла к победному концу.

В Институте географии АН СССР (1945—1962)

Началось восстановление хозяйства страны после тяжелой четырехлетней войны. В этом процессе важная роль отводилась науке. Академия наук СССР все больше превращалась в головное учреждение, планирующее и обеспечивающее развитие разных отраслей знания. Недаром сразу же после победы торжественно праздновалось 220-летие Академии (один из гостей — крупнейший английский биолог, член Королевского общества Джулиан Хэксли специально отметил в «Британском союзнике», что «к несчастью, не имел возможности встретиться с лидером русских экологов профессором Формозовым и его помощниками, так как они были в экспедиции») ¹.

У ученых СССР впервые появились широкие возможности издания своих работ. Конец 40-х и 50-е годы были в этом отношении уникальным периодом. Тогда при желании удавалось публиковать практически все, в том числе написанное десятилетия назад и оставшееся в рукописях из-за отсутствия бумаги и типографий. Сейчас книг и журналов выходит, конечно, куда больше, но резко возросла и армия научных работников. На каждого из них приходится меньше печатных листов, чем в послевоенные годы. Как же сумел воспользоваться новой ситуацией Александр Николаевич?

Авторитет его среди биологов стоял высоко еще до войны. 11 ноября 1942 г. отец занес в свой дневник, что на заседании, посвященном четвертьвековому юбилею Октябрьской революции, нарком просвещения В. П. По-

---

¹ Британские ученые об успехах советской науки. Хэксли Джулиан С. о теории эволюции.— Британский союзник, 1945, № 28 (153), с. 11.

темкин упомянул в речи молодого талантливого профессора Формозова, много дающего практике. В том же месяце монография о снежном покрове была выдвинута на Государственную премию. Комитет по премиям рекомендовал ее к печати в издательстве «Советская наука». Увидела свет эта книга в 1946 г. в издании Московского общества испытателей природы. Со времени завершения рукописи прошло уже около десяти лет, и у автора накопилось немало новых наблюдений и соображений по теме. Но Александр Николаевич ограничился лишь мелкими поправками, пообещав вскоре выпустить второй труд по той же проблеме. Этот труд так и не был подготовлен.

Через год, тоже в издании МОИП, вышла другая монография — «Очерк экологии мышевидных грызунов — носителей туляремии». Написана она в конце войны по заданию медицинских учреждений. Н. И. Калабухов говорит о ней: «Эта книга, опубликованная в 1947 г., и теперь, через 30 лет, служит настольным руководством для биологов, изучающих эпизоотологию туляремии. С присутствующим Александру Николаевичу талантом тонкого наблюдателя в книге описаны образ жизни основных носителей туляремии — водяной крысы, обыкновенной полевки, домово́й мыши — и проанализированы особенности, определяющие их эпизоотологическое и эпидемиологическое значение в очагах разного типа»².

Этой работой была начата новая непериодическая серия МОИП «Материалы по грызунам». Все последующие выпуски ее представляли собой сборники статей. В третьем сборнике в 1948 г. помещена большая, размером с предшествующую книжку, статья А. Н. Формозова «Мелкие грызуны и насекомоядные Шарьинского района Костромской области за период 1930—1940 гг. (к вопросу о факторах, определяющих движение численности *Microstammalia* в северных лесах)». Это итоги исследований в Приветлужье. Александр Николаевич редактировал «Материалы по грызунам» вплоть до 1968 г., когда передал эти обязанности питомцу своей экологической школы — В. В. Кучеруку.

В 1948 г., снова по плану МОИП, выпущено третье издание «Шести дней в лесах». Вернуться к этому юношескому произведению советовали автору многие, в частности М. М. Пришвин. Отец не нашел в себе сил переписать

² Калабухов Н. И. Жизнь зоолога. М.: Изд-во МГУ, 1978, с. 100.

сать повесть заново. Он только убрал некоторые антиурбанистические мотивы, характерные для литературы 1920-х годов, сгладил конфликт мальчиков-охотников с деревенскими людьми, сделал названия глав более короткими и менее манерными. Старые иллюстрации были утеряны. Пришлось их перерисовывать, причем некоторые получились явно грубее, чем первоначальные. В 1951 г. в Варшаве напечатали перевод «Шести дней в лесах» на польский язык. Таковы основные публикации А. Н. Формозова 1946—1948 гг. Он использовал благоприятную ситуацию, но не слишком активно. Больших завершенных рукописей в его архиве не было. Были дневники, выписки, заготовки разного рода, но быстро написать по ним книги он не смог.

Если мы рассмотрим список его научных работ, то увидим, что за 1923—1942 гг. их вышло 71, а за 1944—1973 гг. — 110. И до и после войны примерно одинаково — три-четыре в год. Но среди послевоенных публикаций много того, чего не было раньше, — некрологи и статьи к юбилеям коллег (14), рецензии (5), хроникальные заметки о конференциях и конгрессах (8), тезисы докладов, коллективные работы. Солидные монографии, которых все ждали от А. Н. Формозова, не вышли из стадии сбора материалов. А он думал о них, включал в планы академического сектора, порой набрасывал куски текста к «Миграциям млекопитающих», к «Кустанайским озерам», «Запасам у млекопитающих», к «Орнитологии»... Что же ему помешало?

Я уже говорил, что мрачные мысли, посещавшие Александра Николаевича перед войной, были неслучайны. В близком возрасте — около сорока лет — пережил слом и его отец. Тяготы военного времени — недоедание, ашхабадская жара, таскание дров, огороды и т. п. — подорвали его здоровье. 30 мая 1946 г. Александр Николаевич писал Ч. Элтону в Англию: «Война принесла нам груз тяжелых испытаний. Я потерял многих моих друзей и учеников, и сам я серьезно болен и едва ли могу надеяться, что смогу работать, как прежде»³. В том же году он признавался Е. Н. Тепловой: «Редко бываю в бодром и жизнерадостном настроении (чаще в поездках или после них)... Прежде, бывало, удачный доклад или появление

---

³ *Насимович А. А.* Памяти Александра Николаевича Формозова. — Бюл. МОИП, 1975, т. LXXX, № 1, с. 17.

статьи из печати действовали, как живая вода, теперь же только длительное пребывание в тиши и на лоне природы»⁴.

В 1949 г. мои родители оформили развод и разъехались. Александр Николаевич женился на своей ученице Варваре Ивановне Осмоловской. Родились дети: в 1950 г. — Елизавета, в 1955 г. — Николай. Названы они в честь деда и бабушки. Оба стали биологами и в этом отношении радовали отца. Он любил их, не жалея времени гулял с ними, играл, читал книжки, но на шестом десятке растить маленьких детей было, конечно, нелегко. В 1949—1961 гг. жили Формозовы в Кривоникольском переулке, как и до того в густонаселенной коммунальной квартире.

В конце войны директор Института географии Академии наук СССР академик Андрей Александрович Григорьев (1883—1968) предложил А. Н. Формозову организовать там отдел биогеографии. Поскольку проект переезда из Ленинграда в Москву Зоологического института отпал, а других близких по профилю академических учреждений в столице тогда не было, Александр Николаевич принял это предложение. С 16 марта 1945 г. он заведовал отделом в Институте географии, но до конца 1948 г. основной его работой оставался университет.

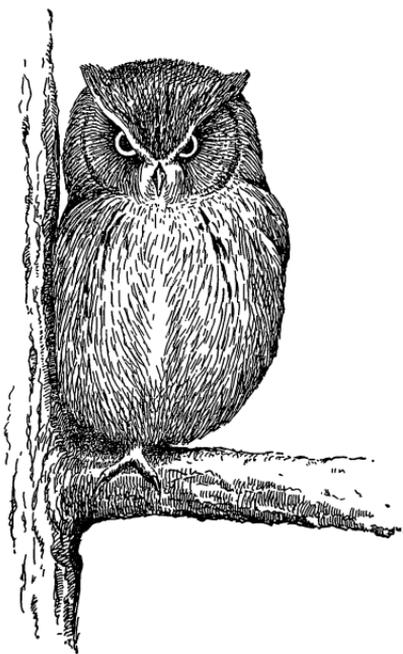
Полевые исследования в 40-х годах у отца были связаны со степной и пустынной полосой Евразии — с Казахстаном, Средней Азией, Нижним Поволжьем, Северным Предкавказьем — и продолжали темы предвоенных и военных лет. Но разрабатывались и новые вопросы, порожденные планами преобразования природы СССР, осуществлявшимися в колоссальных масштабах с середины 40-х годов. В степях создавались лесозащитные полосы. Надо было выяснить, как это отразится на животном мире. При кабинетном планировании некоторые факторы не учитывались. У лесозащитных полос скапливались грызуны и быстро поедали высаженные желуди. Усилилась из-за такой концентрации грызунов и возможность возникновения эпизоотий. Все это надо было исследовать, продумать, дать рекомендации на будущее.

Летние сезоны 1945 и 1946 гг. А. Н. Формозов провел в Наурзумском заповеднике. С ним была новая плеяда его университетских учеников: А. М. Чельцов-Бебутов, Р. П. Зимина, Л. П. Никифоров, К. С. Ходашова, Л. С. Во-

---

⁴ Письмо А. Н. Формозова Е. Н. Тепловой от 18 февраля 1946 г.

роина, Ю. Н. Куражковский, Л. А. Гибет, Г. Е. Королькова, С. А. Красова. В 1947 г., в январе, отец ездил в Ставропольский край, а летом — в Казахстан по маршруту Приаральские Каракумы — Иргиз — Тургай — Кустанай. Его спутниками были К. С. Ходашова и В. И. Осмоловская. Зимой 1948 г. (со 2 января по 16 февраля) Александр Николаевич побывал в Средней Азии — в Ашхабаде, Каракумах, Копет-Даге, изучал лис, джейранов, зайцев-толаев, саксаульную сойку. Летом того же года (с 28 мая по 22 августа) был совершен большой маршрут по Казахстану: от Байгакумов к Джусалы — реке Сарысу — хребту Каратау — Атбасару — Акмолинску. Участниками экспедиции были Л. Г. Динесман, К. С. Ходашова, Б. Е. Карулин, В. В. Груздев, А. М. Чельцов.

Совка-сплюшка на дневном отдыхе

Как и прежде, отец не мог жить без общения со среднерусской природой. В Шарьинские края ездить уже не имело смысла: леса там были изрядно повyrублены. На весеннюю охоту Александр Николаевич выбирался в район Бужанинова (апрель-май 1945 г.), для наблюдений в зимнем и весеннем лесу — в Дарвиновский (январь 1946 г.) и Воронежский (1948) заповедники. В 1946 г. он впервые отправился на охоту в Вологодскую область.

4 ноября 1947 г. А. Н. Формозов выступил с докладом «Наблюдения за внутривидовой борьбой у позвоночных» на заседании ученого совета биологического факультета МГУ по проблеме внутривидовой борьбы, состоявшемся в переполненной слушателями самой большой аудитории университета — Коммунистической.

Заседание, где прочли доклады также И. И. Шмальгаузен, Д. А. Сабинин и высказались в прениях, солидаризуясь с докладчиками, другие профессора, было связа-

но с попыткой Т. Д. Лысенко отбросить понятие о внутривидовой борьбе — одно из основных положений дарвинизма.

В 1947 г. университет издал сборник «Внутривидовая борьба у животных и растений» с тремя докладами — серьезный противовес антинаучным взглядам.

Через год ситуация изменилась, и Александр Николаевич решил расстаться с МГУ. 4 ноября 1948 г. он перешел на основную работу в Институт географии, а в университете остался на полставки⁵.

Перед началом следующего учебного года А. Н. Формозов подал в деканат биофака заявление об уходе, но оно удовлетворено не было. Отец вел свои прежние курсы. Академия давала деньги на экспедиции, но работать стало труднее. Осложнилось положение с заповедниками, началось сокращение их сети. А. Н. Формозов и еще ряд ученых обратились за поддержкой к И. Д. Папанину. Тот попросил вмешаться К. Е. Ворошилова. 15 октября 1950 г. Александр Николаевич информировал В. П. Теплова: «Среди лета... была сильная атака на все устои заповедного дела. Я принимал участие в тушении этого „пожара“ в команде Академии наук, которую удалось вызвать на помощь. Есть кое-какой урон, но есть и достижения».

Все эти события произвели на отца огромное впечатление. Главное заключалось, конечно, не в потере мест в ученых советах и редколлегиях. Мне кажется, что в Александре Николаевиче жила вера в силу фактов, в силу слова. Ему казалось, что всегда можно кому-то что-то доказать, объяснить.

Итак, с конца 1948 г. основным местом работы А. Н. Формозова стал Институт географии АН СССР. Этот научный коллектив не был для него чужим. А. А. Григорьев его очень ценил. Среди рядовых сотрудников — специалистов по физической географии Александр Николаевич нашел ряд близких себе по духу и интересам людей. Это были Гавриил Дмитриевич Рихтер, занимавшийся снежным покровом, Эдуард Макарович Мурзаев — известный исследователь Монголии и Средней Азии,

---

⁵ Подробнее см. *Насимович А. А.* Памяти Александра Николаевича Формозова, с. 15; *Матекин П. В.* К истории развития Биологического факультета МГУ. — Вестник Московского университета, сер. 16 — биология, 1979, № 4, с. 16, 17.

Давид Львович Арманд (1905—1976), часто выступавший по вопросам связанным с охраной природы, и некоторые другие. В отделе биогеографии заведующий собрал и опытных зоологов — своих сверстников, и более молодых, учившихся некогда у него в университете. Это были Андрей Александрович Насимович, с которым отец работал еще в Институте птицепромышленности, и Сергей Васильевич Кириков, когда-то проходивший у него аспирантскую подготовку в Балашихе, Юрий Андреевич Исаков — выпускник кафедры зоологии позвоночных МГУ довоенных лет и только что окончившие ее Римма Петровна Зимина и Кира Семеновна Ходашова. Вошли в отдел и климатологи и ботаники из старого состава института. Постепенно вливались туда и совсем юные питомцы биофака МГУ.

Одной из задач института было издание сводок по географии определенных регионов нашей страны. Во всех этих книгах есть и разделы о фауне. Составлять их приходилось Александру Николаевичу. Первые два больших очерка — для книг о Москве и Подмосковье (1947) и о Казахстане (1950) — писались легко и с увлечением. Оба района он хорошо знал, можно было широко привлекать собственные наблюдения, любопытно было попробовать свои силы в новом жанре. Раздел о фауне Подмосковья академик Л. С. Берг назвал «великолепным» и читающимся «с неослабевающим интересом»⁶. Очерк о Казахстане перерос рамки статьи и представлял собой в сущности самостоятельную монографию. Для печати из нее пришлось сделать некую выжимку, полный же текст остался неопубликованным.

Александр Николаевич написал разделы о фауне еще для пяти книг — о Коми-Пермяцком национальном округе, Каракумах, Поволжье, Средней Азии, Западной Сибири. С годами эта работа стала тяготить его. В таких обзорах неминуемо надо было говорить и о животных, которых автор никогда специально не изучал, — о рыбах, рептилиях, насекомых, становиться на путь компиляции, перерывать массу литературы и все-таки не чувствовать удовлетворения от сделанного. Поэтому А. Н. Формозов сначала подключил к составлению обзоров помощников из своего сектора — Р. П. Зимину (для «Средней Азии»)

⁶ Берг Л. С. Природа Москвы и Подмосковья (рец.). — Вестн. АН СССР, 1948, № 6, с. 125.

и Ю. А. Исакова (для «Западной Сибири»), а потом совсем отказался от участия в подобных изданиях.

Для выпущенных Институтом географии сводок предназначено еще ряд обзоров: «Современные вопросы зоогеографии и их практическое значение», «Зоогеография суши» и «Стационарные физико-географические исследования» (эти два — для сборника «Советская география. Итоги и задачи», вскоре переведенного в США), «Наземные охотничье-промысловые животные» (для сборника «Природные ресурсы Советского Союза, их использование и воспроизводство»). В 1951 г. опубликована «Зоогеографическая карта СССР» (масштаб 1 : 4 000 000) — учебное пособие для вузов.

Работая в эти годы в поле, главным образом на Юге европейской части СССР, Александр Николаевич напечатал серию статей о фауне этой области в связи с актуальной тогда проблемой лесопосадок (в октябре 1946 г. было принято решение о создании лесозащитных полос в степной зоне страны). Это: «Роль фауны в степном лесонасаждении», «Роль лесных полезащитных полос в жизни дичи степных районов Европейской части СССР», «Лесные защитные полосы как экологические желоба расселения животных». Наиболее значительное исследование из этого цикла — «Изменения природных условий степного юга Европейской части СССР за последние сто лет и некоторые черты современной фауны степей». Обобщенный здесь материал собирался не один год, много тут и свежих оригинальных наблюдений, но автор считал статью не вполне удачной, поскольку готовить ее пришлось чересчур спешно.

Разрабатывались и вопросы, намеченные в довоенные годы. Несколько статей посвящено любимой «снежной» теме: «О значении структуры снежного покрова в экологии и географии млекопитающих и птиц», «Снежный покров Северной Евразии и его значение в экологии распространения млекопитающих и птиц», «Изучение экологии млекопитающих в условиях снежных и морозных зим севера Евразии», «Снежный покров и куриные птицы». Особенно важна первая статья: в ней выдвинут новый аспект занимавшей автора проблемы. На сей раз внимание заостряется не на том, насколько мощны отложения снега, а на его структуре и влиянии ее на животных, например на подснежную жизнь мелких грызунов и землероек.

Мохноногий тушканчик закапывается на дневной отдых

Не была забыта и вторая старая тема: роль грызунов в формировании земной поверхности. Она рассматривается в статьях «Влияние грызунов на растительность пастбищ и сенокосов глинистых полупустынь междуречья Волга — Урал», «Некоторые адаптации тонкопалого суслика и тушканчика к жизни в пустыне», «Влияние деятельности животных на формирование земной поверхности и почвообразование», в совместном с К. С. Ходашовой докладе на ту же тему на конгрессе в Варшаве. Назову и такие публикации, как «Белка и охота на нее», «Практические итоги акклиматизации ондатры в СССР и некоторые задачи географии, связанные с перспективами ондатроводства».

Широкие проблемы экологии затрагиваются в докладах «Биологические формы животных в аридных и полупустынных областях Средней и Центральной Азии», «Адаптивные черты поведения млекопитающих европейских степей», «Конвергенция у наземных позвоночных животных и географическая среда», написанных для международных конгрессов.

Заметный вклад внес Александр Николаевич и в орнитологию. В 1950 г. МОИП выпустило книгу А. Н. Формозова, В. И. Осмоловской и К. Н. Благосклонова «Птицы и вредители леса. Значение птиц в регулировании численности вредных насекомых леса и лесных посадок». В 1957 г. эта книга вышла в переводе на словацкий язык в Бра-

тиславе. Отцу принадлежат разделы «О некоторых чертах биологии птиц в связи с вопросами охраны от вредителей лесов и лесонасаждений» и «Очерк экологии некоторых полезных птиц леса» (совместно с В. И. Осмоловской). Позже напечатан еще ряд статей и заметок по орнитологии: «О гнездовании некоторых лесных птиц в Подмоскowie», «О причинах нерегулярных осенних перелетов синиц-московок», «О сигнальных пятнах оперения птиц и особенностях строения рулевых перьев вальдшнепа», «Зональные изменения численности мелких воробьиных птиц равнин Казахстана», «Взаимоотношения птиц на гнездовье».

Александр Николаевич любил и умел работать один, но он всегда старался дать направление целой группе зоологов с тем, чтобы из их наблюдений складывалась общая картина. Этой цели служили конференции, проводившиеся биологами из Института географии. В 1951 г. состоялась конференция «Методы учета численности и географического распространения наземных позвоночных». Материалы ее изданы в 1952 г. под редакцией и с предисловием А. Н. Формозова. Принципы таких исследований, а частично и их результаты изложены в статьях «Количественный метод в зоогеографии наземных позвоночных животных и задачи преобразования природы в СССР», «Методы учета численности и географического распространения дневных и ночных хищных птиц», «Учет численности воробьиных, дятловых и ракшеобразных птиц», в позднейшем докладе к симпозиуму 1969 г. в Рио-де-Жанейро, написанном совместно с В. Е. Соколовым.

Итоги второй конференции подведены в сборнике 1959 г. «География населения наземных животных и методы его изучения». В нем напечатаны предисловие А. Н. Формозова и его статья «О движении и колебании границ распространения млекопитающих и птиц».

На третьей конференции «Организация и методы учета ресурсов фауны наземных позвоночных» в 1961 г. Александр Николаевич сделал доклад «О координации работ по изучению географии животных ресурсов СССР».

В дальнейшем прошло еще несколько конференций («Ресурсы фауны промысловых зверей в СССР и их учет» в 1963 г. и др.). Темы для них предложены А. Н. Формозовым. Он выступал там и с докладами, и в

прениях, но постепенно его участие и в этом деле становилось менее активным.

Таким образом, тематика работ отца в конце 40-х — начале 60-х годов была весьма разнообразна, хотя и не выходила за пределы его интересов прошлых лет. К перечисленным выше статьям надо добавить и такие его очерки, как «Равнинность Западной Сибири и связанные с ней особенности животного мира», «Экология важнейших видов субарктической фауны». Наконец, надо сказать об учебнике, опубликованном в 1963 г. с таким титулом: «И. И. Барабаш-Никифоров и А. Н. Формозов. Териология. Под редакцией А. Н. Формозова». Подготовить к печати свой курс по зоологии позвоночных отец собирался давно, но времени для этого не находилось. Профессор Воронежского университета Илья Ильич Барабаш-Никифоров заключил с издательством «Высшая школа» договор о составлении учебника «Териология» объемом 25 печатных листов. Сданная им рукопись требовала солидной доработки, Александру Николаевичу предложили дописать ряд разделов, дополнить и исправить другие. Он взялся за это дело и посвятил ему часть 1960 г. Книга была принята как учебное пособие для университетов СССР и получила неплохие отзывы в печати и у нас, и за рубежом. Академик С. С. Шварц назвал выход «Териологии» «крупным событием как в нашей, так и в мировой научной и научно-методической литературе»⁷. Но отец был не удовлетворен работой и отказался от ее переиздания.

Продолжалась в 50-х — начале 60-х годов деятельность А. Н. Формозова и в области популяризации науки. В 1952 г. МОИП выпустило самый полный вариант «Спутника следопыта» (360 страниц), приближающийся уже к научному труду. В 1959 г. в Детгизе вышло четвертое издание «Спутника», более облегченное. Оно стереотипически повторено в 1974 г., после смерти автора. В 1958 г. напечатана брошюра «Как человек изменяет природу». В ней поднят важный и в ту пору далеко не ясный для большинства читателей вопрос об охране окружающей среды.

---

⁷ В списке рецензий на публикации А. Н. Формозова в Бюллетене МОИП (1975, т. LXXX, № 1) не учтены рецензии на учебник «Териология» Шварца С. С. (Бюл. МОИП, 1964, т. LXIX, № 5, с. 145—149, приведенная цитата со с. 149) и *Pruitt W.* (Journal of Mammalogy, 1964, vol. 45, N 1, с. 156—157).

Возродившийся после войны «Юный натуралист» получил несвойственный ему прежде сельскохозяйственный уклон, и отец дал туда лишь одну заметку о грачах — «Враг или друг?». Больше его статей в других изданиях — в «Природе», в «Охотничьих просторах» (и там и тут он был членом редколлегий), в «Охоте и охотничьем хозяйстве». Есть публикации в «Неделе», в «Вокруг света», в «Науке и жизни», в «Детской энциклопедии». Выделю среди них очерк «О значении охоты в развитии отечественного естествознания и географии», рассказы «Половодье на Волге» и «На вольном воздухе». В 1952 г. Александр Николаевич был научным консультантом фильма В. и Е. Алексеевых «Повесть об охоте» по сценарию Г. Д. Мдивани.

Возглавлявший редколлегию «Охотничьих просторов» старый знакомый Н. П. Смирнов так описывает внешность отца в этот период: «Годы, естественно, наложили свой груз и на Александра Николаевича: волосы осыпал иней, глаза, которые он так хитро прищуривал, несколько потускнели, лицо отяжелело и посеклось морщинами, плечи как будто еще больше раздались и во всей фигуре появилось нечто традиционно профессорское, грузное, не стеснявшее, однако, охотничьей легкости движений. И по-прежнему как только разговор касался охоты, юности, Нижнего... Александр Николаевич неизменно оживлялся, глаза его светлели, голос обретал силу и твердость, а на губах появлялась все та же полудетская улыбка — отблеск душевной детскости, пронесенной сквозь все перевалы жизни»⁸.

В конце 40-х — 50-х годах не оставлял А. Н. Формозов и полевую работу. В июне-июле 1949 г. он ездил вместе с Л. Г. Динесманом и Б. Е. Карулиным по полевозащитным полосам по маршруту Арчеда — Баскунчак — Богдинская опытная станция — Сталинград — Ергени — Ставрополь — Божиган — Астрахань, а в октябре — в район Камышина и в Сталинградскую область. В 1950 г. в июне-июле вдвоем с Л. Г. Динесманом он побывал на Ергенях, на лесопосадках Нижнего Поволжья (маршрут Аршмань—Зельмень—Камышин), в сентябре-октябре 1951 г. с Б. А. Головым, Р. В. Хесиным и А. Н. Солдаковой изучал Волго-Уральское междуречье и Северный

---

⁸ Смирнов Ник. Александр Формозов — писатель и художник. — Охота и охотничье хозяйство, 1976, № 1, с. 36.

Хохлатая чернеть

Прикаспий (маршрут Джаныбек — Уральск — Гурьев — Ганюшкино — Баскунчак — Джаныбек). После перерыва в несколько лет отец вернулся к исследованиям в Казахстане, посетив в мае-июне 1957 г. район Тургая и Кустаная.

С подготовкой очерков о фауне Средней Азии и Западной Сибири для изданий Института географии связаны поездки в августе-сентябре 1950 г. в Киргизию, в отроги Терской-Алатау, и в июле — сентябре 1955 г. в устье Оби и на полуостров Ямал.

В «Трудах Института географии» под редакцией А. Н. Формозова изданы два сборника «Материалы по биогеографии СССР», посвященные результатам полевых исследований его отдела в 40—50-х годах. В первом сборнике он напечатал статьи «Краткий очерк маршрутов и условий работы биогеографических экспедиций 1947—1948 годов», «Численность некоторых ландшафтных животных Центрального Казахстана по данным анализа добычи, выловленной хищными птицами» и «О фауне слеп-

ней Центрального Казахстана». Последняя публикация, совместная с Н. Г. Олсуфьевым, отражает широту интересов Александра Николаевича. Занимаясь преимущественно млекопитающими и птицами, он всю жизнь по мере возможности собирал материалы о фауне изучаемого района в целом. Коллекции клопов он посылал А. Н. Кириченко, а блох — И. Г. Иоффу. Коллекция слепней, по определению специалиста-энтомолога, оказалась важной для понимания животного мира Казахстана вообще.

Во втором сборнике — три статьи отца: «Распространение и некоторые черты экологии сайги в западной части Прикаспийской низменности», «О питании пролетных и кочующих птиц в лесных посадках степной полосы» и «О питании золотистой щурки Нижнего Поволжья и Юго-Восточного Предкавказья» (тридцать лет прошло с тех пор, как эта птица привлекла внимание красноармейца Формозова, шедшего в плен под конвоем белоказаков).

Полевые работы в Казахстане и в степях европейской части СССР дали материал и для таких статей, как «Орнитофауна водоемов восточной части Наурзумского заповедника по наблюдениям 1945 г.», «К экологии лисицы степной и пустынной зоны СССР», «Степные озера и водоплавающие птицы Юго-Западной Сибири и Северного Казахстана».

Как и в молодые годы, не мог жить отец без средне-русских лесов. Из Москвы на воскресенья и другие свободные дни он чаще всего ездил по Ярославской железной дороге до станции Софрино, откуда совершал более или менее длительные пешие экскурсии. В 1950 и 1952 гг. навещал он и свои любимые Шарьинские края. Там многое изменилось, леса сильно повырубили. 1 ноября 1952 г. Александр Николаевич писал В. И. Осмоловской из Киселева: «Тишина и покой здесь замечательные и можно хорошо отдыхать. Но мне теперь не так покойно, как прежде. Беспокойство — оно в основном внутри, его возишь с собой».

Январь 1957 г. отец провел в Воронежском заповеднике, где изучал лис, полевок, сов. Для весенней и осенней охоты были избраны окрестности станции Пундуга за Вологдой. Туда выбирались в 1950, 1955 (и весной и осенью), 1956—1958, 1960, 1961 (оба года дважды), 1962 и 1963 гг.

К этим обычным для жизни зоолога вылазкам в

природу добавились с 1956 г. путешествия за рубеж. Самое первое было и самым длительным (более двух месяцев), и самым увлекательным. В 1956 г. в Рио-де-Жанейро должен был состояться XVIII Международный географический конгресс. В нем впервые после 22-летнего перерыва приняла участие советская делегация из одиннадцати человек. А. Н. Формозову был поручен доклад «Биологические формы животных в аридных и полуаридных областях Средней и Центральной Азии». С трудом удалось изложить столь сложную тему на двенадцати страницах.

14 июля 1956 г. второй раз в жизни отец пересек границу СССР. Перед глазами разворачивались абсолютно незнакомые экзотические картины. Самолет делал посадки в Стокгольме и Осло. Три дня провели в Лондоне, побывали там в Географическом обществе, в Музее естественной истории, поклонились праху Дарвина, Ляйеля, Уоллеса в Вестминстерском аббатстве. И опять в воздухе. Посадки в Амстердаме, Женеве, Лиссабоне, Дакаре, Ресифе (Пернамбуко). 19 августа пересекли экватор. Пусть и на несколько минут, но окунулись во влажный мрак африканской ночи. 30 тысяч километров в пути за 36 летних часов, и вот Рио-де-Жанейро, встречает группа друзей Советского Союза во главе с Жоржи Амаду. Ситуация была непростой. Дипломатические отношения между СССР и Бразилией тогда еще не были восстановлены. На улицах к приезду нашей делегации расклеили антисоветские плакаты. Надо было преодолеть инерцию периода «холодной войны», налаживать нарушенные международные контакты на долгие годы вперед.

Перед конгрессом совершили экскурсию по внутренней части Бразильского нагорья и низменности Парагвая, большое кольцо по стране с заездами в Боливию и Парагвай (Рио-де-Жанейро — Гояния — Анаполис — Серис — Куяба — Корумба — Кампу-Гранди — Понта-Поран Фоз-до-Угуасу — Рио-де-Жанейро), то на самолете, то на автобусах, то на поезде, то на мониторе. Однодневные выезды из Рио-де-Жанейро Александр Николаевич смог предпринять 12 августа, в горно-лесную полосу приморья у города Петрополис, и 19 августа, на юго-запад от столицы, в район Тажуко и города Корковадо. Путешественников окружал совершенно незнакомый мир: тропические цветы, которые почему-то не пахнут, ярко окрашен-

ные крошечные, размером с пчелу, колибри, иволги-жанимы, туканы, грифы, страусы-нанду, тысячи попугаев. Из зверей видели пеккари, оленей, муравьедов, броненосцев, обезьян. Александр Николаевич коллекционировал насекомых. В университете Гоянии он договорился об обмене коллекциями с Московским университетом и, с разрешения губернатора штата Гояс, получил ценное собрание тушек и шкур животных. На одной ферме отцу подарили шкуру кустарникового волка. Плоховыделанная, она издавала неприятный запах, и другие делегаты советовали ее выбросить, но зоолог не внял этому и привез ее в Москву.

С 9 по 18 августа в столице Бразилии проходил конгресс. А. Н. Формозов сделал доклад на французском языке. Принят он был хорошо, как и остальные восемь докладов советских ученых.

23 августа началась новая экскурсия — по Амазонке. Сначала прилетели в ее верховья — в город Манаус, потом — в среднее течение и из города Сантарен на пароходе «Пименто Буэно» поплыли вниз, с остановками у интересных в том или ином отношении мест. Поездка продолжалась три недели. На этот раз Александр Николаевич достал в Рио-де-Жанейро мелкокалиберное ружье и стрелял птиц для коллекции. По пути случилась неприятность. Отец поймал на удочку летучую мышь, и она ухитрилась его укусить, когда ее снимали с крючка. В Южной Америке эти зверьки разносят бешенство. Пришлось делать прививки до завершения экскурсии, но все окончилось благополучно.

Доплыв 13 сентября до города Белен в устье Амазонки, наши участники конгресса вернулись на самолете в Рио-де-Жанейро и 15-го вылетели на родину. Два дня провели в Париже, и 20 сентября приземлились на московском аэродроме.

Александр Николаевич познакомился со многими интересными учеными — и бразильскими и из других стран, привез коллекцию из 125 видов птиц и 12—15 видов зверей. Об этой поездке он собирался написать книжку наподобие популярной «По Монголии», но так за нее и не взялся. Представление о путешествии дает книга другого ее участника — академика С. В. Калесника⁹.

---

⁹ *Калесник С. В.* По Бразилии. М.: Географгиз, 1958.

Позже были еще выезды за рубеж, на конференции и симпозиумы: летом 1958 г. — в Хельсинки на XII Международный орнитологический конгресс (с докладом об урожайных семенах и связанных с этим инвазиях птиц), в 1959 г. — в ГДР на юбилей А. Гумбольдта, в 1960 г. в июне — в Варшаву и Краков на конгресс международной ассоциации по охране природы и природных ресурсов (с докладом о колониях грызунов и евразийских степях и о влиянии этих колоний на почву и растительность), в сентябре — в Брно на териологический симпозиум (с докладом об изучении экологии млекопитающих в условиях снежных и морозных зим).

Не во всех конгрессах Александру Николаевичу по разным причинам приходилось участвовать, но его доклады вызывали интерес и там, где не было его лично. Доклад об адаптивных чертах поведения млекопитающих степей Евразии, подготовленный им для XVI Международного зоологического конгресса в Вашингтоне, был напечатан в Америке. По словам А. Г. Воронова, зачитавшего один из докладов в Англии, послушать его пришли многие, «в том числе известный энтомолог, возглавлявший в Лондоне Противосаранчиковый центр, престарелый Уваров. Тема — жизненные формы обитателей аридных регионов. Интерес был столь велик, что докладывающий не смог его удовлетворить и вынужден был ответить на ливень вопросов возгласом „Но это ведь не мой доклад“, после чего под улыбки собравшихся вопросы прекратились» (из отзыва о рукописи этой книги).

Последняя поездка — в августе 1967 г. на VIII Международный конгресс по изучению биологии охотничье-промысловых животных в Хельсинки — прошла неудачно. Перед самым выступлением Александр Николаевич почувствовал себя плохо. Это был сильный гипертонический криз. Доклад не состоялся. Больше за границу отец не выезжал. Но нарушенные в 40-х годах контакты с зарубежными биологами восстановились. К Формозову со всех концов света шли десятки писем, книг, оттисков, запросов, приглашений. В 1956—1970 гг. он напечатал серию статей в Париже и Рио-де-Жанейро, в Стокгольме и Хельсинки, в Нью-Йорке и Балтиморе, в Варшаве и Кракове, в Праге и Брно. В те же годы в канадском городе Эдмонтоне Бореальным институтом университета Алаберты был издан на английском языке «Снежный покров» — впервые в 1964 г. и в 1969 г. вторично. Книга

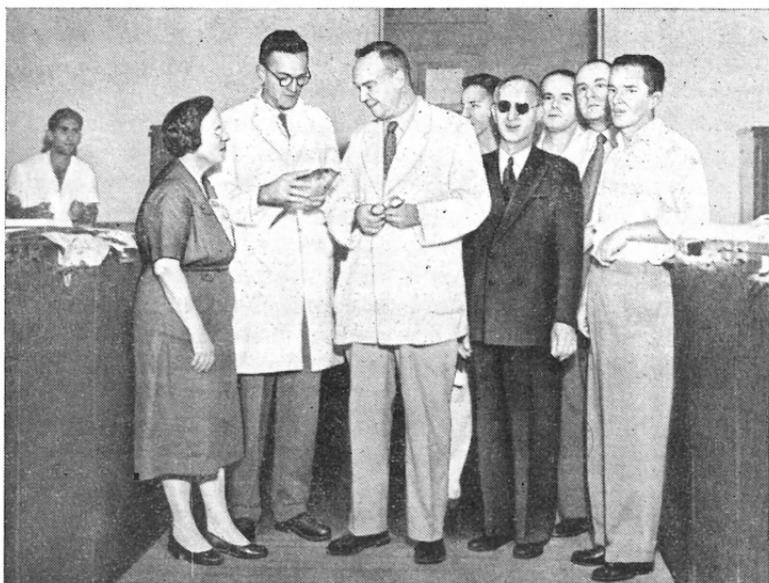
была высоко оценена американскими и канадскими полевыми зоологами. Английский академик Ч. Элтон назвал ее «классическим трудом».

В архиве Александра Николаевича сохранились письма таких известных ученых, как американец Ли Р. Дайс, французы Жан Дорст и Пьер Пфеффер, но особенно тесно общался он с Уильямом Пруиттом, регулярно информировавшим коллегу о своих экспедициях, бывавшим у него в Москве. Этот американец, уехавший работать в Канаду, выучил русский язык, чтобы читать труды советских зоологов. Он просил отца писать ему по-русски, обращаясь к адресату «Дорогой Алек!». Именно он способствовал переводу «Снежного покрова» на английский язык и популяризации идей А. Н. Формозова за рубежом.

Отец входил в Советский комитет зоологов и тратил много времени на налаживание сотрудничества с иностранными учеными. Вообще всяческих нагрузок в этот период у него, помимо службы в Институте географии и университете, было много. По-прежнему пристального внимания требовали заповедники. После XX съезда партии был поставлен вопрос об ошибочности сокращения сети заповедников в предшествующие годы и о необходимости, напротив, ее всемерного расширения. Вместе с академиком Е. М. Лавренко и старыми соратниками В. Г. Гептнером и С. В. Кириковым А. Н. Формозов подготовил «Перспективный план географической сети заповедников СССР» (1958). Он не раз публично выступал против нарушений порядка в заповедниках.

Входил Александр Николаевич и в редколлегии нескольких журналов, в ВАК, но, пожалуй, ближе всего к сердцу принимал дела Общества испытателей природы. Он был председателем его зоологической секции, членом президиума, редакционного совета и т. д. Общество возглавлял академик В. Н. Сукачев, убежденный противник направления Т. Д. Лысенко. В редактировавшихся В. Н. Сукачевым «Бюллетене МОИП, отдел биологический» и «Ботаническом журнале» регулярно печатались статьи в защиту подлинной биологии. Александр Николаевич живо следил за этой борьбой, принимал в ней посильное участие.

Много внимания в эти годы уделял Александр Николаевич и медицинской зоологии. Он представлял СССР в комиссии медицинской географии Международного географического союза, всегда был в курсе работ паразито-

Национальный музей Бразилии. Передача коллекций, привезенных А. Н. Формозовым из СССР, 1956 г.

логов из Института эпидемиологии и микробиологии Академии медицинских наук, Института медицинской паразитологии и тропической медицины Министерства здравоохранения СССР, Всесоюзного научно-исследовательского противочумного института в Саратове, Противочумного института Кавказа и Закавказья в Ставрополе, консультировал специалистов из учреждений того же профиля в Иркутске, Омске, Хабаровске, Алма-Ате, Аральске, Ашхабаде, Ростове-на-Дону, Астрахани, Орджоникидзе, Туле, Перми. Дружеские отношения сложились у него с Владимиром Николаевичем Беклемишевым (1896—1962) и Ильей Григорьевичем Иоффом (1897—1953), с которым он переписывался с 1929 г. Обоим он посвятил большие очерки. Многие ученики А. Н. Формозова — В. В. Кучерук, Т. Н. Дунаева, Н. Ф. Дарская, Е. В. Карасева и другие после окончания университета работали в системе здравоохранения, изучая грызунов — носителей инфекций. Сам он после книги 1947 г. о переносчиках туляремии на эти темы почти не писал, но то, что школу медицинских биологов создал он, признают все. По словам В. В. Ку-

черука, принятая в противоэпидемических учреждениях СССР система наблюдений за численностью грызунов, хранящих возбудителей болезней человека, сложилась в значительной мере под влиянием идей А. Н. Формозова¹⁰.

Как видим, первые два послевоенных десятилетия в жизни отца были весьма насыщенными. Но годы постепенно брали свое. Здоровье Александра Николаевича начало сдавать. Летом 1953 г., выкорчевывая сухую ель на дачном участке, он упал и получил тяжелый перелом лодыжки. Два месяца провел в Институте имени Н. В. Склифосовского, полгода — на костылях. Хирург Сергей Васильевич Лобачев — сам охотник и ученик Б. М. Житкова — семь раз поправлял смещенные кости с помощью гипса и вытяжения, говоря, что охотнику ноги нужны и потому надо подлатать его получше. И отец не хромал, ездил на охоту, хотя боли в ноге его порой мучили. К этому прибавились нарушения сердечной деятельности и гипертония, сведшая его в конце концов в могилу. Весной 1957 г. был первый острый церебральный криз. Повторялись они и позже. В 1958 г. Александр Николаевич лежал в больнице с приступом радикулита, в 1963 г. сломал руку.

Приходилось время от времени ездить подлечиваться в санатории: в 1948 и 1950 гг. — в Кисловодск, в 1952 и 1960 гг. — в Узкое, в 1954 г. — в Пятигорск, в 1956 г. — в Болшево, в 1961 и 1963 гг. — в Поречье, в 1964 г. — в Абрамцево. Там было скучно, тянуло в экспедиции. В 1953 г. купили полдачи в поселке Зеленоградская по Ярославской железной дороге. Отсюда удобно было ходить в лесные места к Софрино, речке Талице и дальше. Поездки в санатории стали реже.

В письмах к друзьям все чаще прорываются грустные ноты. Охота в Вологодской области далась нелегко: сдавало сердце. После поездки в Тургайские края: «Настроение у меня все время скверное, для этого много причин, главные из которых во мне самом и, кажется, неискоренимы»¹¹.

В 1959 г. отмечали шестидесятилетие А. Н. Формозова. На заседании в Большой зоологической аудитории МГУ юбиляр прочел доклад «Использование наблюдений

---

¹⁰ Кучерук В. В. Александр Николаевич Формозов. — В кн.: Фауна и экология грызунов. М.: Изд-во МГУ, 1970, вып. 9, с. 7.

¹¹ Письмо А. Н. Формозова Н. Ф. Дарской от 29 июня 1957 г.

над распределением численности и поведением птиц как показателя природных явлений». В. Г. Гептнер и Э. М. Мурзаев охарактеризовали его вклад в биологию и зоогеографию. С приветствиями выступили А. А. Григорьев и И. П. Герасимов, заведующий кафедрой зоологии позвоночных МГУ Н. П. Наумов, подчеркнувший, как искренне он хочет, чтобы юбиляр вернулся на кафедру, и др. Появились статьи к юбилею в «Бюллетене Московского общества испытателей природы, отдел биологический» и «Известиях Академии наук СССР, серия географическая», в «Охоте и охотничьем хозяйстве» и «Охотничьих просторах», в немецком журнале «Zeitschrift für Säugetierkunde». Был выпущен сборник в честь А. Н. Формозова «Исследование географии природных ресурсов животного и растительного мира» (1962). Было много поздравлений и теплых слов от учеников, работавших во всех концах страны — в вузах и академиях, в медицинских учреждениях и заповедниках.

Александр Николаевич все больше отходил от шумной жизни биологов. 1 ноября 1956 г. окончательно расстался с университетом после четверти века преподавания. За послевоенные годы он успел подготовить там новую плеяду учеников. Среди тех, кто слушал его курсы, писал под его руководством дипломные работы и диссертации, — Р. П. Зими́на, И. В. Зильберминц, К. С. Ходашова, Ю. Н. Куражсковский, А. М. Чельцов, Т. В. Кошкина, Л. Г. Динесман, Л. П. Никифоров, Л. А. Гибет, М. Я. Лаврова, С. А. Крассова (Шилова), Б. Е. Карулин, И. А. Шилов, В. В. Груздев, М. И. Лебедева, Б. А. Голов, Г. Е. Королькова, В. М. Смирин и др.

Вскоре Александр Николаевич отказался и от руководства зоологической секцией МОИП. В 1959 г. подал заявление об уходе на пенсию. Руководство Института географии АН СССР настояло, чтобы он остался. 20 ноября 1962 г. Александр Николаевич все же ушел на пенсию, передав заведование отделом Ю. А. Исакову и оставшись в институте старшим научным сотрудником-консультантом.

Последние годы (1963—1973)

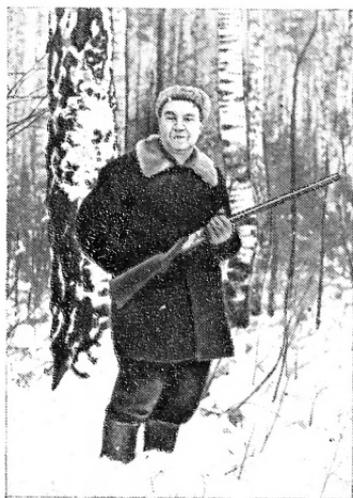
Последнее десятилетие жизни отца... Он не прекращал работать. В 1963 г. ездил на зоогеографическую конференцию в Ташкент, в 1965 г. — на орнитологическую конференцию в Алма-Ату, в 1970 г. — на совещание охотников в Киров, в 1964 и 1966 гг. побывал в Западной Сибири, в 1969 г. — в Наурзуме. С 20 мая по 8 июня 1970 г. проехал на машине более 2000 км по лесопосадкам Сальской степи, Калмыкии, Ставрополья. По-прежнему велись дневники наблюдений, хотя автор, наверное, уже не надеялся систематизировать и издать собранные материалы.

Как нередко бывает у стариков, его тянуло к тем, с кем связаны воспоминания ранней молодости. Такими людьми были нижегородцы братья Шапошниковы. Но в 1963 г. Георгий — «Зорька» Шапошников умер. С Федором Дмитриевичем поддерживалась интенсивная переписка. Вместе с ним Александр Николаевич и посетил в 1964 г. район Тобольска и Увата в Тюменской области, а в 1966 г. два месяца плывал на катере по Оби.

Поездка в Наурзум была прощальной. На месте ликвидированного заповедника скот вытаптывал камыши по берегам озер, они мелели, птиц истребляли. 12 августа 1969 г. А. Н. Формозов писал И. Б. и И. Д. Кирис: «Заповедник погибает, особенно степные участки, и ботаники вряд ли теперь увидят девственную степь. А жаль, очень жаль! Степь выбита так, что желтый суслик прет и прет на север. Это пустынный-то грызун!!!».

В 1967 г. навещал отец и Шарьинские края. Его сопровождала подростковая дочь Лиза. И тут все наводило на грустные мысли. Многих деревенских знакомых он уже не застал в живых. Дичи прибавилось.

Для весенних и осенних охот у семьи Формозовых

А. Н. Формозов на охоте в Подмосковье зимой 1962/63 г.

излюбленным местом стала Кировская область, где была создана специальная база Всесоюзного научно-исследовательского института охотничьего хозяйства и звероводства (ВНИИОЗ). Приезжих гостеприимно встречали кировские биологи, помогали с транспортом, устраивали на ночлег. Больше всего признателен был отец за эти заботы Михаилу Павловичу Павлову. С 1962 г. не пропустили ни одного сезона, в 1964, 1965 и 1968 гг. выбирались туда дважды, а в 1967 г. — даже трижды. С 1967 г. участвовал в этих вылазках и сын Коля, приучавшийся к охоте. Последний раз был в вятских лесах Александр Николаевич в мае 1973 г., за несколько месяцев до смерти. Реже охотились в других местах — в Медынском районе Калужской области (1963), в Калининской области (1972).

Не прекращалась и кабинетная работа, но в печати с середины 60-х годов отец выступал все меньше и меньше. Чаще проявлял себя как популяризатор. В 1968 г. у него вышли четыре популярные статьи и ни одной научной.

Занимался он главным образом проблемой «Млекопитающие и птицы — потребители плодов, семян древесных пород, ягодных кустарников и биоценотическое значение их взаимоотношений». Эти работы составили более половины посмертной книги отца. А. А. Насимович пишет о них: «А. Н. Формозов подробно характеризует трофические (кормовые) связи многих видов млекопитающих и птиц с различными породами деревьев и кустарников, показывает влияние урожайности плодов и семян на некоторые стороны экологии их потребителей, особенно на распространение, стациональное распределение, численность и массовые кочевки, нередко перерастающие в широкие миграции. Очень интересны данные об устройстве различными видами животных запасов корма из желудей, орешков кедра и т. д. и о последующей их судьбе. Особый интерес представляют данные о морфологических и других (например, фенологических, для животных также поведенческих) адаптациях друг к другу, возникших в результате длительной сопряженной эволюции, с одной стороны, продуцентов плодов и семян (например, кедра, ели, дуба и т. д.), а с другой — их консументов (потребителей, например белки, мелких грызунов, бурого медведя, кедровки, сойки и др.). Консументов, группирующихся вокруг той или другой древесно-кустарниковой породы,

например дуба, кедра, ели, Формозов образно называет «плеяда дуба», «плеяда кедра» и т. д.¹

В 1964 г. было проведено совещание «География плодonoшения лесных древесных пород, кустарников и ягодников». В материалы, изданные к совещанию, вошли две статьи Александра Николаевича: «Урожай плодов, семян древесных пород, ягодных кустарников и их биоценотическое значение» и «Урожай ягод брусники, черники и их значение в жизни рябчика». Той же темы касаются популярные статьи «Роль лесных ягод в жизни рябчика», «Плодonoшение лесных пород и кустарников», «Лес полон кладовых», доклад для орнитологического конгресса 1958 г. в Хельсинки «Об урожайности семян в тайге СССР и инвазиях в Европу некоторых видов птиц». В 1970 г. МОИП и Институт географии провели совещание на тему «Средообразующая деятельность животных». А. Н. Формозов прочел на нем два доклада: «Роль некоторых птиц и млекопитающих — потребителей семян и плодов древесных пород в формировании среды лесных биоценозов» и «Дятлы, особенности их деятельности и роль в формировании среды лесных биоценозов». В том же году на IX Международном конгрессе биологов-охотоведов был сделан доклад «Взаимоотношения водоплавающей дичи, чаек, куликов и некоторых хищников на гнездовьях в открытых ландшафтах СССР». В популярном варианте тот же вопрос освещен в статье «Взаимоотношения птиц на гнездовье» в журнале «Охота и охотничье хозяйство». На I Международном конгрессе по млекопитающим, назначенный на июнь 1974 г., был представлен доклад «Взаимоотношение членов плеяды — потребителей одного источника пищи». Тезисы увидели свет уже после смерти автора. Этот цикл работ А. Н. Формозова — последний его значительный вклад в развитие экологии и зоогеографии.

Последнее публичное выступление Александра Николаевича состоялось в 1972 г. Он участвовал в Первом Всесоюзном совещании по экологическим и эволюционным аспектам поведения животных. Тема была новая, модная, но слушатели убедились, что у старого ученого и по ней накоплены интересные наблюдения, наталкивающие на важные обобщения. Текст доклада был сдан в «Бюллетень

---

¹ *Насимович А. А.* Предисловие.— В кн.: *Формозов А. Н.* Звери и птицы и их взаимосвязи со средой обитания. М.: Наука, 1976, с. 9.

Московского общества испытателей природы». Статья увидела свет уже после смерти автора.

Это не было случайностью. Редактор сильно сократил текст. Стил писателя-натуралиста казался некоторым молодым ученым архаичным, чересчур беллетризованным, многословным. Утверждался предельно сухой и лаконичный стиль публикаций: протокольное изложение наблюдений, цифровые таблицы, краткие выводы, одним словом, информация. Резон в этом есть, ибо поток книг нас захлестывает и хочется быстро узнать самую суть новой работы, не тратя времени на всякие частности. Но эта манера, органичная для печатной продукции математиков, физиков, химиков, не всегда оправданна, когда автор рассказывает о природе или людях. Читатель уже не чувствует, что речь идет о живых существах. В названной мной статье редактор вычеркнул и так и не восстановил две фразы: «В Казахстане мне неоднократно приходилось наблюдать, как лисята около норы не боялись приближения человека и с интересом его рассматривали. Если в первый момент они и скрывались, то тут же вылезали вновь и, повернувшись в сторону человека, вытянувшись в напряженной позе, подолгу сидели так, что в лучах заходящего солнца просвечивали, краснея, их малоопушенные уши». Редактора можно понять: не все ли равно для специалистов, выписывающих научный журнал, просвечивают у лисят уши на солнце или нет. Но мы-то ощущаем, как вместе с этим абзацем из статьи ушла жизнь: живые лисята превратились в абстракцию.

Еще печальнее оказалась судьба статьи о тетеревиных птицах Шарьинского района. Подготовленная для тематического сборника, она была отклонена. Подбирая материал для посмертной книги отца, я взял эту рукопись с внутренним трепетом, боясь увидеть признаки спада, если не распада. А увидел написанный превосходным языком очерк о глухой левой стороне, ее деревнях и промыслах, о птицах, обитающих вокруг. Да, здесь на первый взгляд немало лишнего: сведения об истории этих мест, о жизни некоторых охотников. Должно быть, редакторы сочли это пустым старческим многословием, а это было проявлением гуманитарной заправки, свойственной всему творчеству А. Н. Формозова.

Так связи с наукой 60-х — начала 70-х годов постепенно слабели. Естественное математизировалось, кибернетизировалось. Работа в природе чем дальше, тем больше

отходила на второй план, уступая место лабораторной, биологии *in vitro* (в пробирке).

В первом опубликованном некрологе Александру Николаевичу — в журнале «Природа», где многое напутано (родился в семье учителя в 1898 г., поступил в МГУ в 1920 г., окончил в 1924 г., с тех пор там преподавал), — дан все же неплохой портрет покойного. Сказано, что он был «мягкий и уступчивый в отношениях с людьми», «скромный, даже застенчивый»². Скромным он был, пожалуй, всегда; но остальные черты характера появились лишь к концу жизни, когда он почувствовал себя чужим в академическом мире. В эти годы он иногда говорил, что, может быть, не совсем правильно выбрал специальность: ему следовало стать не ученым, а писателем-натуралистом. «Я много думал над тем самоуничтожением, которого требует от нас полная преданность науке, и решил, что моя ошибка в этой полной преданности. Нужно немножко от нее освободиться, и, пожалуй, пора мне хотя бы отчасти вернуться к искусствам — литературе и рисунку», — писал он однажды В. И. Осмоловской³.

Подводя итоги и размышляя о том, что удалось, а что не удалось совершить в жизни, отец как-то записал строки из стихотворения Б. Л. Пастернака «Свадьба».

Жизнь ведь тоже только миг,
Только растворенье
Нас самих во всех других.
Как бы им в даренье...

Да, пора активной деятельности, самоутверждения, лекций в университете, монографий, установочных докладов на конференциях прошла, а «даренье» еще продолжалось. Приведу для примера отрывок из письма А. А. Насимовичу одного из самых талантливых наших биологов младшего поколения — Н. Н. Воронцова (от 8 апреля 1975 г.). «Я, к сожалению, принадлежу уже к тому поколению, которое не слушало лекций А. Н. на кафедре... Но случилось так, что первая моя статья была написана и направлена в печать по рекомендации А. Н. После В. Е. Флинта школьный зоологический кружок при кафедре зоологии позвоночных перешел ко мне, и вместе с

² Александр Николаевич Формозов (Некролог).— Природа, 1974, № 2, с. 119.

³ Письмо А. Н. Формозова В. И. Осмоловской от 8 января 1948 г.

погибшим Славой Чабовским мы его вели 2 года. В зиму 1953/54 г. мы с юннатами М. Шемякиным и О. Ивановой обследовали дуплянки на территории Главного Ботанического сада в Останкине и обнаружили большие запасы воробьиного сычика. После этого мы предприняли энергичные розыски на Звенигородской биостанции и обнаружили и там запасы воробьиного сыча. Оказалось, что в наши руки попал материал больший, чем ранее был в распоряжении Г. Н. Лихачева. Варвара Ивановна сказала о нашей находке А. Н., и вот тогда-то я по-настоящему познакомился с ним. А. Н. с энтузиазмом отнесся к сборам. Он с интересом рассматривал замороженные тушки полевок, мышей, землероек из сычковых кладовых, обращал мое внимание на характерный для сычика способ охоты, на то, как умерщвлялась жертва. После того как я обработал и погадочный материал и показал таблицы А. Н., он принес в Зоомузей рулон, на котором акварелью, черной (или разбавленной) тушью, помню точно что кистью, было зарисовано более 80 зверьков, хранившихся в запаках сычика, обнаруженных Г. Н. Лихачевым. Этот свиток меня поразил. Ведь конечно же А. Н., рисуя его, не рассчитывал на его полную публикацию. Могло бы быть опубликовано в лучшем случае лишь 4—5 зарисовок. Но все 80 зверьков были тщательнейшим образом зарисованы, и А. Н. по этим зарисовкам комментировал способы охоты. Потом А. Н. предложил мне подготовить краткую статью для «Зоологического журнала». Я просмотрел всю немногочисленную отечественную литературу и немецкую сводку Уттендорфер по питанию дневных и ночных хищников и с этим пришел к А. Н. Он сказал мне, что нужно просмотреть «Зоолоджикал рикорд» и ознакомиться со всей литературой по питанию сычика. Я выписал все, что было, и, обнаружив, что основные работы опубликованы не только на доступном мне немецком, но и на недоступных мне норвежском, шведском и финском языках, сказал об этом А. Н. Не помню точно, что сказал Ал. Ник., но смысл его высказывания сводился к тому, что Вы должны написать статью, а то, какой язык Вы знаете, какой не знаете, не имеет значения. Надо перевести, понять, разобраться. И вот я сидел в МОИПовской библиотеке и переводил с шведского, норвежского и финского (больше с финского я ни разу не переводил), т. е. слева выписывал столбиком финские слова, а справа — русские. В конце концов разобрался, написал эту

статью, и А. Н. вместе с В. И. одобрил ее. Этим А. Н. преподавал мне не только урок тщательной работы с источниками, но и спас меня от боязни незнакомого языка. После этого, хотя я так толком и не владею ни одним западным языком, мне легче было работать с иностранной литературой.

Помню и встречу в лесу, в зиму, кажется, 1954/55 г., когда А. Н. начал сразу же на морозе в лесу рисовать тушью и с удовольствием рассказывал о том, что вполне можно сразу же зарисовки делать тушью в лесу зимой, надо только флакончик с тушью прятать под пальто.

Мне кажется, что А. Н. хорошо относился ко мне, хотя экологией-то я никогда всерьез не занимался. Мне особенно приятно, что А. Н. всерьез относился к фаунистическим находкам тушканчиков, т. е. к тому, что вроде бы, по мнению большинства, не составляет предмета науки, а есть лишь фаунистическая удача. Очень горжусь тем, что А. Н. в 1963 г. пришел на защиту моей кандидатской и выступил тепло и хорошо.

Вспоминая заседание в МОИП, на котором Владимир Георгиевич Гептнер рассказывал об изменчивости ласок В. Г. обратил внимание на то, что в этой очень полиморфной группе к северо-востоку от линии Кандалакша — Хабаровск живут мелкие ласки, с очень стабильно узким черепом, а южнее — крупные и варьирующие формы ласок. В. Г. обстоятельно доложил картину изменчивости и с удивлением отметил, что она противоречит экологическим правилам. А. Н. в своем кратком выступлении сразу же выдвинул блестящую гипотезу о том, что, быть может, черепа северных ласок узки потому, что они живут в зоне вечной мерзлоты или долгих зим, где размеры черепа ласки предопределены диаметром нор грызунов, расширять которые в этих условиях нельзя. Вероятно, здесь идет стабилизирующий отбор по признаку ширины головы. Такой отбор не идет или идет в ослабленной форме в южных частях ареала ласки.

Александр Николаевич представлялся мне всегда удивительным талантом, которому даны от бога и глаз, и умение видеть, и умение запечатлеть и прекрасно написать или рассказать об этом, увидеть что-то с необычной точки зрения».

Встречи с такой молодежью радовали, но собственная работа не шла. «Голова какая-то дурная, тяжелая», — не раз слышал я от отца в конце его жизни. Гипер-

тония, нарушение мозгового кровообращения усиливались. Спазмы повторялись. В декабре 1967 г. он попал в больницу с жестокой почечной коликой. Когда он отлежался и возвратился домой, в ту же одноместную палату принесли на носилках мою мать с переломом шейки бедра. После одного из кризов отец спросил меня, что я хотел бы получить по завещанию — пора заняться его оформлением.

В 1969 г. Александру Николаевичу исполнилось семьдесят лет. От заседания с чествованием он отказался. Вышли юбилейные статьи в «Бюллетене Московского общества испытателей природы», «Зоологическом журнале», в «Известиях Академии наук СССР, серия географическая», в «Охоте и охотничьем хозяйстве». А. Н. Формозову был посвящен девятый выпуск «Фауны и экологии грызунов» со вступительной статьей В. В. Кучерука.

Преодолевая болезнь, 70-летний ученый ежедневно садился за письменный стол. Надо было кому-то оппонировать, кому-то ответить на вопросы, кому-то помочь и т. д. и т. п. В день своего рождения — 14 февраля 1968 г. на совещании в Министерстве сельского хозяйства он дал резкую отповедь тем, кто искажает суть работы биологов в природе⁴ и кто превращает заповедники в свои охотничьи угодья. И все-таки уже не это было главным. «Главное — не отрываться от природы», — писал Александр Николаевич Ф. Д. Шапошникову⁵. Круг замкнулся: почти те же слова содержатся в завещании Николая Елпидифоровича. Отец пользовался любой возможностью, чтобы уехать на дачу, побродить по окрестным лесам, покопать грядки на участке, понаблюдать за синицами, прилетавшими к расставленным там кормушкам. Лето 1972 г. семья жила в городе. Коля поступал в университет. Родители волновались. Была страшная жара. Однажды в августе Александр Николаевич весь день работал на дачном участке, а когда собрался в город, никак не мог запереть замок: правая рука почему-то плохо работала. Дома ночь прошла тяжело. Вызвали врача. Тот определил инсульт и настоял на госпитализации. Очень испуганный, я приехал в академическую больницу и нашел отца в четырехместной палате. Мне показалось, что все не так уж страшно: речь не нарушена, движения в руке

⁴ См.: *Рекемчук А.* Скучный материк.— Москва, 1968, № 1, с. 89.

⁵ Письмо А. Н. Формозова Ф. Д. Шапошникову от 22 декабря 1957 г.

восстанавливаются. Отец томился больничной обстановкой и просился домой. Уверял меня, что всю жизнь хуже действовал правой рукой, чем левой. Выписался раньше срока. Установка была взята на то, что все в порядке, ничего не случилось. Александр Николаевич глотал какие-то таблетки, но нередко забывал об этом и никогда не помнил их названий.

В сентябре даже поехали на охоту в Кировскую область. Там стало ясно, что случилось непоправимое. Ходить отец почти не мог, стрелять — тоже. Он не жаловался, но с тоской смотрел на осенний лес, на птиц, тянущих в небо. В ноябре жил в санатории «Узкое». У окна он повесил приманки для синиц и глядел на них часами. Понемногу бродил по зимнему парку, искал следы, 23 декабря 1972 г. сделал за городом свой последний рисунок — след ласки. 14 января 1973 г. датируется последняя запись в дневнике.

Резкого ухудшения не было, но нарушение мозгового кровообращения явно обострялось. Это особенно бросилось в глаза после лета 1973 г. Больной забывал слова, говорил мало, часто сидел в какой-то прострации, рано ложился спать. Все же ежедневно он пытался работать, перебирал свои записи, как-то по-новому их группировал. Иногда показывал что-либо из них жене, советовал использовать в задуманных статьях. Как это бывает, из глубин сознания вдруг всплывало что-то очень давнее. Один раз он поразил меня, прочтя наизусть кусок из оды Державина «На смерть князя Мещерского», выученный, вероятно, лет 65 назад в гимназии. Вспоминал о своих поездках, о друзьях — зоологах и охотниках. Многих уже не было в живых, и, говоря об этом, он не мог сдерживать слезы. В конце 1973 г. пришла весть о кончине Федора Дмитриевича Шапошникова.

В Академии наук намечалось очередное сокращение штатов. Надо было набраться мужества и уйти самому. Этот шаг дался мучительно трудно. Подписав заявление о выходе на пенсию, отец неожиданно решил искать место на географическом факультете МГУ, на кафедре биогеографии у старого друга А. Г. Воронова.

20 декабря 1973 г. во время вечерней прогулки отцу стало плохо. Варвара Ивановна едва довела его до дому. Когда она уложила отца в постель, он уже был без сознания. Это был новый инсульт. Не приходя в себя, вечером 22 декабря Александр Николаевич скончался.

А. Н. Формозов в 1969 г.

Гражданская панихида состоялась 26 декабря в Институте географии. Проститься с покойным пришло много людей. В эти дни в Москве проходила V Всесоюзная экологическая конференция, и среди пришедших и выступавших были ленинградец Г. А. Новиков, Н. И. Калабухов из Владивостока и другие ученые. Выступали И. П. Герасимов, В. Е. Соколов, А. А. Насимович, А. Г. Воронов, Э. М. Мурзаев, В. В. Кучерук, Е. В. Карасева, М. П. Павлов — друзья, ученики. Тело кремировали в Ново-Никольском крематории. Урну с прахом захоронили на Новодевичьем кладбище. Над ней поставлено белое мраморное надгробие, увенчанное скульптурой горноста, напоминающей о рассказе Формозова «Во времена звероловства». Это работа В. М. Смиринина — зоолога и художника-анималиста, учившегося у Александра Николаевича и у В. А. Ватагина. Вышли некрологи в «Природе», «Известиях Академии наук СССР, серия географическая», «Охоте и охотничьем хозяйстве», «Проблемах особоопасных инфекций», в мюнхенском «Säugetierkundliche Mitteilungen», берлинском «Zeitschrift für Angewandte Zoologie».

Московское общество испытателей природы провело два заседания памяти А. Н. Формозова. Первое приурочили ко дню его 75-летия — 14 февраля 1974 г., второе — к годовщине смерти. К обоим заседаниям были развернуты выставки рисунков отца. Показывали их и летом 1974 г. на I Международном конгрессе по териологии в новом здании МГУ, на орнитологической конференции 1974 г.,

на II съезде териологов СССР в 1978 г. На каждой выставке была своя подборка графики, ни один рисунок не демонстрировался дважды. На заседаниях ученица Александра Николаевича И. В. Зильберминц, занимавшаяся некогда художественным чтением, прочла его рассказы «Во времена звероловства» и «Половодье на Волге». Были сделаны доклады о Формозове — педагоге и художнике, о его научных трудах. Они напечатаны в посвященном памяти почетного члена МОИП номере «Бюллетеня». На декабрьском заседании очень живо рассказал о юности Александра Николаевича его одноклассник В. Г. Гептнер. Это было последнее выступление Владимира Георгиевича, вскоре и его не стало. Первое заседание проходило в Зоологической аудитории, где отец не раз читал лекции студентам биофака, второе — в Коммунистической, где прозвучал его доклад о внутривидовой борьбе. Ораторы об этом напомнили.

Неопубликованные статьи Александра Николаевича были отредактированы А. А. Насимовичем и составили книгу «Звери и птицы и их взаимосвязи со средой обитания», вышедшую в издательстве «Наука» в 1976 г. Избранные научно-художественные произведения объединены в книге «Среди природы», изданной МГУ. К наследию ученого проявили интерес журналы. «Природа» поместила очерк «В Дагестане», подборку рисунков и статью А. А. Насимовича об авторе, «Охота и охотничье хозяйство» — очерк «Каждый год», рисунки и статью Н. П. Смирнова «Александр Формозов — писатель и художник». «Юный натуралист» перепечатал в 1977 и 1978 гг. его советы юннатам «Как записывать наблюдения» и «Как обрабатывать дневники» из журнала за 1939 г. В Кирове опубликовали даже отрывок из частного письма отца «О реакции волка на человека». Встал вопрос о публикации его дневников (дневники Э. Сетона-Томпсона увидели свет полностью в пятидесяти томах). Пока в альманахе «Охотничьи просторы» вышли отрывки из дневника поездки 1917 г. по Северной Двине. Готовится выборка из других ранних дневников. В издательстве «Наука» печатается новый сборник избранных трудов А. Н. Формозова. Жизнь его в науке продолжается.

Каков же общий итог этой долгой, захватившей себя малою три четверти века жизни? В последние свои годы отец часто говорил о себе как о банкроте и неудачнике. Он был неправ, конечно. Ему повезло больше, чем многим

его сверстникам. Он жил долго и все время занимался любимым делом. В МГУ он создал школу экологов, признанную во всем мире. Не возвращаясь вновь к оценке конкретных его трудов и циклов исследований, мы можем сказать, что все они заложили основы отечественной экологии и зоогеографии, перенеся центр тяжести в работе биолога с анализа видового состава фауны на выявление связей животных с определенными компонентами ландшафта и со средой обитания в целом.

А. Н. Формозов не так уж мало написал. В списке его публикаций более трехсот названий. Он зарекомендовал себя не только как ученый, но и как писатель и художник-натуралист. И сегодня сохранили свою свежесть его «Шесть дней в лесах» и «Спутник следопыта». Александр Николаевич много ездил по белому свету: работал в Горьковской, Костромской и Вологодской областях, на Северной Двине, на Кольском полуострове и островах Баренцева моря, в херсонских степях и на Черном море, на Северном Кавказе — от Приазовья до Каспия, в Западной Сибири и на Печоре, в Казахстане и в Туркмении, в Приамурье и в Монголии, видел, хоть и мельком, Бразилию и Центральную Европу. У него были хорошие друзья и преданные ученики, люди, любившие его и ценившие его заслуги.

И все же горькое сознание нераскрытых возможностей возникло у отца недаром. Совершил он, безусловно, куда меньше, чем мог бы. Не написал обещанного в 1946 г. продолжения «Снежного покрова». В стадии заготовок остались «Орнитология», «Биология млекопитающих», «Кустанайские озера», «Запасы у млекопитающих», «Звери в природе»...

Причины этого — и внешние и внутренние. Время было нелегкое — достаточно вспомнить о гражданской и Великой Отечественной войне. Всю подсобную черновую работу ученый с юных лет и до старости делал сам, без помощи лаборантов. Издать даже вполне завершённые исследования удавалось далеко не всегда. Отсюда и нервное переутомление. Невозможность часто и подолгу бывать в природе, необходимость проводить несчетные часы на бесплодных заседаниях угнетали и выматывали. Объемистые монографии создают люди методичные, очень уравновешенные, умеющие, отвлекаясь от всего, ежедневно выдавать запланированное количество страниц. Натура отца была иной — нервной, скорее художественной.

Антрополог Я. Я. Рогинский (между прочим, хорошо знавший и любивший Александра Николаевича) напечатал несколько интересных очерков о типах характера. В одном из них меня поразила глава о специфическом церебральном типе. Люди, принадлежащие к нему, сохраняют некоторые детские черты во внешнем облике — округлый лоб с выступающими лобными буграми, но слабо развитыми надбровными дугами и сравнительно небольшим лицевым отделом. Все это можно увидеть на фотографиях отца. В характере таких людей заметны склонность к чувствительности (вспомним эпитафию к «Шести дням» и приведенные выше цитаты из писем), сочетание логического и образного восприятия мира, тяга к искусству и нелюбовь к технике и математике, быстрая утомляемость при умственной работе и нередко стремление бежать от людей и от общества из-за своей мнимой неполноценности⁶. И это отцу было весьма свойственно. Я спросил Якова Яковлевича, правильно ли я отношу отца к церебральному типу, и услышал в ответ, что мы оба «классические представители» этого типа.

Быстрая утомляемость при умственной работе проявлялась у Александра Николаевича очень резко. Он оставался бесконечно преданным науке человеком, тонким наблюдателем, собравшим множество интересных фактов, осмысливавшим их оригинально и талантливо, но он рано устал, и сил на то, чтобы подвести итоги своих долготлетних исследований, у него уже не хватило.

Отец был создан для жизни на лоне природы. В тайге и в пустыне он чувствовал себя увереннее, чем в городе, легко и не скованно. Лучше всего ему было наедине с природой. Если его окружали люди, близкие ему по духу, так же, как он, любившие наши леса и степи и их обитателей, жаждавшие научиться у него пониманию этого мира, ему тоже было хорошо. Но когда надо было биться с теми, кто уничтожал леса, закрывал заповедники, порочил науку, — это было напряжение сверх сил. Александр Николаевич никогда не уклонялся от такой борьбы, видя в том свой долг и перед природой, и перед наукой, и перед народом, но давалось ему этой крайне тяжело.

Думается и вот еще что: Александру Николаевичу доставлял удовольствие сам процесс общения с природой.

---

⁶ Рогинский Я. Я. Можно ли связать строение тела с характером? - Природа, 1972, № 2, с. 53.

Ему нравилось путешествовать, ходить пешком, охотиться, наблюдать, разгадывать, как связаны между собой замеченные явления. Претворять результаты этих поисков в книги и статьи тянуло его меньше, хотя он и понимал, что это важно, и досадовал на тех, кто выпускает поверхностные сочинения по давно продуманным им вопросам. Страсть к знанию и творческая страсть не одно и то же. И последнее: мне кажется, что он не просто любил природу и животных — они были ему неизмеримо дороже, чем наука о них.

Эти грустные размышления нетрудно продолжить. И все же... К статье «Памяти Л. Г. Капланова» Александр Николаевич взял эпиграф из Д. В. Вeneвигинова:

Природа не для всех очей
Покров свой тайный подымает:
Мы все равно читаем в ней —
Но кто, читая, понимает?
Лишь тот, кто с юношеских дней
Был пламенным жрецом искусства,
Кто жизни не щадил для чувства,
Венец мученьями купил,
Над суетой вознесся духом...⁷

Таких людей он ценил больше всего. Таким был и он сам.

«Как бывает абсолютный слух в музыке, так бывает и абсолютный глаз в природе, и этим редчайшим свойством обладает Ваш батюшка», — говорил мне Вениамин Иосифович Цалкин — зоолог, работавший в Институте археологии. Надеюсь, что с этой характеристикой и останется в истории советской науки Александр Николаевич Формозов.

---

⁷ *Венеvигинов Д. В.* Полн. собр. соч. М.; Л.: Academia, 1934, с. 121.

Основные даты жизни и деятельности

- 1899, 13(1) февраля — В Нижнем Новгороде родился Александр Николаевич Формозов.
- 1909 — Поступил в Нижегородскую первую мужскую гимназию.
- 1917, май — Окончил гимназию.
- 1917, сентябрь — Поступил на химическое отделение Варшавского политехнического института.
- 1918, октябрь — Призван в Красную Армию.
- 1919—1920, апрель — Пребывание на Южном фронте.
- 1920—1922 — Студент биологического, затем медицинского (биологического отделения) факультета Нижегородского университета.
- 1922 — Студент физико-математического факультета (естественное отделение) Московского университета.
- 1925, март — Окончил биологическое отделение физико-математического факультета МГУ, оставлен в аспирантуре Института зоологии МГУ.
- 1926, 25 июня — 1 октября — Экспедиция в Монголию.
- 1928, 14 мая — сентябрь — Экспедиция на Дальний Восток.
- 1929, сентябрь — 1930, январь — Доцент Института прикладной зоологии и фитопатологии в Ленинграде.
- 1930—1956 — Преподаватель биологического факультета Московского университета (с 1 февраля 1930 г. — доцент, с 15 мая 1935 г. — профессор).
- 1930—1934 — Доцент Всесоюзного зоотехнического института пушно-мехового и охотничьего хозяйства.
- 1931—1932 — Заведующий сектором по изучению дикой промысловой птицы в Научно-исследовательском институте птицеводства и птицепромышленности Наркомспаба СССР.
- 1932—1935 — Сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института пушно-мехового и охотничьего хозяйства Наркомвнешторга СССР (заведующий научной частью, заместитель директора по научной части, консультант).
- 1935, 15 июня — Присвоена ученая степень доктора биологических наук (без защиты).
- 1945, 16 марта — 1962, 20 ноября — Заведующий сектором биогеографии Института географии Академии наук СССР.
- 1953, 12 сентября — Награжден орденом Трудового Красного Знамени.
- 1956, 14 июля — 20 сентября — Поездка в Бразилию.
- 1962, 20 ноября — Старший научный сотрудник — консультант Института географии АН СССР.
- 1973, 22 декабря — Александр Николаевич Формозов скончался в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище,

Основные публикации А. Н. Формозова¹

1. Об особенностях ареалов русских соев (*Myoxidae*) и бурундука (*Eutamias asiaticus* Gmel).— Бюл. МОИП, 1928, т. 37, вып. 3/4, с. 205—249.
2. Mammalia in the steppe biocenose.— *Ecology*, 1928, vol. 9, N 4, p. 449—460.
3. Остров Кильдин и его фауна.— В кн.: Центральная лесная опытная станция. Труды по лесному делу; вып. 6. М., 1929, с. 3—35.
4. Млекопитающие Северной Монголии по сборам экспедиции 1926 г.— В кн.: Предварительный отчет зоологической экспедиции в Северную Монголию в 1926 г.; Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1929, вып. 3, с. 1—144.
5. Гага и промысел гагачьего пуха. Распространение, биология; хозяйственное значение, методы правильного использования гнездовых колоний, сбор пуха, его очистка и хранение. М.: Всесоюзсоюз, 1930. 57 с.
6. Формула для количественного учета млекопитающих по следам.— Зоол. журн., 1932, т. 11, вып. 2, с. 66—69.
7. Карты распространения промысловых зверей и птиц. Задачи и методы картирования биологических данных.— Зоол. журн., 1933, т. 12, вып. 4, с. 110—116.
8. Тезисы и предложения по докладу А. Н. Формозова о биологических основах для установления правил и сроков охоты.— В кн.: Труды фаунистической конференции Зоологического института АН СССР 3—8 февраля 1932 г. Секция наземных позвоночных. Л., 1933, с. 17—22.
9. Урожай кедровых орехов, налеты в Европу сибирской кедровки (*Nucifraga caucosatactes macrohynchus* Brehm) и колебания численности у белки (*Sciurus vulgaris* L.).— Бюл. ВНИИ зоологии МГУ, 1933, № 1, с. 64—70.
10. Озерная лесостепь и степь Западной Сибири как область массового обитания водяных птиц. (Экол.-геогр. очерк).— Бюл. МОИП, 1934, т. 43, вып. 2, с. 256—286.
11. Массовые способы лова водоплавающей птицы. М.; Л.: КОИЗ, 1934. 36 с.
12. Хищные птицы и грызуны.— Зоол. журн., 1934, т. 13, вып. 4, с. 664—700.
13. Основные вопросы экологии белки и программа работ в этой области.— В кн.: Формозов А. Н., Наумов Н. П., Кирилл И. Д. Экология белки. М.; Л.: КОИЗ, 1934, с. 3—24.
14. Материалы к биологии рябчика (*Tetrastes bonasia volgensis* But) по наблюдениям на севере Горьковского края. Ч. 1. Питание, распределение по станциям, сезонные кочевки, распространение и урожайность кормовых растений, некоторые указания по бонитировке рябчиковых угодий.— Бюл. МОИП, 1934, т. 43, вып. 1, с. 3—34.

¹ Полный список публикаций А. Н. Формозова см. в его книге «Звери, птицы и их взаимосвязи со средой обитания» (М.: Наука, 1976, с. 295—307). Дополнения к этому списку см. ниже.

15. Особый тип климатограмм для экологических исследований.— Учен. зап. МГУ, 1934, вып. 2, с. 271—274.
16. Колебания численности промысловых животных. М.; Л.: КОИЗ, 1935. 108 с.
17. Деятельность грызунов на пастбищах и сенокосных угодьях. (К вопросу о взаимоотношениях грызунов и растительности). IV. Некоторые данные о грызунах альпийской зоны Кавказа.— Бюл. МОИП, 1935, т. 44, вып. 1/2, с. 82—89. Совм. с И. Б. Просвириной.
18. Очерк фауны наземных позвоночных Горьковского края.— В кн.: Природа Горьковского и Кировского краев. Горьковск. кн. изд-во, 1935, с. 135—182.
19. Миграции обыкновенной белки (*Sciurus vulgaris* L.) в СССР.— Тр. Зоол. ин-та АН СССР, 1936, т. 3, с. 97—164.
20. Материалы к экологии водяных птиц по наблюдениям на озерах Государственного Наурзумского заповедника (Северный Казахстан).— В кн.: Памяти академика Михаила Александровича Мензбира. М.: Изд-во АН СССР, 1937, с. 551—595.
21. Программа и методика работ наблюдательных пунктов по учету мышевидных грызунов в целях прогноза их массового появления.— Учен. зап. МГУ, 1937, вып. 11, с. 78—119.
22. Деятельность грызунов на пастбищах и сенокосах. II. Наблюдения над грызунами — вредителями выгонов и сенокосов Южной Украины.— Там же, вып. 13, с. 39—57. Совм. с И. Б. Просвириной-Кирис.
23. Деятельность грызунов на пастбищах и сенокосах. III. Влияние общественной полевки (*Microtus socialis* Pall) и некоторых других грызунов на растительность Кизлярского района Дагестанской АССР.— Там же, с. 59—70. Совм. с И. Б. Просвириной-Кирис.
24. Об освоении фауны наземных позвоночных и вопросах ее реконструкции. 1. Изменение фауны человеком.— Зоол. журн., 1937, т. 16, вып. 5, с. 916—949.
25. К вопросу о вымирании некоторых степных грызунов в позднечетвертичное и историческое время.— Зоол. журн., 1938, т. 17, вып. 2, с. 260—272.
26. Деятельность грызунов на пастбищах и сенокосных угодьях Западного Казахстана и ее хозяйственное значение (биотические отношения грызунов и растительности).— Учен. зап. МГУ, 1939, вып. 20, с. 3—122. Совм. с А. Г. Вороновым.
27. Роль эпизоотий в динамике численности промысловых млекопитающих и птиц.— Зоол. журн., 1940, т. 19, вып. 2, с. 353—356.
28. Млекопитающие Дагестана.— В кн.: Сборник трудов Зоологического музея МГУ. М., 1941, т. 6, с. 3—74. Совм. с В. Г. Гептнером.
29. Снежный покров как фактор среды, его значение в жизни млекопитающих и птиц СССР.— В сер.: Материалы к познанию фауны и флоры СССР. Нов. сер. Отд-ние зоол. М.: МОИП, 1946, вып. 5 (XX). 152 с.
30. Фауна [Москвы и Подмосковья].— В кн.: Природа Москвы и Подмосковья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947, с. 287—370.
31. Очерк экологии мышевидных грызунов — носителей туляремии.— В сер.: Материалы к познанию фауны и флоры СССР. Нов. сер. Отд-ние зоол. М.: МОИП, 1947, вып. 7 (XXII). Материалы по грызунам, вып. 1. 94 с.

32. Наблюдения над внутривидовой борьбой за существование у позвоночных.— В кн.: Внутривидовая борьба у животных и растений. М.: Изд-во МГУ, 1947, с. 15—33.
33. Мелкие грызуны и насекомоядные Шарьинского района Костромской области за период 1930—1940 гг.: (К вопросу о факторах, определяющих движение численности *Microtammalia* в северных лесах).— В кн.: Фауна и экология грызунов: Материалы по грызунам. Вып. 3. Материалы к познанию фауны и флоры СССР. Нов. сер. Отд-ние зоол. М.: МОИП, 1948, вып. 17 (XXXVII), с. 3—110.
34. Животный мир [Казахстана].— В кн.: Казахстан: Общая физико-географическая характеристика. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950, с. 346—461.
35. Птицы и вредители леса: Значение птиц в регулировании численности вредных насекомых леса и лесных посадок.— В сер. Среди природы. М.: МОИП, 1950, вып. 2. 184 с. Совм. с В. И. Осмоловской и К. Н. Благосклоновым.
36. Количественный метод в зоогеографии наземных позвоночных животных и задачи преобразования природы в СССР.— Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1951, № 2, с. 62—70.
37. О гнездовании некоторых лесных птиц в Подмосковье.— Бюл. МОИП, 1956, т. 61, вып. 3, с. 24—26.
38. Животный мир [Средней Азии].— В кн.: Средняя Азия: Физико-географическая характеристика. М.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 362—472. При участии Р. П. Зиминной.
39. О движении и колебании границ распространения млекопитающих и птиц.— В кн.: География населения наземных животных и методы его изучения. М.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 172—196.
40. Изменение природных условий степного Юга европейской части СССР за последние сто лет и некоторые черты современной фауны степей.— В кн.: Исследования географии природных ресурсов животного и растительного мира. М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 114—161.
41. Териология: (Учебное пособие для гос. университетов СССР). М.: Высшая школа, 1963. 396 с. Совм. с И. И. Барабаш-Никифоровым.
42. Равнинность Западной Сибири и связанные с ней особенности животного мира.— В кн.: Развитие и преобразование географической среды: К 80-летию со дня рождения академика А. А. Григорьева. М.: Наука, 1962, с. 201—221.
43. Некоторые наблюдения за поведением млекопитающих в природе.— Бюл. МОИП, 1973, т. 78, вып. 6, с. 5—11.
44. Звери, птицы и их взаимосвязи со средой обитания. М.: Наука, 1976. 312 с.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ КНИГИ

1. Шесть дней в лесах: Приключения юных натуралистов. М.: изд-во «Синяя птица», 1924. 115 с.; 2-е изд. М.; Л.: Госиздат, 1927. 114 с.; 3-е изд., перераб. М.: МОИП, 1948, 112 с. (Сер. Среди природы; Вып. 5).
2. В Монголии: Очерк путешествия зоологического отряда Монгольской экспедиции Академии наук СССР. М.; Л.: Госиздат, 1928. 152 с.

3. Спутник следопыта. М.; Л.: Детгиз, 1936. 280 с.; 2-е изд., доп. М.: Детгиз, 1943. 200 с.; 3-е изд., доп. М.: МОИП, 1952. 360 с. (Сер. Среди природы; Вып. 35); 4-е изд. М.: Детгиз, 1959. 320 с.; 5-е изд. М.: Дет. лит., 1974. 314 с.
4. История выводка белки. М.; Л.: КОИЗ, 1937. 64 с.
5. Среди природы: Избр. науч.-худож. произв. М.: Изд-во МГУ, 1978. 260 с.

Дополнения к полному списку публикаций А. Н. Формозова

1. К друзьям природы.— В кн.: Письма к сельским пионерам. М.: Молодая гвардия, 1947, с. 138—142.
2. В добрый путь, разведчики богатств родного края.— Там же, с. 127, 128. Совм. с Н. В. Цициным, Д. И. Щербаковым, Н. Н. Плавильщиковым.
3. Четвероногие враги урожая.— В кн.: Родная речь: Книга для чтения в 3-ем классе, 5-е изд. М.: Учпедгиз, 1949, с. 176, 177. Стереотипически печаталось до изд. 26 (М.: Просвещение, 1970, с. 171, 172).
4. Зоогеографическая карта СССР: Для вузов. Масштаб: 1 : 4 000 000. М., 1951.
5. Предисловие.— В кн.: Бёме Л. Б. Рассказы натуралиста. М.: Географиздат, 1955, с. 5—7.
6. В защиту заповедников.— Известия, 1957, 6 апр. Совм. с Г. Боссе, Р. Геккером, В. Гептнером, Н. Кабановым, А. Насимовичем, Г. Никольским, Н. Черненко.
7. Послесловие.— В кн.: Карпович Титус. Властелин гор. М.: 1966, с. 222, 223.
8. Правильно освещать факты.— Охота и охотничье хоз-во, 1969, № 2, с. 4, 5. Совм. с Н. А. Gladковым, Н. Н. Семеновым, Б. А. Кудряшовым, Б. Л. Астауровым, Л. Г. Крушинским, Ю. А. Ливеровским.
9. Животный мир.— В кн.: Казахстан. М.: Наука, 1969, с. 256—275, 286—289. (Сер. Природные условия и естественные ресурсы СССР; Вып. 7).
10. Об авторе: Предисл. к ст.: *Сосновский Г. Г.* Дело охотничье.— В кн.: Охотничьи просторы. М.: Физкультура и спорт, 1973, Альманах 30, с. 124—126.
11. О реакции волка (*Canis lupus L.*) на человека.— В кн.: Поведение охотничьих животных: Сб. науч.-техн. информ. Киров: ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства имени проф. Б. М. Житкова, 1976, вып. 51/52, с. 84, 85.
12. Каждый год.— Охота и охотничье хоз-во, 1976, № 1, с. 37—39.
13. В Дагестане.— Природа, 1976, № 3, с. 101—108.
14. Наблюдения за жизнью животных.— В кн.: Следопыт. М.: Физкультура и спорт, 1976, с. 110—125.
15. Звери, птицы и их взаимосвязи со средой обитания. М.: Наука, 1976. 310 с.
16. Как записывать наблюдения.— Юный натуралист, 1977, № 5, с. 5—7.
17. Как обрабатывать дневники.— Там же, 1978, № 3, с. 42, 43.
18. Лето на Севере.— В кн.: Охотничьи просторы. М.: Физкультура и спорт, 1978, Альманах 35, с. 149—155; 1979, Альманах 36, с. 144—148.
19. Млекопитающие в биоценозе степей.— Бюл. МОИП, 1978, т. 83, № 2, с. 150—156.
20. Среди природы.— Избр. науч.-худож. произв. М.: Изд-во МГУ, 1978. 260 с.

Литература об А. Н. Формозове

- Александр Николаевич Формозов: (Некролог).— Природа, 1974, № 2, с. 119.
- Александр Николаевич Формозов: (Некролог).— Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1974, № 3, с. 158—160.
- Воронов А. Г. Взаимоотношения животных и растений в работах А. Н. Формозова и дальнейшее развитие этого направления.— БМОИП, 1979, т. 84, вып. 6, с. 27—34.
- Гейтнер В. Г. К шестидесятилетию Александра Николаевича Формозова.— В кн.: Исследования географии природных ресурсов животного и растительного мира. М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 7—11.
- Дебрин И. И. Ученый — следопыт — охотник.— Охота и охотничье хоз-во, 1959, № 5, с. 55.
- Исаков Ю. А. А. Н. Формозов — эколог и зоогеограф: (К 60-летию со дня рождения).— Бюл. МОИП, 1959, т. 64, вып. 5, с. 151—155.
- Исаков Ю. А. Александр Николаевич Формозов: (К 60-летию со дня рождения).— Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1959, № 4, с. 154—156.
- Кириков С. В. Александр Николаевич Формозов: (К 70-летию со дня рождения).— Там же, № 2, с. 131, 132.
- Кучерук В. Д. Александр Николаевич Формозов: (К 70-летию со дня рождения и 45-летию научной деятельности).— В кн.: Фауна и экология грызунов. М.: МОИП, 1970, вып. 9, с. 5—10. (Материалы к познанию фауны и флоры СССР; Вып. 45 (LX)).
- Лавровский А. А., Варшавский С. Н. и др. Памяти Александра Николаевича Формозова (1899—1973).— В кн.: Проблемы особоопасных инфекций. Саратов, 1974, вып. 3(37), с. 126—127.
- Мурзаев Э. М. Рассказы об ученых и путешественниках. М.: Мысль, 1979, с. 49—59.
- Насимович А. А. Значение научной и общественной деятельности А. Н. Формозова для развития отечественной экологии и биогеографии (к 70-летию со дня рождения).— Бюл. МОИП, 1969, т. 74, вып. 1, с. 150—155.
- Насимович А. А. Александр Николаевич Формозов: (Некролог).— Охота и охотничье хоз-во, 1974, № 4, с. 44, 45.
- Насимович А. А. Памяти Александра Николаевича Формозова.— Бюл. МОИП, 1975, т. 80, вып. 1, с. 5—18.
- Насимович А. А. Пионер отечественной экологии.— Природа, 1976, № 3, с. 117—121.
- Насимович А. А. Предисловие.— В кн.: Формозов А. Н. Звери, птицы и их взаимосвязи со средой обитания. М.: Наука, 1976, с. 3—10.
- Новиков Г. А. Александр Николаевич Формозов: (К 70-летию со дня рождения).— Охота и охотничье хоз-во, 1969, № 1, с. 22, 23.
- Попов В. А. К 70-летию профессора Александра Николаевича Формозова.— Зоол. журн., 1969, т. 48, вып. 5, с. 766, 767.
- Пришвин М. М. Неодетая весна.— Собр. соч.: В 6-ти т. М.: Гослитиздат, 1956, т. 6, с. 315—317.
- Смирин В. М. А. Н. Формозов — натуралист-художник.— Бюл. МОИП, 1975, т. 80, вып. 1, с. 25—30.
- Смирнов Ник. А. Н. Формозов — дважды художник: (К 60-летию со дня рождения).— В кн.: Охотничьи просторы. М., 1959, кн. 12, с. 327—331.

- Смирнов Ник.* Александр Формозов — писатель и художник.— Охота и охотничье хозяйство, 1976, № 1, с. 32—36.
- Формозов А. А.* Из переписки писателей-натуралистов (письма В. К. Арсеньева и Эрнста Томпсона-Сетона).— Бюл. МОИП, 1975, т. 80, вып. 1, с. 31—36.
- Формозов А. Н.* Среди природы/Сост., предисл. и коммент. А. А. Формозова. М.: Изд-во МГУ, 1978, с. 5—8, 255—260.
- Формозов Александр Николаевич.*— В кн.: БСЭ. 3-е изд., 1977, т. 27, с. 549.
- Шилов И. А.* Александр Николаевич Формозов как педагог.— Бюл. МОИП, 1975, т. 80, вып. 1, с. 19—24.
- Klett M.* Prof. A. N. Formosow 60 Jahre alt.—Z. Säugetierk., 1961, Bd. 26, H. 4, S. 255, 256.
- Klett M.* Professor Dr. A. N. Formosow (1899—1973).— Z. angew. Zool., 1975, 62 Jahrg., H. 1, S. 5—8.
- Turßer F. J.* Alexander N. Formosow.— Säugetierk. Mitt., 1974, Jahrg. 22, H. 2, S. 147, 148.

Александр Александрович Формозов
Александр Николаевич
ФОРМОЗОВ
1899—1973

*Утверждено к печати
редколлекцией научно-биографической литературы
Академии наук СССР*

Редактор В. С. Лупач
Редактор издательства В. П. Лишевский
Художественный редактор Н. А. Фильчагина
Технический редактор А. М. Сатарова
Корректор В. А. Шварцер

ИБ № 18440

Сдано в набор 26 03 80. Подписано к печати 03.07.80
Т-14012. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 7,98. Уч.-изд. л. 8,7. Тираж 20000 экз. Тип. заказ 2990
Цена 50 коп.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Содержание

От автора	5
Предки. Юность в Нижнем Новгороде (1899—1917) . .	7
Трудные перепоутья (1917—1920)	28
Студенческие годы (1920—1925)	36
Между Москвой и Ленинградом (1925—1930)	51
Расцвет. Тридцатые годы	70
В дни Великой Отечественной войны (1941—1945) . .	98
В Институте географии АН СССР (1945—1962) . . .	111
Последние годы (1963—1973)	132
Основные даты жизни и деятельности	146
Основные публикации А. Н. Формозова	147
Литература об А. Н. Формозове	151

А. А. Формозов

**Александр Николаевич
ФОРМОЗОВ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ КНИГА:

Гордеев Д. И.

АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ АРХАНГЕЛЬСКИЙ

(1880—1970)

М.: Наука, 1980, 6 л. 40 к.

Книга — рассказ о жизни и деятельности выдающегося советского геолога, академика Андрея Дмитриевича Архангельского, труды которого посвящены различным проблемам стратиграфии, литологии, тектоники, палеографии, полезным ископаемым. А. Д. Архангельский был организатором комплексной экспедиции по изучению Европейской части СССР. По его инициативе составлена геологическая карта этой территории в масштабе 1:1 000 000. В работе приведены интересные и малоизвестные факты о начале жизненного пути ученого — его участии в революционном студенческом движении, знакомстве с семьей Л. Н. Толстого и др.

Книга будет интересна широкому кругу читателей.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазина «Книга — почтой» «Академкнига»:

- 480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97
- 370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13
- 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 4
- 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2
- 197410 Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7а
- 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12
- 630090 Новосибирск, 90, Морской проспект, 22
- 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137
- 700029 Ташкент, Л-29, ул. К. Маркса, 28
- 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10
- 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42
- 310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6.

Цена 50 коп.